Л. А. КОТЕЛЬНИКОВА

ФЕОДАЛИЗМ И ГОРОД В ИТАЛИИ

В VIII–XV ВЕКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

K|U

б|п.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ACCADEMIA DELLE SCIENZE DELL'URSS
ISTITUTO DI STORIA UNIVERSALE

L. A. KOTEL'NIKOVA

MONDO FEUDALE E CITTÀ IN ITALIA NEI SECOLI VIII—XV

Dalle fonti dell'Italia centro-settentrionale

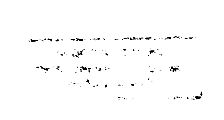
MOSCA «NAUKA»
1987

Л. А. КОТЕЛЬНИКОВА

ФЕОДАЛИЗМ И ГОРОД В ИТАЛИИ В VIII—XV ВЕКАХ

По материалам центральных и северных областей

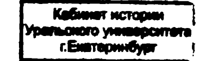
Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. И. РУТЕНБУРГ

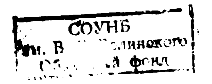


МОСКВА «НАУКА»
1987

Монография представляет собой исследование, основанное по большей части на материалах из архивов Италии, впервые вводимых в научный оборот. Это и труд, в котором осуществлен новый в историографии подход к показу роли и влияния города в феодальном обществе от периода генезиса феодализма до появления раннекапиталистических отношений.

Рецензенты
доктора исторических наук
Л. М. БРАГИНА, Л. С. ЧИКОЛИНИ





К $\frac{0504000000-041}{042(02)-87}$ 28—87—III

ВВЕДЕНИЕ

Историю средневековой Италии, идет ли речь об ее экономике, социальной или политической структуре, об ее культуре и идеологии, невозможно представить себе в отрыве, обособлении от истории города. Венеция и Генуя, Неаполь и Пиза, Милан и Флоренция были знаменитыми в средние века центрами международной торговли со странами Средиземноморья и Востока, а также с Западной и Северной Европой.

В сукноделии и производстве шелка ее передовых городов (Флоренция, Сиена, Болонья, Пиза), в судостроении Венеции уже в XIV—XV вв. появились «зачатки капиталистического производства»[1].

Зарождение «двойной бухгалтерии», истоки кредитно-банковского дела мы обнаруживаем в счетных книгах, векселях и иной документации Флоренции и Прато, Генуи и Сиены.

В 1257 г. в результате обнародования «Райской книги» Болоньи были провозглашены свободными людьми около 6 тыс. сервов. Наиболее впечатляющее постановление о лишении феодального дворянства — грандов политических прав было вынесено в 1293 г. Флоренцией в ее знаменитых «Установлениях справедливости». В той же Флоренции спустя полвека произошли первые выступления предпролетариата — многотысячного отряда ее наемных рабочих, которые немного позже, в 1378 г., решительно и грозно заявили о своем существовании и своих требованиях, захватив правительственный дворец и заставив (хотя и на короткое время) включить своих представителей в высший государственный орган республики.

Передовые итальянские города стали колыбелью блестящей культуры Возрождения. Трудно представить себе деятельность Данте и Боккаччо, Платоновской Академии без Флоренции, Рафаэля и Микеланджело без «вечного города». Именно Италии, по словам Маркса, было свойственно «исключительное развитие городов», «сохранившихся по большей части еще от римской эпохи»[2]. Италию Маркс в некотором роде противопоставил, отделил от других западноевропейских стран в эпоху средневековья, подчеркнув, что там город не только, как повсюду в Европе, «эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.
[2] Там же. Т. 25, ч. II. С. 365; Т. 23. С. 728.

прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»[3], но и господствует над деревней политически. Для средневековой Италии, не знавшей государственной централизации, характерна прежде всего система города-государства, подчинившего себе вначале ближайшую округу, а затем — весьма часто — распространившего свою власть далеко за пределы городского контадо. И, наконец, Италию Маркс назвал страной, где «феодализм... был сломлен исключительным развитием городов»[4].

Но, может быть, в таком случае нет необходимости в изучении такого «неспецифического» феодализма, а достаточно лишь ограничиться показом городского воздействия на аграрную периферию?

Естественно, что передовые итальянские города с их развитой промышленностью, элементами раннекапиталистической организации, затронувшей, в той или иной степени, и банковско-кредитное дело, и торговлю, так или иначе «преобразовывали» деревню в прогрессивном направлении. Об этом, в частности, свидетельствуют широкое распространение, а в немалом числе районов и господство полукапиталистической-полуфеодальной испольщины, в первую очередь во владениях горожан, появление в хозяйствах пополанов наемных работников, агротехнические преобразования на городских землях. Мы можем назвать и другие известные результаты воздействия города на феодализм в Италии на его зрелой, классической стадии. Это — разрушение в округах сотен феодальных замков и переселение насильственным путем феодалов в город, освобождение значительного числа прикрепленных к земле и находящихся в личнонаследственной зависимости от этих феодалов сервов и колонов, подчинение политическому господству и юрисдикции города многих окрестных феодалов, которые приносили вассальную присягу коммуне и обещали военную помощь и поддержку в столкновениях с ее врагами, переход в собственность города и горожан больших земельных массивов, прежде принадлежавших феодальным сеньорам — его противникам, а теперь подаренных или проданных городу.

Но свидетельствуют ли все эти факты о раннем — уже в XIV—XV вв.— разложении феодализма в Италии? А если да, то что, в таком случае, помешало «нормальному» генезису капитализма уже в XV и тем более в XVI в., который стал для Европы «началом капиталистической эры»[5].

Почему так «затянулся» генезис капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны, где раньше всего возникла и получила широкое распространение полукапиталистическая медзадрия (испольщина)? Почему крупная аренда фермерского типа, возникнув в конце XV в. в Северной Италии, получила достаточно широкое распространение лишь во второй половине XVIII в., а в Тоскане медзадрия сохранялась (хотя и в изме-

[3] Там же. Т. 25, ч. II. С. 365.
[4] Там же.
[5] Там же. Т. 23. С. 728.

ненном виде) в отдельных областях до 50-х годов XX в., а порой встречается и теперь?

Затронем еще ряд вопросов, которые сразу же возникают, если говорить о ранней и достаточно полной победе города над феодальным окружением. Отчего после далеко идущих ограничений грандов в «Установлениях справедливости» 1293 г., когда гранды были лишены всех политических прав, всего через два года появились «Дополнения», согласно которым, чтобы получить доступ к участию в управлении, гранду достаточно было «приписаться» к какому-нибудь цеху? Почему после торжественного освобождения колонов флорентийским правительством в 1288—1290 гг. понадобились десятки постановлений городских властей на разных уровнях, повторявших и закреплявших эти решения, включение предписаний о запрете продажи колонов без земли и об их освобождении в статут 1325 г.? Даже по статуту 1415 г. колон флорентийской республики считался свободным горожанином лишь после его десятилетнего проживания во Флоренции. И, наконец, в чем причина своего рода «всплеска» с конца XV в. пожалований феодов, объектом которых подчас становятся немалые территории, включавшие нередко несколько сельских коммун и их округ, причем получавшие феод одновременно не только приобретали права высшей юрисдикции, разного рода баналитеты, но и верховную собственность над общинными землями, а порой требовали от населения феода исполнения ряда новых служб и повинностей, включая барщинные. Заметим, что в литературе эти пожалования феодов не так уже редко отождествляются с феодами «классических» феодальных сеньоров, почему это явление и именуется «рефеодализацией».

Может быть, начавшееся в XIV—XV вв. разложение феодальных отношений повернуло вспять из-за феодальной реакции XVI—XVII вв. (но тогда встает еще один вопрос — где и в чем искать ее корни)?

Или же непреодолимым препятствием стали «кризисные явления» XIV—XV вв., распространение синьорий (в Северной Италии — уже с середины XIII в.), где у кормила правления нередко оказывались феодальные фамилии?

Однако многочисленные советские и зарубежные исследования последнего десятилетия (работы В. И. Рутенбурга, Р. Романо, Дж. Керубини, Дж. Киттолини и др.), при немалом различии методологической основы их подхода, показали, однако, что «кризисные явления» XIV — начала XV в., хотя и оказали негативное воздействие на развитие итальянского общества, не изменили его общей направленности, не повлияли решающим образом на глубину и характер экономических и социальных преобразований[6].

[6] См.: *Котельникова Л. А.* Аграрная история Италии XIV—XV вв. в современной западной медиевистике и концепции «кризиса» // СВ. 1976. Вып. 40. С. 218—233; *Cherubini G.* La «crisi del Trecento». Bilancio e prospettive di ricerche // Studi storici. 1974. N 3. P. 660—670.

Синьории, а в еще большей степени княжества-принципаты конца XV—XVI в. не могут однозначно идентифицироваться с «классическими» феодальными государствами, их классовая база и направленность политики значительно шире и сложнее, само их образование не может рассматриваться лишь как регресс в эволюции политической надстройки.

Данные новейших исследований (В. И. Рутенбурга, А. Д. Роловой, Ф. Броделя, К. М. Чиполлы, Д. Селлы, П. Маланимы) свидетельствуют о том, что в XVI в. не было и повсеместной «рефеодализации» на всей территории страны и не только в промышленности, торговле и банковско-кредитном деле, но и в аграрной сфере.

✓ Спад в конце XV — начале XVI в. в промышленности сменился определенным подъемом во второй половине XVI в., элементы раннекапиталистических отношений полностью не пресеклись, не исчезли, они лишь видоизменили свою форму, были перенесены в иные сферы производства и обмена, в другие регионы Италии, рассеянная мануфактура начала распространяться в маленьких городках и деревенских коммунах Ломбардии и Эмилии. Да и относительно XVII в. ученые подчас говорят теперь не о полном и повсеместном упадке, а о «перестройке», «зигзагообразном», противоречивом движении, переносе доминанты из сферы промышленности и обмена в сельское хозяйство и т. п.[7]

Отмечается и появление в конце XV—XVI в. в Ломбардии элементов предпринимательской аренды в сельском хозяйстве, распространение которой, правда, было очень медленным, растянулось на столетия (Дж. Киттолини). При этом, несомненно,

---

[7] *Рутенбург В. И.* Истоки Рисорджименто. Л., 1980; *Он же.* Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; *Ролова А. Д.* Флоренция и проблема экономического упадка Италии. Автореф. дис.... докт. ист. наук. Л., 1974; *Она же.* Основные черты экономического развития Италии в XVI—XVIII вв. // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968; *Она же.* Структура промышленности Флоренции второй половины XVI — начала XVII в. // Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. 1965. Т. 61; *Она же.* Торговля и банковская деятельность Флоренции во второй половине XVI и в первой четверти XVII в. // СВ. 1978. Вып. 42. С. 98—121; *Braudel F.* La Mediterranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II: P., 1966; *Idem.* L'Italia fuori d'Italia // Storia d'Italia. Torino, 1972. Vol. 2; *Idem.* Capitalismo e civiltà materiale. Torino. 1977; *Idem.* Le jeux de l'échange e le temps du monde. P., 1979; *Cipolla C. M.* Storia economica dell'Europa preindustriale. Bologna, 1974; *Idem.* Il declino economico dell'Italia // Storia dell'economia italiana/A cura di C. M. Cipolla. Torino, 1959; *Sella D.* The rise and fall of the venetian woolen industry // Crisis and change in the venetian economy. L., 1968; *Idem.* Crisis and continuity. The economy of Spanish Lombardy in the seventeenth century. Cambridge (Mass.); London, 1979; *Malanima P.* L'economia italiana fra feudalesimo e capitalismo. Un esempio di crescita sbilanciata // Società e storia. 1980. N 8. P. 141—156; *Idem.* La decadenza di un'economia cittadina. L'industria di Firenze nei secoli XVI—XVIII. Bologna, 1982.

следует подчеркнуть принципиальную разницу в подходе к проблеме историков-марксистов и представителей немарксистской историографии, которые не разделяют Марксову теорию общественно-экономических формаций, обращая главное внимание не на формационную сущность происходивших перемен, а на сменявшие друг друга циклы нисходящего и восходящего развития экономики либо же на сохранение (или разложение, исчезновение) тех или иных феодальных институтов и учреждений.

Впрочем, надо заметить, что ряд изложенных выше тезисов остаются спорными, и дискуссия о судьбах раннекапиталистических отношений в Италии в XIV—XV вв. и в последующие — XVI—XVII столетия — продолжается.

В советской историографии в этой связи можно назвать работы А. Н. Чистозвонова[8], в которых применительно к Италии (как и Германии и Испании) проводится тезис об «обратимом» пути развития раннекапиталистических отношений. Л. М. Брагина[9] обращает внимание на недостаточное, по ее мнению, преобразование внутренней структуры итальянских цехов, для того чтобы можно было утверждать о глубоком их разложении в направлении раннекапиталистических отношений. Л. С. Чиколини подчеркивает сложность и противоречивость происходивших процессов, отмечая, что успехи ранних буржуазных отношений, достигнутые в XIV—XV вв., не были закреплены и не охватывали всей страны. В XVI—XVII вв. их формирование затормозилось, пошло медленно, зигзагообразно, непоследовательно[10]. С. Д. Сказкин[11], В. В. Самаркин[12], Т. П. Гусарова[13] и автор настоящей книги[14], исследовавшие социально-экономическую эволюцию сельской округи центральных и северных областей Италии, высказали мнение о том, что в период XIV—XV вв. при всей относительной глубине структурных преобразований в деревне и распространении полукапиталистической-полуфеодальной аренды в форме испольщины не произошло разложения феодальных отношений. Эволюция аграрного строя даже в округах наи-

---

[8] *Чистозвонов А. Н.* Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса (на материалах истории генезиса капитализма) // Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985. С. 122—139.

[9] *Брагина Л. М.* Флорентийское сукноделие в XV веке // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 83—127.

[10] *Чиколини Л. С.* Социальная утопия в Италии XVI — начала XVII в. М., 1980. Особенно с. 3—69.

[11] *Сказкин С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 249—263.

[12] *Самаркин В. В.* Тосканская испольщина начала XV в. // СВ. 1971. Вып. 33. С. 116—133.

[13] *Гусарова Т. П.* Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.

[14] *Котельникова Л. А.* Некоторые особенности социальной природы итальянских пополанов в XIV—XV вв.: (Землевладение торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы) // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 125—165. Ср.: *Она же.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967. Заключение.

более передовых городов северных и центральных областей в направлении раннекапиталистических преобразований (имевших место в той или иной мере в городах) остановилась на полпути.

Тезис о сохранении немалого веса и значения феодальных структур в позднее средневековье отстаивают ряд современных зарубежных историков.

По мнению Р. Романо, «феодальная глыба» сохранялась в течение 15 веков, хотя экономическое развитие при этом испытывало многочисленные циклические колебания [15]. Значительную роль феодальных сил как в период становления и расцвета городов-коммун, так и позднее — в XIV—XV вв.— отмечали Дж. Луццатто, Э. Сестан, Дж. Фазоли, Э. Кристиани [16], подчеркивавшие, что неправомерно считать коммуну антитезой феодальному миру, так как она не внесла каких-либо качественных перемен ни в экономику, ни в социальный, ни в политический строй. Феодальная система показала свою жизнеспособность и стойкость. Дж. Фазоли выдвинула даже тезис о «новом феодализме», «феодальном возрождении» в XIV—XV вв., упрочившемся в XVI столетии. Часть старых феодальных признаков и привилегий при этом, по ее мнению, изжила себя, но появились и укрепились новые.

Недавно с еще более «крайних» позиций выступил английский ученый Ф. Джонс, утверждающий, что главное направление развития Италии в эпоху расцвета коммун, как и в период Возрождения и в позднее средневековье определяли феодальные элементы, которые и победили в конечном счете в компромиссе между аристократической (связанной с землевладением) и буржуазной традицией [17].

В современной итальянской историографии, посвященной интересующей нас тематике, несомненно влияние как «чисто медиевистических», так и теоретических трудов известных историков-марксистов Дж. Джорджетти, Э. Серени, Дж. Канделоро, Р. Дзангери, М. Мирри [18].

---

[15] *Romano R.* Tra due crisi. L'Italia del Rinascimento. Firenze, 1963. P. 13—84, 187—204; *Idem.* La storia economica. Dal secolo XIV al Settecento // Storia d'Italia. Torino, 1974. Vol. 2. Pt. 1. P. 1841—1937; *Idem.* La tipologia economica // Storia d'Italia. Torino, 1972. Vol. 1. P. 298—302.

[16] *Sestan E.* L'Italia medievale. Firenze, 1967; *Fasoli G.* Scritti di storia medievale. Bologna, 1974. P. 181—198; *Luzzatto G.* Tramonto e sopravvivenza del feudalesimo nei comuni italiani del Medioevo // Studi medievali. 1962. Fasc. 2. P. 411—418; *Cristiani E.* Nobiltà e popolo nel comune di Pisa dalle origini del Podestariato alla signoria dei Donoratico. Napoli, 1962.

[17] *Jones Ph. J.* Economia e società nell'Italia medievale: la leggenda della borghesia // Storia d'Italia. Annali. Dal feudalesimo al capitalismo. Torino, 1978. Vol. 1. P. 187—374.

[18] *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna (1770—1815). Le origini del Risorgimento. 3 ed. Milano, 1961; *Giorgetti G.* Capitalismo e agricoltura in Italia. Roma, 1977. P. 31—35; *Idem.* Contadini e proprietari nell'Italia moderna. Rapporti di produzione e contratti agrari dal sec. XVI ad oggi. Torino, 1974. P. 278—395; *Zangeri R.* Agricoltura e contadini nella storia d'Italia. Discussioni e ricerche. Torino, 1977; *Mirri M.* Contadini e proprie-

В последние годы в Италии вышел ряд специальных исследований, авторы которых, принадлежащие к среднему или более молодому поколению историков (Дж. Керубини, Дж. Пинто, М. Луццатти, Г. Пиччинни, Д. Балестраччи, Ф. Бокки, М. Серена Мацци, С. Раведжи и др.) нередко близки к марксистской ориентации или разделяют марксистские воззрения на рассматриваемые сюжеты[19].

В работах по аграрной истории Италии в XIII—XV вв. эти историки, при немалом порой различии подходов и методов исследования, главное внимание уделяют анализу экономических и социальных преобразований в деревне: агротехнике и агрикультуре, крестьянскому быту, взаимоотношениям крестьян—держателей и арендаторов с собственниками земель, видам и размерам земельной ренты, положению арендаторов, их уровню жизни, роли наемного труда, переменам в землевладении и землепользовании. В ряде исследований рассматриваются возникновение и характерные черты наиболее распространенной в Центральной Италии аренды — испольщины.

Определенное место занимают и отдельные аспекты политики города (продовольственной, демографической), анализируется положение арендаторов на пополанских землях. Однако, детально рассматривая очерченные выше вопросы аграрной истории Италии и политики города в период зрелого феодализма и позднего средневековья, авторы обычно не определяют формационную принадлежность изучаемых ими периодов средневекового общества, а именно: имело ли место разложение феодальных порядков или же перед нами новый этап феодализма. Подобные вопросы ими, как правило, не ставятся[20].

---

tari nella Toscana moderna // Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Atti del Convegno di studi in onore di Giorgio Giorgetti. Firenze, 1979. Vol. 1; *Sereni E.* Agricoltura e mondo rurale // Storia d'Italia. Torino, 1972. Vol. 1.

[19] *Cherubini G.* Signori, contadini, borghesi. Ricerche sulla società italiana del Basso Medioevo. Firenze, 1974; *Idem.* Le campagne italiane dall'XI al XV secolo // Storia d'Italia/Diretta da G. Galasso. Torino, 1981. Vol. 4; *Pinto G.* La Toscana nel tardo Medioevo: Ambiente, economia rurale, società. Firenze, 1982; *Bocchi F.* Il patrimonio fondiario Bentivolesco nella metà del 400. Bologna, 1971; *Idem.* Uomini e terra nei borghi ferraresi. Il catasto parcellare del 1494. Ferrara, 1976, *Serena Mazzi M.*, *Raveggi S.* Gli uomini e le cose nelle campagne fiorentine del Quattrocento. Firenze, 1983; *Luzzatti M.* Toscana senza mezzadria: il caso pisano alla fine del Medioevo // Contadini e proprietari... P. 279—343; *Piccinni G.* Seminare, fruttare, raccogliere. Mezzadri e salariati sulle terre di Monte Oliveto Maggiore (1374—1430). Milano, 1982; *Balestracci D.* Li lavoranti non conosciuti: Il salariato in una città medievale // Bolletino senese di storia patria, 1977. N 82—83; См. также: Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Atti del Convegno di studi in onore di Giorgio Giorgetti. Vol. 1.

[20] Подробнее об этом см. наши обзоры — «Деревня в Северной и Средней Италии накануне позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Новые работы итальянских историков и проблемы исследования» (Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984) и «Новые книги по средневековой истории Италии» (СВ. 1980. Вып. 43; 1983. Вып. 46; 1984. Вып. 47; 1985. Вып. 48; 1986. Вып. 49).

В современной медиевистике весьма распространенным является направление «новой социальной истории». Перу его представителей принадлежит немало исследований по средневековой истории Тосканы, прежде всего урбанистике. За последнее десятилетие вышло в свет довольно большое количество трудов американских, французских, английских, австралийских историков по истории городов Тосканы, особенно Флоренции (С. К. Кон, Д. Херлихи, К. Клапиш-Зубер, Э. Кент, И. Браун, Р. Голдтуэйт и др.)[21].

Среди отличительных черт подобных исследований следовало бы отметить широкое использование методов и приемов таких отраслей социальных наук, как демография, статистика, историческая антропология, неоклассическая экономика. Авторы широко применяют математические методы исследования, привлекают компьютеры для анализа и массовых подсчетов данных налоговых описей XIV—XVI вв. Все это позволяет им вскрыть ряд новых, ранее остававшихся вне поля зрения ученых пластов исторических фактов и их взаимосвязи, в первую очередь проблем истории семьи, главным образом в тосканском городе, а отчасти и в его округе. Изучение семейной структуры, прежде всего господствующих слоев города — главная тема названных исследований.

Фундаментальным трудом в этом ряду является монография Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер «Тосканцы и их семьи по кадастру Флоренции 1427 г.»[22], в которой с помощью компьютера детально проанализированы состав населения Флоренции, структура семьи различных социальных групп, движение населения на протяжении XIV—XV вв., данные о рождаемости и смертности, количестве детей в разных социальных группах и т. п. В этом труде содержатся весьма интересные данные и об имущественной дифференциации и поляризации жителей Тосканы по данным кадастров XV в. Однако, как и в исследованиях ряда других «новых социальных историков», история семьи нередко выступает здесь обособленно от экономической и социальной истории города в целом, предстает как бы «вещью в себе».

Труды приверженцев «новой социальной истории» находят немало последователей и в современной итальянской медиевистике. Это проявляется в возросшем интересе к проблемам исторической демографии и исторической антропологии, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, доклады и сообщения на симпо-

[21] Подробный обзор новых исследований по социальной истории Флоренции см.: *Cohn S. K.* La «nuova storica sociale» di Firenze // Studi storici. 1985. N 2.

[22] *Herlihy D., Klapisch-Zuber C.* Les Toscans e leurs Familles. Une étude du catasto florentin de 1427. P., 1978. См. также: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. К XVI Международному конгрессу исторических наук (Штутгарт, август 1985). Реф. сб. М., 1984.

зиумах и конференциях, растущее число исследований по истории господствующего класса в городе и деревне, особенно по истории структуры семьи феодальной знати и патрициата. Последнее направление исследований явственно проявилось в изданных материалах четырех симпозиумов, состоявшихся в 1978—1981 гг.[23]

Именно «новые социальные историки» и еще более сторонники институционально-социальной истории (в трудах которых основной крен делается в сторону изучения политических институтов общества) в большинстве своем подчеркивают весомость и значимость феодальных структур на всем протяжении средневековья, в том числе и в период расцвета городов-коммун, и в эпоху синьорий и принципатов. Феодализм не подвергся разрушению, он продолжал существовать — вот основной тезис, лейтмотив их исследований.

При этом естественно возникает вопрос: какой феодализм имеется в виду? Идет ли речь о сохранении главных, основополагающих черт феодального способа производства или же имеются в виду преимущественно политические и юридические структуры?

Приверженцы институционально-социальной истории обычно на первый план выносят не анализ специфики феодального способа производства на разных этапах, а его «организационные моменты», политические и правовые институты и учреждения феодального строя, их сходство и различия.

Соответственно и существование феодализма они нередко находят не там, где наличествуют основные признаки феодального способа производства и феодальной общественно-экономической формации, а там, где существуют определенного типа социальные и социально-политические, а точнее ленно-вассальные связи.

Утверждение феодализма сторонники подобных взглядов (при всех различиях в их подходах к конкретным вопросам) считают возможным датировать лишь с того времени, когда складываются вассально-ленная система, основные институты феодального строя. Упадок же этих институтов ведет за собой упадок феодальной системы. В последние годы ряд историков считают важным отделить от понятия «феодализм» (feudalitá) так называемый «экономический феодализм» или «сельскую сеньорию». Последняя, по крайней мере в Северной и Центральной Италии, значительно отличалась от феода, утверждает Ч. Виоланте. Феод

[23] I ceti dirigenti in Toscana nell'età precomunale. Atti del 1 Convegno. Firenze, 2 dic. 1978. Pisa, 1981; I ceti dirigenti in Toscana nell'età comunale nei secoli XII—XIII. Atti del 2 Convegno. Firenze 14—15 dicembre 1979. Pisa, 1982; I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Atti del 3 Convegno, Firenze, 5—7 dic. 1980. Pisa; Firenze, 1983; Nobiltà e ceti dirigenti in Toscana nei secoli XI—XIII: struttura e concetti. Atti del 4 Convegno, Firenze, 1—2 dic. 1981. Firenze, 1982. Помимо итальянских историков в этих симпозиумах принимали участие и историки из США, Великобритании, Франции. Подробнее об этих симпозиумах см.: *Котельникова Л. А., Ролова А. Д.* Итальянская знать и пополаны в средние века (новые исследования) // СВ. 1986. Вып. 49. С. 311—314.

не обязательно имел своим основанием сельскую сеньорию. Особенно же показательно то, что многие сельские сеньории не были держаниями на условии феода, их собственниками были аллодисты (иногда горожане), которые не имели ни с кем вассально-бенефициальных отношений [24].

«Слово „феодализм",— пишет Дж. Фазоли, разделяющая подобную концепцию,— я отношу ко всем индивидуумам и всем социальным группам, связанным системой отношений личной зависимости, выражающейся в клятве верности, основанной на пожаловании бенефиция, влекущем исполнение определенных служб. Эти лица довольно часто владеют господскими дворами и замками и публичными по своей природе правами. Этот социальный слой теоретически отличается от земельных собственников, также владеющих господскими дворами и замками, но на основании аллодиального титула».

Вместе с тем Дж. Фазоли признает (а это признание во многом колеблет тезис историков, противопоставляющих «сельскую сеньорию» и «феодальный строй»), что в реальной действительности было весьма трудно отличить друг от друга «сельских сеньоров» и «феодалов»: идентичные права и привилегии наличествовали у тех и у других.

«В повседневной практике,— отмечает Дж. Фазоли,— имело место смешение тех и других по их богатству, образу жизни, родственным связям, административным и судебным прерогативам в господских дворах и замках, по военным обязательствам, наличию вассалов. И земельные собственники уступали земли в феод своим „верным" (fideles). ...Держатели феода довольно часто были аллодиальными собственниками земель и замков...» [25]

Итак, различие методологического подхода к изучению истории диктует и различную интерпретацию исторических явлений, и разные ракурсы анализа исторической действительности.

Историки-марксисты не разделяют одностороннего подхода, свойственного институционально-социальной историографии, не могут они согласиться и с анализом процессов средневековой экономики сквозь призму теории цикличности. Марксистской историографии свойственно стремление исследовать в первую очередь глубинные, базисные явления и перемены в экономике и социальном строе, вскрыть механизмы, подготовившие перемены в политической надстройке, будь то власть сеньора или графа, духовного феодала или короля, определить формационную принадлежность того или иного этапа средневекового общества и происходивших в нем преобразований.

---

[24] Выступление Ч. Вноланте в дискуссии на коллоквиуме «Феодализм и феодальные структуры в Западном Средиземноморье» в октябре 1978 г. см.: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X[e]—XIIIe siècles). Roma, 1980. P. 239—240; ср. там же: P. 14.

[25] *Fasoli G.* Città e feudalità // Structures féodales et féodalisme... P. 366—367.

Но, конечно, и в марксистских работах направление исследований и поиска, угол зрения на те или иные аспекты указанной проблемы различны.

Так, С. Д. Сказкин стремился выявить основные закономерности аграрного развития стран Западной Европы (при этом особое внимание он уделил Северной Италии) на этапе зрелого феодализма и в период, непосредственно предшествовавший разложению феодального общества и генезису капиталистических отношений в деревне[26]. Е. А. Косминский проанализировал причины и последствия эволюции феодальной ренты в XI—XV вв., специфические черты экономики западноевропейского общества в переломные XIV—XV столетия[27]. Последняя проблема явилась также объектом рассмотрения А. Н. Чистозвонова и М. А. Барга[28]. Е. В. Гутнова и З. В. Удальцова определили роль и место города в рамках построенной ими типологии развитого феодализма в Западной Европе[29]. Ю. Л. Бессмертный уделил специальное внимание социальной перестройке феодальной деревни в период роста товарно-денежных отношений. А. А. Сванидзе в центр своего исследования поставила проблему «город и рынок», Т. П. Гусарова — анализ городского землевладения в Центральной Италии в конце XV — начале XVI в.[30] М. Л. Абрамсон посвятила ряд своих исследований проблеме воздействия на деревню в Южной Италии города и товарно-денежных отношений[31]. Наконец, в уже упомянутых трудах В. И. Рутенбурга и А. Д. Роловой исследование особенностей городской экономики (а в последней книге В. И. Рутенбурга также и аграрного строя) на этапе позднего феодализма и начала нового времени позволило авторам сделать ряд общих заключений о специфике этого этапа развития Италии. Изучение характерных черт эволюции итальянского общества (в том числе и социально-экономического его развития) в позднее средневековье в качестве основы идейной и культурной жизни Италии предпринято Л. М. Брагиной и Л. С. Чи-

---

[26] *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. С. 141—179; *Он же.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. С. 249—263.

[27] *Косминский Е. А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 146—264, 357—374.

[28] *Чистозвонов А. Н., Барг М. А.* Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV—XV веков // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 3—70; см. также: *Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973. С. 175—216.

[29] *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 107—123.

[30] *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1959; *Сванидзе А. А.* Средневековый город и рынок в Швеции, XIII—XV вв. М., 1980; *Гусарова Т. П.* Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.

[31] *Абрамсон М. Л.* Влияние торговли на формирование феодальных отношений в Южной Италии (IX—XIII вв.) // СВ. 1968. Вып. 31 и др.

колини[32]. Ряд вопросов исследуемой нами темы на материале истории крестьянства разных стран и регионов Европы проанализирован в обобщающем труде по истории европейского крестьянства[33].

Несомненно, что проблема «феодализм и город» многогранна. Мы не ставим перед собой задачу изучить ее во всех ракурсах (да это и невозможно сделать в одной книге). Мы считали целесообразным, исследуя взаимодействие и взаимовлияние города и деревни, проанализировать в сравнительном плане специфику феодальных отношений во владениях разных социальных групп города и сельской округи: пополанов, феодальной знати, церковных учреждений, выделяя внутри этих социальных слоев различные имущественные и социальные группировки.

Основным производительным классом феодального общества было крестьянство. Его экономическому положению, социально-юридическому статусу во владениях разных групп господствующего класса мы стремились уделять первостепенное внимание. В первой главе монографии в центре нашего изложения при анализе процесса генезиса феодализма как в городе, так и в деревне — втягивание в зависимость мелких свободных собственников различными слоями феодального и феодализирующегося господствующего класса. Мы не смогли в рамках данной работы специально проанализировать тему «город и рынок», придерживаясь избранного нами ракурса изложения, но затрагивали ее по возможности во всех главах. Мы не останавливаемся на такой теме, как «феодальная окраска» городских ремесленно-торговых занятий, теме непростой, особенно для Италии.

Вынося в заглавие книги тему «феодализм и город», мы вовсе не хотели полностью разделить или тем более противопоставить друг другу эти два понятия. Напротив, наш замысел в другом: показать, как с момента генезиса феодализма и до конца этапа его зрелости феодальное общество страны испытывало на себе постоянное влияние со стороны рождающегося, крепнущего и, наконец, достигшего апогея в своем развитии средневекового города, который в то же самое время сам, в свою очередь, находился в гуще феодализационного процесса, проходил вместе с ним все его этапы. Сказать, что город лишь испытывал влияние аграрной периферии было бы не совсем точно, так как, развиваясь прежде всего как ремесленно-торговый, но также и как административно-политический центр, город феодализировавшегося, а затем феодального общества одновременно феодализировался изнутри: феодальный характер носили его ремесленно-торговая деятельность, его корпоративно-цеховой строй; феодальным было

---

[32] *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм: Этические учения XIV—XV вв. М., 1977; *Она же.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983; *Чиколини Л. С.* Социальная утопия в Италии XVI — начала XVII в. М., 1980.

[33] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В трех томах/ Гл. ред. чл.-кор. АН СССР З. В. Удальцова. М., 1985—1986. Т. 1—3.

землевладение горожан и городской коммуны в целом как коллективного сеньора.

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния экономики и социального строя города и округи пока еще, как правило, остаются вне поля зрения ученых. Именно на них мы попытаемся сосредоточить наше внимание в настоящей монографии.

Мы сознательно нарушили пропорции между отдельными частями нашей монографии. Дело в том, что специфика феодализма на втором этапе его зрелой стадии, в преддверии позднего средневековья, наименее исследована, в ее трактовке больше всего неясностей и дискуссионности, а между тем именно тогда выступили особенно явственно основные результаты и тенденции общественной эволюции, можно сказать, основная специфика развития феодального общества Италии, определявшаяся «исключительным развитием городов». К тому же мы имели здесь возможность привлечь в наибольшей степени материалы итальянских архивов, которые были изучены нами во время научных командировок в Италию, и прежде всего государственного архива Флоренции, персоналу которого мы выражаем искреннюю признательность за помощь. Документы эти в большинстве своем еще не использовались в научной литературе. Поэтому мы сочли возможным вторую часть сделать центральной в монографии, значительно сократив, в силу необходимости, первую часть — главы, посвященные специфике феодализма в период его генезиса и первой стадии зрелости. Последняя тема, впрочем, в некоторых своих аспектах, хотя и под другим углом зрения, анализировалась в нашей книге «Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв.»[34], где изложение истории крестьянства было доведено до середины XIV в. Наконец, мы ограничили географические рамки работы центральными и северными областями Италии. Существование более богатого и представительного материала источников по раннесредневековому периоду Северной Италии послужило основанием для того, чтобы именно эта область оказалась в большей мере в фокусе исследования в первой главе. В то же время наличие в нашем распоряжении архивных документов, а также публикаций источников XIV—XV вв. преимущественно по Центральной Италии побудило нас уделить этой области страны главное внимание во второй части монографии.

Автор искренне благодарит всех ученых, принявших участие в обсуждении книги, советы и рекомендации которых он постарался учесть, а также кандидата экономических наук В. М. Лихтенштейна, оказавшего большую помощь в составлении таблиц.

[34] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967. Итальянское издание, расширенное и дополненное: *Kotel'nikova L. A.* Mondo contadino e città in Italia dall'XI al XIV secolo. Bologna. 1975; 1982.

Часть первая

ОТ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РАЗВИТОМУ ФЕОДАЛИЗМУ (VIII—XIII вв.)

Глава первая
РОЖДАЮЩИЙСЯ ФЕОДАЛЬНЫЙ МИР И ГОРОД

«Феодализм и город...» Может показаться, что постановка этой проблемы оправдана лишь применительно к этапу развитого, зрелого феодализма, начало которого по периодизации, принятой в марксистской историографии, знаменуется появлением на исторической сцене сотен быстро растущих и крепнущих городов в разных регионах Европы. Именно они, эти города, олицетворяя новый этап в разделении труда, отделении ремесла от сельского хозяйства, представляли собой экономические и социальные силы, за которыми было будущее. В городе прежде всего (хотя и не только и не исключительно) в эпоху средневековья происходило бурное развитие ремесла и торговли, товарно-денежных отношений, в его недрах вызревали предпосылки разложения феодализма и зарождались раннекапиталистические отношения (в этом смысле итальянские города во многом отличались от большинства западноевропейских городов).

Что же касается города раннего средневековья, то он (и в Италии) как бы и не «настоящий город», так как ремесленно-торговые и вообще несельскохозяйственные функции в целом при всей их значимости не стали еще главной, преобладающей сферой деятельности большинства его населения.

Но справедлива ли такая постановка вопроса? Стоит ли отказывать раннесредневековому городу в Италии в праве именоваться городом? Ведь эти города существовали и развивались как административные, политические и военные, а также церковные и культурные центры, средоточие таких разных, но отличных от сельскохозяйственных занятий сфер деятельности. Для Италии, по словам К. Маркса, было характерно «исключительное развитие городов», «сохранившихся по большей части еще от римской эпохи»[1].

После падения Западной Римской империи в V—VI вв. и в еще большей степени в VIII—X вв. итальянские города не при-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 365; Т. 23. С. 728.

или полностью и повсеместно в упадок, не потеряли своего значения не только как политико-административные, военные и церковные центры, но и как средоточие элементов ремесленно-торговой активности[2].

Поэтому нам кажется неправомерным и заключение о том, что было бы преждевременно говорить о влиянии города раннего средневековья как специфического экономического и особенно социального и политического организма на окружающую его территорию, сельскую округу, хотя, разумеется, это влияние в основе своей качественно иное, чем в период развитого феодализма.

К тому же, привлекая для анализа проблемы «феодализм и город» лишь материал о взаимодействии и взаимовлиянии города и сельской округи в период расцвета феодализма и оставляя за рамками исследования город и округу в раннее средневековье, мы лишили бы себя возможности проследить многие важные особенности в развитии итальянского феодализма, истоки которых находились в глубине столетий, на этапе генезиса феодального общества.

Проблема «феодализм и город» в период раннего средневековья до эпохи коммун обычно рассматривается в историографии в следующих основных аспектах. 1. Политические взаимоотношения развивающейся и крепнущей городской ассоциации — будущей коммуны — с сеньором города — герцогом, графом или епископом, нередко в конце IX—X в. принимавшие форму упорной и длительной борьбы за автономию и независимость города. 2. С этой темой неразрывно связаны вопросы взаимоотношений различных социальных группировок горожан как между собой, так и с епископом и городскими церковными учреждениями — церквами и монастырями. 3. Хозяйственная организация на землях городских церковных учреждений и феодализировавшейся или феодальной знати, также проживавшей в городе.

В западной медиевистике традиционен (в рамках институционально-социальной истории) интерес в первую очередь к политико-юридической проблематике: формам взаимоотношений епископа, городских приходских церквей и монастырей между собой, а также со светской знатью, средними и мелкими феодалами, вассалами короля, епископа, знатных городских фамилий, изучение генеалогий и эволюции отдельных семей, господствующих социальных слоев в городе и деревне[3]. Продолжается и изучение

[2] См. нашу статью «Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма» (СВ. 1975. Вып. 38), где рассмотрена и историография вопроса.

[3] Подробнее об этом см. наши статьи «Городское землевладение в Центральной Италии в VIII—XI вв.» (СВ. 1981. Вып. 44. С. 76—77) и «Международный научный коллоквиум в Риме» (Там же. С. 360—365), а также рецензию: *Котельникова Л. А., Ролова А. Д.* Итальянская знать и пополаны в средние века (новые исследования) // СВ. 1986. Вып. 49. С. 311—314.

локальных историй отдельных городских коммун, в том числе и вопросов, связанных с их образованием и первоначальным устройством, а также завоеванием независимости, как правило, в аспекте политической, реже — социально-политической истории. В последние годы появился ряд работ, авторы которых анализируют проблемы агрикультуры, формы поселений, производственных отношений во владениях церковных учреждений и светских вотчинников в городе и сельской округе в раннее средневековье [4].

Вместе с тем проблема взаимовлияния города и его сельской округи применительно к эпохе раннего средневековья не в политико-институциональном, а в социально-экономическом аспекте в западной историографии практически еще не ставилась.

В советской историографии М. Л. Абрамсон в статье, посвященной специфике раннесредневекового города в Южной Италии в VI—XI вв., обратила внимание на ряд особенностей феодализационного процесса на территории города и непосредственно примыкавшей к нему округи, хотя хронологические рамки, ход и результаты процесса феодализации в Южной Италии весьма существенно разнились от таковых в северной и центральной части страны [5].

Особенности генезиса феодализма в регионе Юго-Западной Европы (Италия, Южная Галлия и Восточная Испания) и специфика раннесредневековых городов в этой связи анализировались в докладе А. Д. Люблинской «Типологии раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза» на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» (30 мая — 3 июня 1966 г.) и в дискуссии по этому докладу [6], а также в докладе Е. В. Гутновой и З. В. Удальцовой на XIII Международном конгрессе историков в Москве в 1970 г., посвященном проблемам генезиса феодализма в Западной Европе [7], в статье З. В. Удальцовой «Генезис и типология феодализма» [8].

Понять воздействие раннесредневекового города в Италии на специфику генезиса феодальных отношений возможно, лишь выяснив (разумеется, в достаточно сжатом изложении, продиктованном рамками настоящего исследования) особенности этого города, а тем самым и его место в экономике, социальной и политической структуре Италии в VIII—X вв.

---

[4] Ср.: Medioevo rurale. Sulla tracce della civiltà contadina/A cura di V. Fumagalli, G. Rossetti. Bologna, 1980; Le campagne italiane prima e dopo il Mille. Una società in transformazione/A cura di B. Andreolli, V. Fumagalli, M. Montanari. Bologna, 1985; *Andreolli B.* Uomini nel Medioevo. Studi sulla società lucchese dei secoli VIII—XI. Bologna, 1983; *Fumagalli V.* Terra e società nell'Italia padana. Torino. 1976; *Idem.* Coloni e signori nell'Italia settentrionale. Secoli VI—XI. Bologna, 1978.

[5] *Абрамсон М. Л.* Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI—XI вв.) // СВ. 1976. Вып. 40. С. 12—28.

[6] СВ. 1968. Вып. 31. С. 10—44.

[7] Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

[8] СВ. 1971. Вып. 34. С. 13—32.

В работах последних десятилетий в итальянской литературе во многом пересмотрена ранее бытовавшая точка зрения, что лангобардское нашествие привело к полному разрушению и упадку большей части городов, которые сохранились от римской эпохи и существовали в остготско-византийской Италии. Безусловно, разрушения и упадок имели место, особенно в VI—VII вв., так же, как и убийства многих знатных римлян во времена лангобардского завоевания. Однако не все посессоры покинули города, потеряли свои земли и были убиты. Совершенно недостаточно и свидетельств о потере ими личной свободы[9]. Уже в правление Лиутпранда (VIII в.) получили привилегии чеканки монеты, что являлось немаловажным показателем уровня экономического развития и их роли в государстве, Павия, Милан, Верчелли, Тревизо, Виченца, Пьяченца, Пиза, Лукка, Пистоя, Кьюзи, Капуя, Беневенто, Сполето, которые являлись резиденциями герцогов, центрами более или менее многочисленного лангобардского населения, пунктами большого торгового и стратегического значения. Монетчики были довольно многочисленной социальной группой во многих городах лангобардской эпохи. Наряду с ними документы упоминают и других городских ремесленников разнообразных специальностей, занятых на строительстве судов, в изготовлении мыла (в Пьяченце), на постройке общественных сооружений, церквей и монастырей. Это плотники, мраморщики, живописцы, скульпторы, ювелиры, мастера по изготовлению стеклянных изделий, медники, портные, сапожники[10].

Археологические раскопки позволили по-новому представить широту ремесленных интересов лангобардов. Найдено достаточно много доказательств значительного развития у лангобардов металлообработки, прежде всего обработки золота, затем серебра, бронзы и железа, изготовления оружия и украшений, фибул, золотых крестиков, сельскохозяйственных орудий, шедших и на продажу в страны Западной Европы[11]. По мнению Э. Бернареджи, многие из этих ремесленников могут быть причислены к свободным горожанам, лангобардам по происхождению[12]. Правда, утвер-

---

[9] *Fasoli C.* I longobardi in Italia. Bologna, 1965. P. 113—115, 122—126; *Idem.* Dalla civitas al comune nell'Italia settentrionale. Bologna, 1969. P. 43—46; *Idem.* Che cosa sappiamo delle città italiane nell'alto Medioevo // Scritti di storia medievale. Bologna, 1974. P. 293—320; *Conti P. M.* Luni nell'alto Medioevo. Padova, 1967.

[10] *Chiappelli L.* Formazione storica del comune cittadino in Italia // ASI. 1926. Vol. 6. P. 19—21; *Idem.* Pistoia nell'alto Medioevo. Pistoia. 1932. P. 26—28; *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. Античность и средние века. Пер. с ит. М., 1954. С. 184.

[11] *Tagliaferri A.* I longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo Medioevo. Milano, 1965. P. 68—76.

[12] RO. § 144—145, 152; ср.: CDL. Vol. 1. N 36, 60, 64, 130, 155, 190, 218, 220, 231, 257, 278, 281; *Bernareggi E.* Il sistema economico e la monetazione dei longobardi nell'Italia superiore. Milano, 1960. P. 41—43; *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. С. 184—185; см. также: *Tagliaferri A.* Le diverse fasi dell'economia longobarda con particolare riguardo al com-

ждение об их повсеместном или по преимуществу «лангобардском» происхождении, вызывает сомнение, так как известно, что и римляне уже тогда носили подчас лангобардские имена, а определение «проживающий по лангобардскому праву» тоже не гарантировало того, что человек, к которому оно относилось, являлся лангобардом по происхождению, так же, как и формулировка «проживающий по римскому праву» не обязательно употреблялась применительно к римлянину.

Этническая структура городов постепенно изменялась. Происходила интеграция римлян, лангобардов и франков, хотя, естественно, сохранилось преобладание римского населения. Словом «ариманны», а подчас и «лангобарды» уже с конца VIII в. и особенно в IX в. и в более позднее время, в XI—XII вв., стали обозначать всех свободных людей, независимо от их этнической принадлежности. Впрочем, в грамотах вплоть до XII—XIII вв. сохранились выражения: «проживающий по лангобардскому праву», «проживающий по римскому праву» — подчас с соответствующим сохранением некоторых обычаев в процедурах тех или иных юридических актов.

Имело место все более тесное сближение лангобардской и франкской знати с римской аристократией [13].

В современной историографии применительно к Италии IX—X вв. убедительно опровергнуты взгляды сторонников вотчинной теории об исключительно вотчинном характере ремесла в раннее средневековье и о господском дворе как о единственном центре ремесленного производства и родоначальнике городского ремесла. Э. Бернареджи отмечает, что ни в одной лангобардской грамоте не упоминаются вотчинные ремесленники. Такие упоминания более многочисленны в источниках франкской эпохи. Однако и по отношению к этому времени было бы неправомерным говорить о сколько-нибудь широком распространении вотчинного несвободного ремесла [14]. Почти вся ремесленная продукция изготовлялась свободными городскими, а также свободными (т. е. несервами) сельскими ремесленниками [15]. Ремесленные изделия встречались

mercio internazionale // Problemi della civiltà e dell'economia longobarda. Scritti in memoria di Gian Piero Bognetti. Milano, 1964. P. 245—247.

[13] *Fasoli G., Manselli R., Tabacco G.* La struttura sociale delle città italiane dal V al XII secolo // Vorträge und Forschungen. Konstanz; Stuttgart, 1964. Bd. 11. S. 193—197.

[14] *Bernareggi E.* Op. cit. P. 41—42, 46. Конечно, в лангобардскую эпоху существовали имения, использовавшие труд сервов-министериалов, но они, по мнению Бернареджи, были исключением. Дж. Луццатто придерживается сходной точки зрения: признавая наличие домена в лангобардских имениях, который обслуживали сервы-министериалы, он считает, что в отличие от римской виллы большая часть господской земли в лангобардском поместье была, по-видимому, занята лесами. Правда, более или менее точное соотношение господской и держательской земли в вотчине этого периода источники не позволяют установить. См.: *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии... С. 176—177; ср. также: *Leicht P. S.* Corporazioni romane ed arti medievali. Torino, 1937. P. 91—93.

[15] *Bernareggi E.* Op. cit. P. 45—46; ср.: P. 58—59.

среди продуктов оброка зависимых крестьян разных областей Италии. Так, массарии монастыря Боббио (IX в.) доставляли сельскохозяйственные орудия или текстильные изделия из льна и конопли. Держатели епископства Лукки (VIII—IX вв.) привозили в монастырь мешки, льняную одежду, колеса, плуги, телеги. Однако подобные обязательства мы видим у сравнительно немногих оброчных крестьян, приблизительно в 7% грамот из более чем тысячи грамот Лукки VIII—IX вв., и у 11% тяглых держателей епископства (по данным полиптика того же времени). К тому же, как правило, изделия ремесла не единственный предмет крестьянских оброков. Лишь два держателя (по данным полиптика Лукки) не несут, кроме поставки ремесленных изделий, никаких других повинностей[16]. По данным полиптика монастыря св. Юлии в Брешии (X в.), некоторые зависимые держатели также доставляли в качестве оброка крестьянское полотно и полотняные рубашки, а также топоры, мотыги, вилы, но здесь общий процент держателей-ремесленников еще меньше, чем в Лукке — 4—5%. В самом монастыре функционировала женская ремесленная мастерская — гинекей, в которой изготовлялись изделия из шерсти и льна, в отдельных поместьях монастыря упоминаются сервы-каменщики[17].

В грамотах Северной Италии VIII—X вв. относительно многочисленны упоминания о мелких свободных собственниках и зависимых держателях (весьма часто либелляриях), одновременно являвшихся и ремесленниками разных специальностей — монетчиками, кузнецами, мельниками, сапожниками, ювелирами и т. д., проживавшими в городе и в округе. Однако и здесь при возросшем удельном весе ремесленников в контадо (опять-таки в основном свободных людей или находившихся в сравнительно нетяжелой зависимости либеллариев) преобладающим оставалось свободное городское ремесло.

Имеющиеся данные (при всей их фрагментарности) позволяют тем не менее говорить и о существовании в VIII—X вв. особых объединений ремесленников и торговцев, коллегий или министерий, некоего прообраза будущих цеховых корпораций средневековья в Павии, Милане, Пьяченце и других городах. Члены корпораций — свободные люди, возглавлявшиеся магистрами, которых избирали они сами либо герцоги и гастальды. Для вступления в корпорации они уплачивали особые взносы, установленные ими самими, имущество члена коллегии наследовали коллегиаты. Они распоряжались произведенной продукцией, совместно как коллектив выступали перед королем, хотя в то же время подчинялись королевскому суду и были обязаны платежами в королевскую казну[18].

[16] DI. Vol. 5. Pt. 2. N 429 (a. 819), 480 (a. 826), 540 (a. 838), 800 (a. 867), 961 (a. 887); Vol. 4. Pt. 1. N 56 (a. 762).
[17] HPM. Vol. 13. N 419 (a. 905—906): Inventarium omnium bonorum eorumque reddituum monasterii sanctimonialium S. Juliae brixiensis.
[18] *Leicht P. S.* Corporazioni romane... P. 27—30, 71—99. Несмотря на отрывочность сведений источников, нам трудно согласиться с П. С. Лейхтом

Зависимость этих корпораций от государства коренным образом отличалась от зависимости римских коллегий от имперского правительства. Раннефеодальные Франкское государство и Итальянское королевство IX—X вв.— качественно совершенно иные организмы, чем рабовладельческая Римская империя или Остготская Италия. Члены ассоциаций — ремесленники, свободные от рабского или полурабского состояния. В то же время в условиях интенсивно происходившего процесса феодализации в VIII—X вв. они становились — в той или иной мере — людьми феодально-зависимыми, ибо ремесло в городе феодального общества также имело феодальную организацию[19], не говоря уже о том, что в раннем итальянском городе большинство ремесленников и купцов были в той или иной мере связаны с феодальным или феодализирующимся землевладением (см. ниже).

Что можно сказать об уровне и характере торговых связей, в которые были втянуты города Северной и Центральной Италии в VIII—X вв.? Исследования большого числа современных медиевистов, собранный ими материал источников не подтверждают теории бельгийского историка Анри Пиренна и его последователей о том, что римской цивилизации, экономике и учреждениям, пережившим германские вторжения и сохранившимся в мало измененном виде на протяжении последующих четырех столетий, именно в каролингскую эпоху был нанесен смертельный удар, так как в результате арабских вторжений оказались закрытыми главные морские торговые пути и международная торговля в регионе Средиземноморья пришла в упадок, что имело катастрофические последствия для развития итальянских городов. Новое возрождение экономики, по мнению А. Пиренна, наступило лишь в X—XI вв.[20]. Вопреки теории А. Пиренна, многочисленные факты свидетельствуют о том, что VIII—X вв. отмечены довольно широкими и интенсивными торговыми сношениями стран Средиземноморья, а также этих стран с другими регионами Европы.

Относительно активная торговля имела место и в Лангобардской Италии. В эдикте Лиутпранда идет речь о купцах и ремесленниках, занимавшихся своей деятельностью в пределах королевства и вне его[21]. В законах Айстульфа от 750—754 гг.[22] купцы выступают как социальный слой, имеющий немалое влия-

---

в том, что коллегии и министерии были лишь ассоциациями, созданными государством, и что преобладающим в их деятельности был именно государственный аспект.

[19] «Этой феодальной структуре землевладения соответствовала в городах корпоративная собственность, феодальная организация ремесла» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 23).

[20] *Violante C.* La società milanese nell'età precomunale. Bari, 1974. P. 17—26; *Luzzatto C.* Economia naturale ed economia monetaria // Moneta e scambi nell'alto medio evo. Spoleto, 1961. P. 26—48; *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии... С. 154—155, 167 и др.

[21] Li. § 18.

[22] Aist. § 2, 3.

ние и вес в обществе. По существу они приравниваются к землевладельцам (их допускают к военной службе, хотя они могут и не владеть недвижимостью).

Диплом Лиутпранда от 730 г. устанавливает определенные размеры береговых пошлин с жителей североитальянского города Комаккьо, торговавших солью на территории Лангобардского королевства. Среди портов, которые они посещали — Мантуя, Кремона, Брешия, Парма и др. В 787 г. Карл Великий в ответ на жалобу жителей Комаккьо по поводу их притеснений со стороны королевских должностных лиц, в результате чего страдала торговля, постановил, чтобы никто из королевских вассалов или судей не причинял какого-либо ущерба купцам, которым предоставляются права свободной торговли повсюду на территории «Королевства Италии»[23]. С VIII в. происходит перемещение европейских торговых путей на восток — к Паданской равнине и Адриатическому побережью. Важными центрами торговли в этот период становятся Венеция и Паданская долина с Павией. Однако резкого спада торговой активности (вопреки мнению Пиренна) не происходит. Средиземноморскую торговлю частично заменил путь через Северное и Балтийское моря.

Довольно интенсивными были внутриитальянские торговые связи. Главной торговой артерией Италии являлась р. По с ее многочисленными притоками и каналами, соединявшими Милан, Брешию, Павию, Пьяченцу и другие города между собой, а также эти города с Адриатикой. В IX—X вв. ежегодные и еженедельные «ярмарки» и рынки происходили в Пьяченце, Асти, Верчелли, Милане, Ферраре, Кремоне, Новаре и других городах. В период Итальянского королевства большие торговые права и привилегии получили епископы Болоньи, Модены, Мантуи, Асти, Реджо, Вероны.

Крупнейшим портом и рыночным центром Паданской долины была Павия. Ее возвышение относится еще к VI—VII вв., когда она оставила позади себя Милан. В период господства лангобардов она стала столицей королевства. Торговому могуществу Павии способствовало ее расположение на «дороге франков» и при слиянии рек Тичино и По. Через нее шли торговые пути на север — в германские земли, и на юг — к Риму. В IX и особенно в X в. все наиболее крупные монастыри и церкви Паданской долины имели в Павии свои склады и лавки для купцов. В Павии были и административно-хозяйственные центры ряда церковных вотчин, куда нередко доставляли натуральные оброки зависимые крестьяне. Да и сами зависимые держатели этих церковных вотчин, как свидетельствуют источники, подчас продавали там свои товары[24].

---

23 HPM. Vol. 13. N 5. 62.

24 *Violante C.* La società milanese... P. 5—11; *Hartmann L. M.* Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Gotha, 1904. S. 74—122; *Bernareggi E.* Op. cit. P. 53—57.

Таким образом, города Северной и Средней Италии в VIII—X вв. сохранили относительно немалую ремесленную и торговую активность, хотя уровень последней на протяжении этих столетий был неодинаков, неуклонно возрастая к X в. И все же, как уже отмечалось, итальянский раннесредневековый город прежде всего оставался административным, финансовым, военным, церковным и культурным центром. Он сохранил еще римский облик, в том числе римское деление на четыре части. Каждый из кварталов имел свои ворота в городской стене. Собственно город (civitas) уже в лангобардский период окончательно отделился от округи. Правителями города были герцог или гастальд — в городах, непосредственно зависимых от короля. Они обладали судебной, административной и военной властью. Вместе с тем в делах города и в VIII в. в некоторой мере продолжали принимать участие его рядовые жители — свободные лангобарды и римляне. На площади перед собором происходили общие собрания горожан, где обсуждались вопросы ремонта и восстановления городских стен, дорог, ворот и общественных зданий, распределялись налоги, разбирались торговые дела и мелкие происшествия в городе. Во главе городских ассамблей стояли куратор или прокуратор, очевидно, в какой-то мере наследники подобного рода чиновников позднеримского города, но они не избирались общим собранием. Их специальными функциями было наблюдение за сохранением в надлежащем порядке стен, дорог, улиц, площадей и общественных зданий.

В судебном разбирательстве наряду с постоянными судьями, которые были одновременно (как и герцоги) главами судебных административно-территориальных округов с центром в городе, принимали участие представители населения, нечто вроде присяжных. Ряд юридических актов — дарения, освобождение сервов и другие были гласными.

Таким образом, хотя римская курия и не сохранилась, но отдельные магистратуры, в том числе и римского происхождения, продолжали существовать. В лангобардское время на собрании горожан — жителей диоцеза с «одобрения» короля «избирались» епископы. Впоследствии это участие населения ограничивалось лишь «одобрением» представленного собранию епископа. Население города принимало участие в назначении пресвитеров приходов.

Свободные горожане обязаны были нести военную службу, хотя имущественное неравенство среди них зашло уже настолько далеко, что если наиболее богатые могли выступать в поход на коне и в полном вооружении, то обедневшие подчас не могли явиться даже с луком и стрелами, и порой они выполняли разного рода повинности, в том числе и барщину, в пользу своих господ — судей.

Каждый город имел свой отряд с собственным знаменем, который возглавлял гастальд. Городское войско строилось поквартально, горожане каждого квартала должны были охранять свой

участок стены. Все сколько-нибудь значительные города были обнесены стенами.

Горожане и в лангобардский период, очевидно, сохранили права пользования общинными землями — правом пастьбы на них скота, покоса трав, рубки дров в лесу, хотя собственность на бо́льшую часть земель перешла к королю[25].

В каролингское время аппарат управления городом усложнился. В то же время несколько расширилась компетенция тех органов, в которых принимали в той или иной мере участие более широкие слои горожан. Во главе городов вместо герцогов и гастальдов были поставлены графы, в марках — маркграфы, прямо зависевшие от императора. Им принадлежали те же функции, что прежде выполняли гастальды. В подчинении у графов, как раньше у гастальдов, находились более мелкие чиновники — викарии, центенарии, деканы, салтарии и др. Деятельность графов контролировали королевские посланцы. Весьма часто они принимали активное участие в городском суде.

Графы подчинялись епископу как церковному главе диоцеза. Со второй половины IX в. власть епископа в городе неуклонно возрастала. Епископы приобретали графские титулы, строили укрепленные поселения, получали от императора привилегии иммунитета и бана, распространявшиеся как на город, так и на его округу. В руках епископа, помимо церковных, сосредоточивались высшие административные, судебные и фискальные функции в городе и округе. Они приобретали права чеканки монеты, открытия рынков и ярмарок. Некоторые епископы были в числе королевских посланцев. Естественно поэтому, что борьба зарождавшихся ассоциаций горожан за самоуправление выливалась нередко в борьбу с епископом.

На протяжении IX—X вв. получили дальнейшее развитие те зародышевые формы городского самоуправления, которые имели место уже в VIII в. Постепенно расширялся круг свободных горожан, допускавшихся к участию в решении важных вопросов городской жизни в тех или иных органах управления. Наряду с этим возрастала и компетенция общего собрания горожан.

На собрании горожан рассматривались вопросы городского благоустройства, сохранение и ремонт общественных зданий, крепостных сооружений, дорог и мостов, военная защита города и созыв городского ополчения, правила соблюдения мер и весов, распределялись среди горожан десятина и всевозможные налоги и штрафы, решались споры из-за муниципальных земель, а также из-за участков, находившихся в собственности отдельных го-

---

[25] Ro. § 8. 23. 35. 144. 152. 176. 189, 221, 223, 236. 242, 244, 265. 268, 279, 284—306, 309, 322, 324—327. 342—359, 375, 379—381; Li. § 25. 26, 44. 45, 48, 59, 83, 85, 77, 78; Ra. § 9, 13; Aist. § 2, 5, 7. Notitia de actoribus regis, 2; *Chiappelli L.* La formazione storica del comune cittadino in Italia // ASI. 1926. Vol. 6. P. 4—47; *Mengozzi C.* Op. cit. P. 89—111, 130—140; *Fasoli G.* Dalla civitas al comune... P. 42—48; *Leicht P. S.* Studi sulla proprietà fondiaria nel medio evo. Milano, 1903. Vol. 1. P. 137, 104.

рожан, определялись правила пользования муниципальными землями, принимались новые жители в состав полноправных горожан. Представители главным образом состоятельных слоев — кураторы, прокураторы, экзакторы — осуществляли надзор за общинными землями, рынками и ярмарками, использованием доходов с них на городские нужды, заботились о поддержании в порядке стен, дорог, площадей и общественных зданий, а возможно, и об обеспечении горожан продовольствием [26].

Все городское население официально признавалось обязанным участвовать в выборе епископов, скабинов и ряда других должностных лиц. Возросла роль в городе «добрых людей» (boni-homines), избиравшихся епископом из богатых и состоятельных горожан. Они принимали участие в контроле за использованием церковных земель и за рядом других акций епископа.

Карл Великий учредил институт скабинов, тем самым официально признав правовое значение участия в разного рода юридических актах прежних «присяжных». Скабины избирались графом с «согласия» населения среди наиболее состоятельных людей города. Они должны были участвовать вместе с графом в судебных заседаниях, помогать ему в розысках преступников, удостоверять подлинность нотариальных актов. Городская верхушка таким образом официально допускалась к участию в управлении городом. Заседания королевских судов в городах под председательством графа, маркграфа или королевского посланца и с участием многих скабинов обычно происходили в присутствии и многочисленных представителей горожан.

Так, в 815 г. на судебном заседании в г. Лукке, на котором присутствовали свободные горожане, а также «многие другие ариманны», был удовлетворен иск епископской церкви св. Мартина (от ее имени выступал фогт) относительно владения четырьмя виноградниками неким Сваве, утверждавшим, что он получил их в либеллярную аренду от купца Гейпрандо [27]. В суде того же города в 822 г. два скабина и судьи в присутствии «многих других» горожан удовлетворили иск церкви св. Марии а Монте к братьям Натале и Ауриперто, «несправедливо», по мнению представителей церкви, завладевших ее землями в Бульфичано, которые уже 30 лет якобы принадлежали церкви [28].

На королевском суде в Пьяченце в 881 г. под председательством графа Пьяченцы и в присутствии виконта и императорских посланцев находились также королевский судья, вассал графа из Пармы, пять скабинов из Пьяченцы и один — из Пармы и «мно-

[26] *Fasoli G.* Dalla civitas al comune... P. 52—54, 68—75; *Chiapelli L.* La formazione storica del comune cittadino... // ASI. 1927. Vol. 7. P. 203—223; 1928. Vol. 10. P. 22—50; *Idem.* Pistoia nell'alto medio evo... P. 92—118; *Mengozzi C.* La città italiana... P. 141—155, 244—284; *Goetz W.* Die Entstehung der italienischen Kommunen im frühen Mittelalter. München, 1944. S. 112—116.
[27] DL. Vol. 5. Pt. 2. N 397 (a. 815).
[28] DL. Vol. 4. Pt. 2. N 26 (a. 822); ср.: Vol. 5. Pt. 2. N 774 (a. 865).

гие другие», среди которых — золотых дел мастер, нотарии и иные горожане. Обсуждался вопрос о правомерности собственности церкви св. Бригиты на земли в городе, относительно которых диакон церкви и фогт представили грамоту о том, что они были подарены королем Карлом III. Покупка земельных владений миланскими купцами была утверждена на судебном заседании в Милане под председательством маркграфа Беренгария в присутствии королевских судей, а также горожан Милана, среди которых были купец, монетчик, нотарий и др. Подобных примеров присутствия на судебных заседаниях помимо официально выделенных лиц (в том числе и скабинов) рядовых (хотя обычно и состоятельных) горожан можно привести немало[29].

Впрочем, было бы ошибочно преувеличивать объем и значимость описанных элементов городского самоуправления. Участие горожан в органах городского управления, в городском суде было ограничено определенным кругом дел, к которому они допускались. Да и здесь их присутствие на суде очень редко влияло на решение споров в пользу истцов-горожан. По существу речь шла лишь о некотором расширении слоя правящей городской элиты и о допуске в ее состав отдельных представителей состоятельной, в том числе торгово-ремесленной, верхушки. Решающая власть в городе в IX—X вв. принадлежала графу или епископу, получившему графские права и привилегии от короля.

До коммунального управления даже в его первоначальных формах было еще далеко. И все же расширение элементов городского самоуправления в IX—X вв. было существенным шагом на пути складывания городской общины как социально-политической ассоциации жителей, высшей точкой развития которой стала коммуна.

В процессе создания ремесленно-торгового потенциала раннесредневековых городов Северной и Центральной Италии в IX—X вв. показательно складывание своеобразной общности экономических интересов горожан. Во взаимоотношениях с сеньором города, которые обостряются и характеризуются многочисленными столкновениями, а порой и острой и длительной борьбой, город во все большей степени выступает как корпорация граждан — уже в немалой своей части торговцев и ремесленников, заинтересованных в разного рода таможенных, рыночных и иных торговых льготах и привилегиях, а также в политико-административной автономии. Господствующие слои города стремятся активно воздействовать на торговую политику королей и императоров и прежде всего использовать в своих интересах получаемые епископом иммунитетные привилегии.

Так, в результате пожалования в 894 г. Беренгарием I иммунитетных привилегий мантуанскому епископу город, хотя и под контролем епископа, приобрел права чеканки монеты, взимания рыночных и береговых пошлин на р. По, а также устройства

[29] I placiti. N 94 (a. 881), 112 (a. 901), 139 (a. 941), 113 (a. 902) ecc.

ежегодного рынка в пределах графства. Подобные права на устройство городского рынка от того же короля Беренгария получили епископы Кремоны, Новары и Падуи[30].

До нас дошли грамоты (хотя и сравнительно немногочисленные), в которых представители городского населения являются непосредственными адресатами или же выступают как полноправные представители города наряду с епископом. Корпорация горожан тем самым постепенно начинает в той или иной степени и юридически признаваться королевской властью.

В императорских дипломах Венеции ее горожане (populus) выступают адресатами наряду с правителем города дожем. В 891 г. король Гвидо подтвердил дожу и населению Венеции право на владение землями, иммунитет и свободу торговли. В 927 г. иммунитетные и торговые привилегии дожу и населению города были вновь подтверждены в дипломе короля Уго[31].

В дипломе генуэзцам от 958 г. Беренгарий II и Альберт не упоминают ни графа, ни епископа (диплом обращен прямо к горожанам). Король подтверждает права горожан «согласно обычаю» и запрещает представителям государственной власти осуществлять какие-либо судебные или административные функции в городе, а также требовать постой[32].

Однако епископы вовсе не собирались добровольно уступить свои привилегии. IX—X столетия отмечены острой борьбой горожан с епископами, которая подчас приводила к изгнанию епископов. Подобные случаи имели место в Кремоне, Турине, Милане и других городах.

Итак, в VIII—X вв. города Северной и Центральной Италии — важные административно-политические центры вначале Лангобардского королевства, затем Каролингского государства, а к концу периода Королевства Италии, попавшего в середине X в. под власть германских королей, а затем императоров. По мере роста экономического потенциала и политической силы города все более неуклонно стремились расширять свою автономию, приобрести экономическую и политическую независимость от своих сеньоров — графов и маркграфов, епископов. Не случайно X—XI века наполнены ожесточенной борьбой городов с сеньорами, результаты которой, хотя и не были однозначными, но неуклонно вели к укреплению самоуправления, что подготовило образование коммун.

Вместе с тем было бы ошибочным рассматривать успехи горожан в борьбе с феодальным сеньором, какой бы титул он ни носил, как победу города над феодализмом, торжество антифеодальных сил. Такой вывод не учитывал бы глубинных процессов развития, происходивших в городе, особенно на этом раннем этапе. Город находился в «гуще» процесса феодализации, кото-

[30] DBI. N 12. 82. 101. 112. 118.
[31] DG. N 9; DU. N 8.
[32] DB II. N 11.

рый происходил в итальянском обществе VIII—X вв., он был связан с этим процессом тысячами видимых и невидимых, на первый взгляд, нитей. Одним из главных проявлений этого было владение землей (в качестве собственников или держателей разных типов) большинства городского населения — от рядовых ремесленников и торговцев до крупных купцов и правящей городской элиты, в том числе представителей герцогской и королевской администрации. Земля, формы собственности и держания земельных участков были той «лакмусовой бумажкой», которая в раннее средневековье больше, чем когда бы то ни было в последующем, определяла особенности отношений господства—подчинения, вассально-ленных связей не только за пределами города, но и на территории собственного города.

В исследовании проблемы «генезис феодализма и город» мы ставим перед собой две основные задачи:

1) выявить особенности феодализации города *изнутри*, т. е. показать, каким образом в нем участвовали рядовые горожане — ремесленники и торговцы, мелкие земельные собственники, крупные купцы, богатые ремесленные мастера, представители королевской администрации разных рангов;

2) проследить специфику процесса феодализации и участия в нем *разных* социальных слоев *вне* города, на его аграрной периферии, обратив при этом главное внимание на взаимосвязь и взаимовлияние в этом процессе города и его округи [33].

Изучая тенденции *эволюции городского землевладения*, мы постараемся ответить на следующие вопросы: а) отличалось ли землевладение горожан от землевладения мелких, средних и крупных собственников, живших *вне* города и его ближайших окрестностей (в радиусе до 10 км) по формам и условиям крестьянских и некрестьянских держаний, соотношению доменіальных земель и участков, розданных в держания; б) какого рода взаимоотношения складывались у горожан в *сфере землевладения* с другими социальными слоями в самом городе и вне его: с церковными лицами и расположенными в городе церковными учреждениями, со светскими феодалами?

Среди горожан — землевладельцев и держателей можно было бы, на наш взгляд, выделить три группы по их производственным и социальным характеристикам, грани между которыми в изучаемый период, однако, были подвижны и неустойчивы.

1. Мелкие земельные собственники, обрабатывавшие самостоятельно или с помощью одного-двух держателей свои небольшие участки в городе или ближайшем пригороде. К этому слою

---

[33] В данной связи мы оставим в стороне вопросы «собственно городской социальной и экономической истории», которая также, безусловно, приобретала феодальную окраску (феодальная организация ремесла, корпоративная собственность ремесленников и т. п.). Эти проблемы требуют специального исследования по истории города. Разумеется, мы не сможем их полностью обойти при изучении интересующих нас вопросов.

непосредственно примыкали (и нередко смыкались с ним) феодально-зависимые наследственные держатели — либеллярии, в значительной степени сохранявшие личную свободу. Мелкие собственники и держатели подчас выступали в одном лице: с держанием какого-либо ремесленника нередко соседствовал земельный участок, находившийся в его собственности. В результате интенсивно происходившего в VIII—X вв. процесса феодализации многие мелкие землевладельцы теряли право собственности на участки и превращались в зависимых держателей по договору или по обычаю или же перезаключали договор, иногда приобретая повышенный социальный статус (например, либеллярии).

2. Феодализирующаяся, а позднее феодальная знать и феодальные собственники средней руки располагали господской частью имения и *системой* тянувших к ней держаний, на которых сидели массарии, колоны и сервы (последние могли использоваться в хозяйстве и как дворовые, и как домашние рабы). В то же время на части держаний представителей знати были испомещены зависимые держатели — либеллярии (в результате заключения ими договора с вотчинниками).

3. Между этими двумя полярными группировками находился «промежуточный тип», т. е. горожане, которые владели не только домом в городе, но и господским двором (sala) или его частью, а также комплексом связанных с ним хозяйственных построек и служб. Принадлежавшие собственникам этого типа несколько (2—5) земельных участков подчас находились на некотором расстоянии один от другого — в пригороде и на более отдаленной от города территории. Они обрабатывались как дворовыми сервами, так и держателями — массариями и даже либелляриями, хотя не исключалось и собственное участие этих землевладельцев в обработке части их земель. Принадлежавшие им держательские участки не представляли, однако, собой *систему* зависимых держаний, тянущих к господскому двору, как это имело место у феодальной знати. В числе свидетелей в такого рода договорах — не только рядовые свободные, но и нотарии, судьи.

Итак, представители «промежуточного слоя» — еще не феодалы, хотя и могут ими стать в процессе феодализации, но уже и не рядовые мелкие собственники и держатели, обрабатывавшие принадлежавшие им участки непосредственно своими силами. В период завершения процесса феодализации (IX—X вв.) часть собственников подобного типа выступала в качестве держателей первой руки от крупных феодальных собственников, в свою очередь являясь прямыми сеньорами непосредственных держателей земель — зависимых крестьян. Указанная группа постепенно размывалась в ходе процесса феодализации и к XIII в. была немногочисленной [34].

[34] Разрабатывая социальную и экономическую классификацию горожан-землевладельцев в Северной и Центральной Италии раннего средневековья, мы использовали методику, предложенную и полностью оправдавшую себя при изучении ряда обществ и государств Западной Евро-

VIII—X века для Северной и Центральной Италии — период интенсивно происходившего процесса феодализации, главными проявлениями которого было образование двух антагонистических классов: феодально-зависимого крестьянства и господствующего класса — феодалов-землевладельцев.

За этими определениями скрывалась пестрая картина различных социальных группировок, существовавших среди крестьянства (либеллярии, эмфитевты, колоны-массарии, сервы, альдии) и среди феодалов (от феодальной и феодализирующейся знати до мелких землевладельцев, владевших небольшими вотчинными дворами с принадлежавшими к ним 5—10 крестьянскими держаниями).

Процесс феодализации не завершился в X в. Значительные слои мелких и средних собственников (так называемый промежуточный слой) оставались вне частной власти вотчины. Особенно многочисленной подобная социальная прослойка была в городах и пригородах — суббургах, а также в ближайшей к городу округе. Этот слой уменьшался, так как большая часть их попадала в зависимость от феодализирующейся знати разного этнического и социального происхождения. Но одновременно их ряды, очевидно, пополнялись как за счет получавших освобождение сервов, колонов и альдиев, так и беднейшей части средних землевладельцев, а также приобретавших земельные владения горожан — торговцев и ремесленников, должностных лиц курии, людей свободных профессий и т. п. Наличие относительно развитого ремесла и торговли в городах (хотя и немало их переживало в тот или иной период падение активности и даже упадок) предопределяло существование слоя ремесленников и торговцев, многие из которых были земельными собственниками и мелкими посессорами, активно участвовавшими в торговых операциях и ремесленной деятельности в городе и округе. Сохранение определенного слоя мелких свободных собственников было естественным в городе с его (хотя и сильно видоизменившимися, но в IX—X вв. вновь возрождающимися уже на новой основе) учреждениями финансово-судебно-административного порядка и обслуживающими их чиновниками, наконец, в городе, продолжавшем оставаться очагом культуры, обслуживаемым лицами свободных профессий.

Мелкие земельные собственники-горожане были наследниками позднеримских посессоров, а частично германских, лангобардских, иногда франкских аллодистов. Порой перед нами ремесленники, иногда торговцы, но нередко (обычно в Центральной Италии) их социальная роль в городе не ясна. На принадлежавших им небольших и компактно расположенных участках в го-

пы VIII—IX вв., и особенно истории Германии VIII—XII вв., А. И. Неусыхиным. См.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; *Он же.* Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964. С. 17—44.

роде и ближайшем пригороде имелись жилой дом с дворовыми постройками, небольшой сад (огород), виноградник. Небольшие участки пашни или луга, как правило, находились за пределами собственно городской территории, но неподалеку от городских стен. В грамотах упоминаются многочисленные продажи, обмены и дарения земельных участков и домов этими собственниками их же согражданам — ремесленникам, торговцам, королевским должностным лицам, представителям городской администрации, чаще церковным учреждениям и клирикам. Порой дарения делаются с сохранением пользования (узуфрукта) на время жизни дарителя либо его жены или других ближайших родственников. Нередко продавец оставлял в своей собственности другие участки, граничившие с продаваемыми[35]. Но продажа далеко не всегда означала полную утрату проданного участка; подчас относительно этой земли заключался договор «ad pastinandum», по условиям которого возделанный участок (на котором обычно высаживались виноградники) делился пополам между старым собственником и новым — возделывателем парцеллы[36].

Многочисленные дарения и продажи земельных участков и домов, а также других сооружений, принадлежавших мелким свободным земельным собственникам, происходили повсеместно и *за пределами* собственно городской территории. Однако здесь подобным сделкам были присущи некоторые особенности:

а) как правило, дарение или продажа совершались в пользу церковного учреждения (епископства, монастыря, приходской церкви и т. д.), в то время как в городе покупателями нередко были те же горожане, ремесленники и торговцы[37];

б) у дарителя или продавца много реже, чем в городе, оставались в собственности другие участки[38] (т. е. здесь институт мелких собственников размывался быстрее, слой неимущих был

---

[35] Житель Лукки, золотых дел мастер Джюсто продает виноградники городскому аббатству св. Марии. См.: CDL. Vol. 1. N 69 (a. 730), 23 (a. 720), 26 (a. 720), 49 (a. 730). Житель Пистои Мауро, «vir honestus», выходец из Северной Италии (traspadano), продает купцу Криспинуло принадлежавшую ему четверть луга и виноградники в Пеша (Луккская округа). Этот участок, с одной стороны, граничит с землями того же Криспинуло. Одновременно Криспино получает серва Дулькуло. Как и земля, серв поступает в полное распоряжение покупателя. См.: CDL. Vol. 1. N 80 (a. 742). Неясно, означает ли титул Мауро (vir honestus) его более высокий социальный статус по сравнению с другими, «рядовыми», горожанами Пистои. Ч. Виоланте утверждает, что в грамотах IX в. термины honesta, honestus были равнозначны термину «liber» и никак не могут отождествляться с терминами «nobilis», «maior», «bonus». См.: *Violante C.* La società milanese nell'eta precomunale. Bari, 1974. P. 103—105. См. также: CDL. Vol. 2. N 278 (a. 773) ecc.

[36] Миччинелло из местечка Паленца (2 км от Витербо) продает аббату монастыря Фарфа за 8 солидов половину виноградника, который ему перешел 5 лет назад по договору «ad pastinandum». См.: CDL. Vol. 2. N 196 (a. 766).

[37] CDL. Vol. 2. N 150 (a. 761); DL. Vol. 4, pt. 1. N 110 (a. 791); Vol. 5, pt. 3. N 1313 (a. 946) ecc.

[38] DL Vol. 4. pt. 1. N 62 (a. 765), 80 (a. 774); Vol. 5. pt. 2. N 1000 (a. 896).

многочисленнее). Обычная формулировка: дарю все, чем владею в данном селении (впрочем, возможно, что иногда даритель мог сохранить что-либо в собственности в других селениях, о чем грамота умалчивает)[39].

в) вне городской территории реже встречается и сохранение узуфрукта на подаренные земли.

Права пользования общинными угодьями, очевидно, при продаже или дарении переходили к новому собственнику.

Вплоть до конца X и в XI в. в ряде районов сохранялись поселения свободных мелких собственников с принадлежавшими им земельными участками, представлявших, возможно, некие сообщества (terra langobardorum, terra Barbaritana и т. п.). Если первоначально эти обособленные территории принадлежали варварам — остготам или лангобардам, в IX—XI вв. они продолжали оставаться во владении мелких свободных собственников, но уже независимо от их происхождения или принадлежности, будь то римляне, остготы или лангобарды. Соответственно, на наш взгляд, нет оснований полагать, что такого рода поселения свободных людей были в большинстве своем позднего происхождения и являлись результатом особых пожалований королей их дружинникам и разного рода должностным лицам государства, ариманнам, рядовым свободным — как это подчеркивают ученые, разделяющие теорию «королевских свободных»[40]. Как мы уже видели, наличие мелких свободных собственников можно проследить на всем протяжении VIII—X вв. в разных районах Северной и Центральной Италии, независимо от каких-либо особых королевских пожалований. Продажа и дарение мелкими собственниками своих земельных участков и домов в городе и вне его нередко были вынужденными вследствие резкого ухудшения их материального положения, а порой и разорения. В конце VIII—IX в. эти сделки весьма часто влекли за собой вступление прежнего мелкого земледельца в зависимость от крупного собственника — феодализирующегося или уже феодального сеньора, будь то светский феодал или церковная корпорация. Утрата свободы прежним мелким собственником могла происходить не одномоментно, в результате дарения или продажи им своего земельного участка и поселения (на нем же или на другом наделе того же либо другого землевладельца) в качестве держателя, а проходить ряд ступеней постепенного подчинения крупной вотчине, вначале еще без потери недвижимости, но с признанием судебно-административной и фискальной власти последней, а затем и с лишением собственности. Подобный путь, как увидим ниже, был характерен для тех свободных, которые, продолжая иметь собствен-

---

[39] DL. Vol. 4, pt. 1. N 105 (a. 788), 121 (a. 799), 84 (a. 777); CDL. Vol. 2. N 193 (a. 765), 294 (a. 774) ecc.

[40] *Tabacco G.* I liberi del re nell'Italia carolingia e postcarolingia. Spoleto, 1966; *Idem.* La storia politica e sociale. Dal tramonto dell'Impero alle prime formazioni di stati regionali // Storia d'Italia. Torino, 1974. Vol. 2. P. 56—64.

ный участок, попадали в орбиту действия иммунитетных привилегий (чаще всего пожалованных крупной церковной вотчине).

Жители Оливето (Тосканская Маремма) братья Аутперто и Лиутперто подарили епископской церкви в Лукке все свои владения и взяли на себя обязательство выполнять в пользу епископства транспортную барщину, состоявшую из перевозки на судне зерна и соли в порт, куда обычно эти продукты и доставлялись. Сами же братья и раньше, владея еще собственными земельными участками, доставляли в порт зерно и соль по предписанию герцога Вальперто. В сознании братьев еще сохраняется представление об их личном свободном статусе, и они продолжают противиться судебному подчинению епископу, что видно из заключительных слов грамоты [41].

Они не были исключением в своих попытках сохранить хотя бы некоторые признаки прежнего свободного состояния. На судебных заседаниях в городах Северной и Центральной Италии в VIII–X вв. под председательством графов и маркграфов, королевских посланцев, а иной раз и в присутствии самого короля весьма часто разбирались иски протеста прежних свободных, утративших свое имущество (прежде всего землю) и личную свободу и насильственно обращаемых в несвободных массариев, сервов и альдиев. Они не нашли удовлетворения своих требований в графском суде и обратились в королевский суд. Показательно, что, хотя на заседаниях суда нередко присутствовали «многие свободные» горожане, обычно решение судей было не в пользу истца – прежнего свободного собственника. Очень редки случаи, когда последнему удавалось «доказать» свою свободу.

Так, в миланском суде под председательством дворцового графа и графа Милана Зигифредо в 901 г. была удовлетворена жалоба шести представителей селения Кузиако на графского вассала Ванинга и графского фогта Амброзия, которые, по словам крестьян, «несправедливо рассмотрев дело в суде», вынесли решение о том, что названные лица являются альдиями поместного двора в Палаццуоло, каковыми якобы были их родители. Основанием для такого решения было признано исполнение ими еженедельной барщины на домене [42].

Жители Кузиако продолжали, тем не менее, считать себя свободными (liberi homines, arimanni) на том основании, что их родители – свободные люди, а они продолжают обладать земельной собственностью (nostram proprietatem in nostram partem), в доказательство чего они представили поручителей. Истцам удалось доказать свое свободное состояние, хотя они и лишились части земель в местечке Бустарио, которыми завладел граф. Однако преобладали приговоры суда иного рода. Как правило, аргументы бывших свободных, подпавших под власть светского или церковного сеньора, признавались «неубедительными». Лишь

[41] CDL. Vol. 2. N 223 (a. 768).
[42] I placiti. N 112 (a. 901).

иногда суд несколько смягчал обязательства обратившегося за защитой серва или альдия, социальный статус которого обычно признавался «соответствующим» действующему порядку вещей (в качестве критерия порой выдвигался 30-летний срок давности пребывания в несвободном состоянии и выполнение соответствующих — обычно барщинных — повинностей).

В 796 г. в пизанском суде было вынесено решение в пользу епископа Пизы, утверждавшего, что три брата-ответчика (в том числе один — клирик) являются лично и поземельно зависимыми людьми епископской церкви и посему должны оставаться ими на протяжении всей своей жизни, так как их отец был сервом той же церкви. И хотя братья утверждали, что они выполняют свои обязанности по отношению к епископу как свободные люди, они не смогли подтвердить свое свободное состояние ни грамотой, ни показаниями свидетелей с их стороны. Между тем судья вызвал ряд свидетелей, которые дали показания о том, что отец ответчиков в течение 30 лет являлся епископским сервом и подвергался как серв телесным наказаниям[43]. Под председательством королевского посланца судьи Гарибальдо в суде г. Тренто разбиралась жалоба аббата монастыря св. Марии, расположенного недалеко от Вероны, на зависимых от монастыря держателей — жителей ряда деревень, отказывавшихся выполнять барщинные работы на том основании, что они коммендировавшиеся, т. е. лично свободные люди. На суде присутствовали многочисленные вассалы, скульдахии, скабины «немецкого и лангобардского происхождения». Аббат аргументировал свою точку зрения тем, что деды и отцы ответчиков и в лангобардские и франкские времена, и теперь в течение 30 лет исполняли барщину монастырю. Ответчики представить поручителей и доказать свою свободу в установленном судебным обычаем порядке не смогли. И хотя свидетели и скабины признали, что службу монастырю (в частности, доставку продуктов в Верону по поручению вотчинника) ответчики исполняли, будучи поземельно, но не лично зависимыми людьми, тем не менее решение суда было в пользу монастыря[44].

В своих многочисленных итальянских капитуляриях франкские короли и императоры, признавая факты потери имущества и личной свободы многими прежними мелкими собственниками (они именуются liberi homines, arimanni, minor populus, populus), в том числе и в результате злоупотреблений и насильственных действий королевских должностных лиц, как бы намечают некоторые меры по пресечению такого рода преступных акций[45]. В то же время они всячески содействуют росту частной вотчинной власти[46] (в том числе и путем иммунитетных привилегий),

[43] Ibid. N 9 (a. 796); ср. N 37 (a. 827).

[44] I placiti. N 49 (a. 845).

[45] Cap. regum Francorum. Karoli Magni Notitia Italica (a. 776 aut 781). Vol. 1. P. 186—187.

[46] Свободным лангобардам разрешается коммендироваться кому-либо по своему выбору. Люди, не вступившие под чье-либо частное покрови-

оказывая поддержку актам коммендации прежних свободных, а позже, в середине IX в., предписывая «в обязательном порядке» каждому свободному подыскать себе сеньора[47]. Феодализационные тенденции делают все большие успехи, и королевская власть «не мешает им» (тем более что она и сама феодализируется).

[Утративший (полностью или частично) свою собственность на дом или земельный участок, лишившийся прав (и обязанностей) свободного человека, прежний мелкий собственник становился зависимым держателем церкви или монастыря либо богатых соседей — светских землевладельцев. В силу специфики наших источников чаще всего мы можем изучить статус держателей церковных учреждений. Подчас держатель брал на себя обязанности по «carta promissionis»[48]. Но преобладало заключение либеллярного договора, часто наследственного или на 29 лет. Реже заключался договор типа эмфитевсиса. Однако немало зависимых людей держали землю и без заключения специального письменного договора. Такие держатели, как правило, именовались колонами или массариями, а подчас мы встречаем в грамотах в качестве держателей даже альдиев и сервов. Личные и имущественные права держателей, не заключавших письменного договора с вотчинником, подвергались гораздо большему ограничению, чем это имело место в отношении либеллариев или эмфитевтов[49].

В VIII—X вв. в наших источниках массарии обычно противопоставляются «свободным» держателям, так же как и обладавшим большей личной свободой и обязанным сравнительно меньшим объемом повинностей либеллариям. Впрочем, нередко часть держателей, заключивших либеллярный договор, фактически оказывалась в положении массариев, а подчас именовалась ими[50]. На низшей ступени социальной лестницы в VIII—X в. стояли альдии и сервы. Сервы были домашними и дворовыми рабами, но порой (особенно в IX—X вв.) и держателями. Их продавали, обменивали, дарили, передавали в залог без земли как вещь. Иногда их отпускали на свободу по завещанию собственника церковному учреждению. Подчас сервы вступали в браки с сидевшими на земельных участках их господ массариями, и их потомство переходило в разряд поземельно-зависимых держателей, хотя и со значительными ограничениями личной свободы. Среди сервов упоминаются ремесленники разных специальностей, преимущест-

---

тельство, как это было и во времена лангобардов, подчиняются графу. Как видим, королевская власть содействует процессу коммендации. См.: Cap. reg. Franc. Vol. 1. P. 199. Pip. Cap. Papiense (a. 787). С. 13.

[47] Лотарь предписывает каждому свободному человеку «подыскать» в качестве сеньора короля или его вассалов (ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem, qualem voluerit, in nobis et in nostris fidelibus accipiat). См.: Ibid. Vol. 2. P. 71 (a. 847).

[48] CDL. Vol. 2. N 283 (a. 773).

[49] HPM. Vol. 13. N 422 (a. 907).

[50] DL. Vol. 5. pt. 2. N 505 (a. 803), 85 (a. 764); HPM. Vol. 13. N 129 (a. 837), 157 (a. 845) ecc.

венно сельскохозяйственных. Альдии были близки к сервам, нередко вместе с ними освобождались по завещанию. В IX–X вв. альдии, как и сервы, но, пожалуй, еще чаще — поземельные держатели[51].

Объектом держания либеллариев — непосредственных производителей — становилась либо их прежняя собственность, проданная или подаренная покупателю-вотчиннику, либо же земельный участок, на котором ранее сидел другой держатель. В наших грамотах встречаются и подтверждения прав на такие держания, которые уже находились во владении получателя грамоты (или его отца). Порой имеет место заключение либеллярного договора относительно держания, которое раньше его обладатель обрабатывал без заключения специального контракта. В последнем случае происходило определенное повышение юридического и социального статуса держателя. Новые либеллярии или массарии обязывались «производить улучшения» на своих держаниях. Чаще об этом говорится в общей форме, но порой они конкретизируются: речь идет о подъеме нови, обработке пустоши, корчевке леса, насаждении новых виноградников, ежегодном взрыхлении почвы у их корней, обрезке лозы, размножении виноградников черенками и т. п.[52]

Повинности держателей-либеллариев на землях, близко расположенных к городу, отличались от обязательств либеллариев, держания которых находились на более отдаленных от города территориях. Правда, и ряд держателей в непосредственной близости от Лукки (в Саннанори и Соборбано, зонах широкого распространения виноградников), так же как и в более отдаленных от города районах округи, был обязан значительной барщиной — в размере 3,4 и даже 5 дней в неделю «по усмотрению господина» (возможно, что это были разнообразные работы на виноградниках, которые не было нужды конкретизировать). Держатели здесь должны были приносить вотчиннику и «дополнительные» дары в виде кур и яиц[53].

Однако большая часть либеллариев, державших земельные участки вблизи Лукки, Пизы, Пистои, Вольтерры уже в конце VIII, а особенно в IX–X вв. вносила лишь небольшой денежный чинш и выполняла судебную повинность: по приказанию вотчинника должна была принимать участие в его суде (как правило, в городе)[54]. Эта повинность для крестьян-держателей, живших вне городской территории, была довольно обременительной, так как отрывала их от сельскохозяйственных работ подчас в самое жаркое время сенокоса или уборки. Для держателя — жителя го-

[51] CDL. Vol. 2. N 174 (a. 763). 199 (a. 766). ecc.; *Luzzatto G.* Dai servi della gleba agli albori del capitalismo. Bari, 1966; *Volpe G.* Il medioevo italiano. Firenze. 1961. P. 16–28.

[52] HPM. Vol. 13. N 157 (a. 845). 554 (a. 939). 677 (a. 963) ecc.

[53] DL. Vol. 5. pt. 2. N 778 (a. 865); ср.: N 275 (a. 799). 813 (a. 872). 832 (a. 873); Arch. Siena. N 22 (a. 843) ecc.

[54] CDL. Vol. 2. N 283 (a. 773); DL. Vol. 5. pt. 2. N 815 (a. 872). 927 (a. 883). 958 (a. 887). 965–966 (a. 898) ecc.

рода, ремесленника из предместья такая повинность была менее тяжелой, кроме того, она повышала его социальный престиж среди соседей.

Либеллярии эти, обладавшие в наибольшей степени личной свободой в рамках феодальной зависимости их от вотчинника-сеньора, противопоставляли себя тем массариям, которые порой (без заключения договора) сидели на участках разбогатевших либелляриев и помогали им эти участки обрабатывать. Кстати, все чаще теперь в грамотах либеллярии — не непосредственные производители, а лица, принадлежавшие к так называемому промежуточному слою, и мелкие феодалы. Либеллярный договор разрешал таким либелляриям свободно распоряжаться движимым имуществом и покидать участок без всякого ограничения со стороны собственника.

Свобода распоряжения движимым имуществом, так же как и возможность легко покинуть надел [55], небольшой денежный чинш соответствовали экономическому и социальному статусу рядового горожанина нового типа — во все большей своей части ремесленника или торговца, для которого собственно земледельческие занятия на территории города, а также в непосредственной близости от него постепенно отходили на второй план. Это обстоятельство находилось в тесной связи с эволюцией самого города, в котором ремесленная и торговая деятельность приобретала все большее значение.

Договор эмфитевсиса (он чаще встречается в районе Кремоны, Модены) по своим условиям был обычно сходен с либеллярным, но заключался на более короткий срок — 10 лет. Иногда (но очень редко) заключались прекарные сделки (precaria oblata). Прекарист обязывался нести денежный чинш [56].

Уже говорилось, что часть либеллариев из обедневших мелких свободных собственников, лишившихся своих прав на земельные участки, сближалась или сливалась с полусвободными держателями-массариями. Однако именно в городе и его окрестностях, по крайней мере в VIII — середине IX в., грань между массариями и держателями-либелляриями, в большей степени сохранившими личную свободу, продолжала оставаться довольно существенной [57], так как именно в городе обедневшие мелкие собственники, порой сохранившие собственность на половину или даже на $^2/_3$ своего дома, сада или виноградника, одновременно могли про-

---

[55] DL. Vol. 5, pt. 2. N 958 (a. 887), 965 (a. 890), 989 (a. 893), 1339 (a. 951); RCP. N 69 (a. 945).

[56] HPM. Vol. 13. N 301 (a. 881).

[57] Некий Гунифредо и трое его сыновей делают дарение в пользу основанной ими церкви св. Петра и св. Марии в непосредственной близости от Пистои. Дарение включает участки земли, в том числе и держания массариев, обязанность которых нести барщину в размере 4 недель в году. Сидящие на других наделах «римляне» (очевидно, потомки посессоров, еще не утративших личную свободу) должны вносить в пользу церкви лишь 1 тремиссу ($^1/_3$ золотого солида) или воск и масло «на лампады церкви» на ту же сумму. См.: CDL. Vol. 2. N 206 (a. 767).

должать занятия ремеслом или участвовать в торговле, служить в городской администрации. Тем самым эти люди выступали как бы в двух ипостасях: мелких собственников, располагавших определенными правами участия в политической жизни или администрации города, и держателей чужой земли с вытекавшими в свою очередь из этого факта последствиями для их личного подчинения землевладельцу (монастырю, епископу, светскому вотчиннику).

Впрочем, на протяжении IX—X вв. продолжавшийся процесс феодализации, в который вовлекались все более широкие круги сохранявшихся мелких и средних собственников (в том числе и городских жителей), приводил к опусканию и обеднению многих из них.

В то же время было бы ошибочным считать, что к концу X в. все мелкие городские земельные собственники (или подавляющее большинство) оказались в феодальном подчинении у своих могущественных соседей в городе. Очевидно, «незаконченность» и «незавершенность» подобного процесса была обусловлена в немалой степени начавшимся экономическим и политическим подъемом городов, активизацией их борьбы за самоуправление и экономическую независимость от сеньора — епископа или графа, вовлечением в эту борьбу все новых слоев ремесленно-торгового населения города, что явилось в определенной степени стимулом сохранения их собственнических прав на дом и небольшую парцеллу, занятую садом, огородом, виноградником, или более легкой их зависимости как держателей-либеллярием.

Повинности либеллярием, проживавших *за пределами* непосредственно города и его ближайших предместий, были более обременительными, чем держателей-горожан, что особенно наглядно можно проследить в изучаемый нами период в VIII — середине IX в. и во второй половине IX—X в. Общий объем повинностей держателей-либеллярием и особенно массариев-негорожан был довольно велик: это и полевая барщина 2—3 дня в неделю (а иногда и больше), впрочем, распространенная не повсеместно и сочетавшаяся обычно со значительной натуральной рентой: взиманием половины полученного в хозяйстве вина, от 1/4 до 1/3 урожая зерновых — пшеницы и низших зерновых (проса, ячменя, полбы), порой половины олив. В числе «дополнительных даров» не только домашняя птица и яйца, но и барашек, поросенок, свиной окорок. Почти неизменным компонентом оброка выступает денежный чинш[58], роль которого возрастает к концу нашего периода — X в.[59] Среди зависимых держателей итальянских церковных вотчин, особенно массариев и колонов, имела значительное распространение транспортная повинность — до-

[58] *Leicht P. S.* Scritti vari di storia del diritto italiano. Milano, 1951. Vol. 2. P. 133—146. N 2 (a. 813), 3 (a. 819), 4 (821), 7 (a. 828) ecc.; DL. Vol. 5. pt. 2. N 656 (a. 848), 1072 (a. 903) ecc.

[59] С середины IX в. все чаще встречается денежный чинш, сочетавшийся с судебной повинностью.

ставка крестьянами своих оброков в города и порты, где находились административно-хозяйственные центры вотчин, или реже — перевозка ими продуктов в пункты, указанные вотчинником. Зависимые держатели монастыря св. Юлии в Брешии доставляли свои оброки в порты, куда приходили суда. К берегу По обязаны были привозить зерно и вино держатели монастыря св. Воскресения в Пьяченце. Транспортная повинность была распространена и в округах Лукки, Милана, Модены[60]. В условиях подъема и роста многих городов, особенно в X в., постепенно возрастала роль натуральной ренты, поступавшей в города на продажу, а также для снабжения городского населения (в том числе и зависимых людей горожан-вотчинников) продуктами питания и сырья. Натуральная рента занимала немалое место в повинности держателей (по полиптику Лукки — приблизительно у 57% тяглых крестьян, по полиптику св. Юлии в Брешии — у 90%). Что же касается либеллариев и других категорий зависимых держателей, владевших землей на договорных условиях, то удельный вес натуральной ренты там был меньшим: в IX—X вв. продуктовые оброки доставляла еще только половина либеллариев на севере страны, а в Центральной Италии и того меньше — приблизительно $^{1}/_{5}$ их часть.

Денежный чинш — один из важных показателей товарности крестьянского хозяйства — в середине IX—X в. становился преобладающим у держателей-либеллариев в Центральной Италии. Его платила примерно половина и североитальянских либеллариев. Однако здесь нередки были оброки смешанного типа: одновременно натурой и деньгами. Судя по документам, относительно часто совершались ростовщические сделки с землей[61].

В современной историографии убедительно опровергнуты взгляды сторонников вотчинной теории (разделявшиеся Ф. Карли и А. Пиренном) о поместье этого времени как о полностью замкнутом экономическом комплексе и о поместных рынках лишь как рынках для обмена товарами между колонами и остальным населением этого же поместья[62]. Разумеется, остается в силе тезис о господстве натурального хозяйства. Основные орудия и средства труда воспроизводились в крестьянском хозяйстве. И все же сравнительно интенсивными были товарные связи с близлежащим и отдаленным городом, что влияло на размер и функции домена.

По подсчетам М. Блока, в IX в. в монастыре св. Юлии в Брешии на 741 пребендария приходилось 4000 зависимых дер-

---

[60] HPM. Vol. 13. N 121 (a. 963), 186 (a. 854), 303 (a. 881); CDL. Vol. 2. N 223 (a. 768) ecc.

[61] *Котельникова Л. А.* Либелларии Северной и Средней Италии в VIII—X вв. (К вопросу об образовании зависимого крестьянства) // СВ. 1957. Вып. 10. С. 90—94; *Она же*. Итальянский город раннего средневековья... С. 110—115.

[62] *Luzzatto G.* Economia naturale ed economia monetaria... P. 15—28; *Violante C.* La società milanese... P. 12—16.

жателей, а в монастыре Фарфа — на 93 пребендария 1400 держателей [63].

На домене монастыря св. Коломбана в Боббио, по данным полиптика, производилась лишь $^1/_3$ зерна, получаемого со всех земель монастыря [64].

Немало препятствий воздвигалось на пути зависимых держателей-негорожан в случае их ухода с держания или оставления участка до истечения срока договора (если договор не был наследственным). Они должны были не только заплатить высокий штраф (как и держатели-горожане), но и оставить на участке все движимое имущество, т. е. скот и весь рабочий инвентарь, что, естественно, сильно затрудняло их устройство на новом месте. Любопытно, что в ряде грамот в качестве причины ухода называется стремление держателя «подработать» на стороне (peculiarina faciendi), подчас прямо говорится, что массариям запрещается уходить в близлежащий или какой-либо другой город под угрозой высокого штрафа [65].

Феодализация общества Центральной и Северной Италии в VIII—X вв., в ходе которой либеллярный договор играл немаловажную роль как один из способов, посредством которого втягивалась в зависимость феодального типа значительная часть обедневших мелких свободных собственников (в том числе горожан и жителей непосредственно примыкавших к городу территорий), имела неоднозначные последствия для всех либеллариев. Либелларии не образовали единого слоя феодально-зависимого крестьянства со сходными или тем более одинаковыми правами и обязанностями. Часть их сблизилась и слилась с полусвободными массариями, выполнявшими барщину и платившими оброк натурой из половины или трети урожая, помимо других повинностей. Другая часть либеллариев, также немногочисленная, вносила вотчинникам лишь сравнительно невысокие денежные чинши и исполняла судебную повинность. Горожане и жители предместий и окрестных районов в большинстве своем принадлежали именно к этой последней категории.

К горожанам-землевладельцам выделенного нами «промежуточного типа» или «слоя» принадлежали горожане — земельные собственники, владевшие домом, господским двором или его частью, 2—5 участками земель с сидевшими на них держателями—массариями или сервами. При этом, однако, не исключалось и собственное участие этих землевладельцев в сельскохозяйственном труде. Принадлежавшие им держания массариев были немногочисленны и не превратились еще в стабилизировавшуюся *систему* зависимых держаний, тянущих к господскому двору. В состав «промежуточного слоя» входили разбогатевшие ремес-

---

[63] Cambridge Economic History. L., 1966. Vol. 1. P. 240.
[64] *Hartmann L. M.* Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens... S. 52.
[65] DL. Vol. 4. pt. 1. N 69 (a. 770); DL. Vol. 5, pt. 2. N 85 (a. 764); CDL. Vol. 1. N 104 (a. 752), 116 (a. 754); Vol. 2. N 139 (a. 759).

ленники и торговцы, низшие представители государственной (королевской) и городской администрации: королевские судьи, гастальды, королевские дружинники-газинды, нотарии, скабины, а также состоятельная верхушка рядовых воинов и ариманнов. В источниках при описании городских и пригородных владений представителей «промежуточного типа» не всегда фигурируют держатели, особенно если перед нами должностные лица города и королевства. Между тем размеры и расположение земель, отдельные участки которых порой отстояли на значительном расстоянии друг от друга, а также специфика профессии этих лиц заставляют предположить с достаточной долей вероятности, что эти земли непосредственно обрабатывали не судьи или газинды, а мелкие собственники или держатели, жившие по соседству (если на данных наделах не было постоянных держателей), а также дворовые сервы.

В наших источниках представители «промежуточного слоя» заключают всевозможные сделки с землей: купли-продажи, обмена, дарений, залога, нередко либеллярные договоры. Объекты сделок — каменный дом в городе и огороженный господский двор с комплексом хозяйственных построек (у ремесленников и торговцев — мастерская-лавка), а также несколько земельных участков с сидевшими на них массариями или сервами (впрочем, как говорилось, массарии могут и не упоминаться). Земли представителей «промежуточного слоя» могли располагаться в разных городских кварталах, а также в непосредственной близости от городских стен, но иногда и на более далеком от города расстоянии [66].

Многочисленные свидетельства о землевладении миланских и кремонских купцов, а также ремесленников в IX—X вв. приводит Ч. Виоланте, отмечая, что нередко они же выступали и свидетелями при заключении разного рода земельных сделок наряду с нотариями и судьями. Ч. Виоланте полагает, что особенно интенсивно происходил процесс превращения купцов в земельных собственников с начала X в., а к 60-м годам XI в. вместе с ремесленниками они образуют особую сословную группу в городах — cives.

Порывая практически с военной службой, они, казалось бы, теряли тем самым и высокое положение в обществе (в качестве maiores и potentes; ср. законы Айстульфа). Однако, приобретая земли, они тем самым как бы «приспосабливаются» к новым условиям, поднимаясь по общественной лестнице. Немало таких

[66] CDL. Vol. 1. N 80 (a. 742): житель Пистои Мауро, vir honestus, выходец из Северной Италии (transpadanus), продает купцу Криспинуло ¼ своей пашни и виноградника в Пеша, неподалеку от Пистои, вместе с сервом Дулькуло. Тот же Криспинуло в последующие годы скупил еще ряд земельных участков — виноградники и пашни в округах Лукки и Пистои. См.: DL. Vol. 4, pt. 2. N 36 (a. 746); Vol. 5. Pt. 2. N 45 (a. 752) ecc. См. также: CDL. Vol. 2. N 148 (a. 761); DL. Vol. 4. pt. 2 (Ap.). N 48 (a. 858); Arch. Siena. P. 11 (a. 800); HPM. Vol. 13. N 820 (a. 984), 333 (a. 885).

людей находилось в прямой зависимости от королей и императоров [67].

Весьма характерен для представителей «промежуточного слоя» статус вассала-бенефициария (в качестве своего рода бенефиция могло выступать и либеллярное держание). Их сеньорами были епископ или городской монастырь, граф или герцог. Очень часто сами эти вассалы в свою очередь передают полученные участки в держание либеллариям, и в их пользу поступает часть чинша. Верховный сеньор «довольствовался» нередко сравнительно небольшим денежным чиншем. Среди других обязательств (чаще денежных, но также и натуральных) либеллариев из «промежуточного слоя» — транспортная повинность, ее исполняют держатели — массарии или сервы. Это — обязанность доставлять оброк к городскому дому верховного сеньора. Либелларий должен был также предоставлять постой посланцу сеньора или ему самому. Имела место и судебная повинность (вероятно, держателей по отношению к верховному сеньору) [68]. Собственник платил штраф, если он требовал повышенный чинш или сгонял съемщиков с земли, а держатель — за неуплату чинша, ухудшение участка, иногда за его оставление (размер штрафа одинаков для собственника и съемщика). Наиболее высоким штрафом каралось оставление участков до окончания срока договора в пределах города или в непосредственной близости от него. Как и в контрактах с рядовыми горожанами, после уплаты штрафа договор «оставался в силе», его расторжение из-за невыполнения условий одной из сторон встречается в виде исключения. Тем не менее огромный штраф, порой в 10 раз и более превышавший чинш, ложился ощутимым дополнительным бременем в первую очередь на непосредственных держателей земель от либеллариев из «промежуточного слоя» [69].

Землевладельцы или держатели, принадлежавшие к выделенному нами «промежуточному типу» и проживавшие *за пределами городов* или их ближайших окрестностей, обычно «обнаружи-

---

[67] *Violante C.* La società milanese... P. 54—85.

[68] Пьетро Тауперто получил от епископа Лукки в пригороде Версиано дом и земельное держание (с пахотной землей, садом, виноградником и оливами), на котором раньше сидел массарий Урсо, а потом сын Урсо Бониprандуло. Ежегодный чинш Пьетро (фактически его уплачивает массарий) епископу 27 денариев, которые вручаются епископскому министериалу в том же Версиано. См.: DL. Vol. 5, pt. 2. N 853 (a. 874). Соответствующая формулировка, встречающаяся в подобного рода грамотах (et homo ille qui in ipsa casa abitantes fuerit) допускает и смену массария. Держатель-массарий должен являться и на судебные заседания в Лукку. Ср. DL. Vol. 5, pt. 2. N 822 (a. 873): гастальд Ардиманно получил от субдиакона церкви св. Сильвестра Даниэле виноградники, участки пашни и оливы в Нониано (Луккская округа). Даниэле держал их, в свою очередь, от императорского вассала Гизельмари. Чинш гастальда — 16 денариев (но у него, несомненно, есть держатели-массарии, которых он и будет «заставлять работать» (laborare faciendi) на участке).

[69] См., например: CDL. Vol. 2. N 216 (a. 768), 277 (a. 772), 289 (a. 773—774) ecc.

ваются» или в грамотах купли-продажи, или же в либеллярных договорах, причем не так уж редко договор заключается относительно проданных или подаренных церковному учреждению земель и построек лиц, с которыми и подписывается договор. Объектом либеллярной сделки обычно являются дом, где проживает либеллярий, хозяйственные постройки, усадьбы, сад, виноградник, участок пашни. Нередко эти земли обрабатывают 1—3, иногда 3—5 держателей-массариев. Весьма часто в договорах, заключаемых с церковными учреждениями лицами, относимыми нами к «промежуточному слою», говорится о том, что съемщик должен «построить дом и поселить там зависимых людей». Вероятно, такого рода формулировка не случайна и связана с продолжавшимся процессом освоения новых земель (естественно, в первую очередь на более отдаленных от города территориях) и поисками новых держателей-колонов для их обработки.

Возможно, впрочем, что постройка нового дома, причем именно крестьянского жилища (что порой уточняется в грамоте), была связана с тем, что новые массарии должны были «сидеть» на участке *наряду* и *вместе* с прежним массарием.

Особое внимание к постройке жилища для держателей-массариев в либеллярных договорах негородского типа позволяет предположить, что здесь чаще имелась в виду не смена массария, а приглашение новых работников.

Существовала большая подвижность граней между состоятельным либелларием крестьянского типа, имевшим в держании 2—3 земельных участка и одного-двух массариев или спорадически привлекавшим их себе в помощь, но обязательно принимавшим непосредственное участие в обработке земельного надела, и лицами, относимыми нами к «промежуточному слою». Последние, как правило, не принимали непосредственного участия в производстве (хотя это участие и не исключается) и владели землями, которые обрабатывали 1—5 (чаще 1—3) массария. Это обусловливалось интенсивно продолжавшимся в IX—X вв. процессом феодализации: мобилизацией земельной собственности, опусканием обедневших мелких собственников и возвышением разбогатевших слоев. Между складывавшимися антагонистическими классами зависимого крестьянства и феодалов продолжали существовать многочисленные прослойки.

Либеллярии-негорожане из «промежуточного слоя» гораздо чаще и в большем объеме, чем горожане, были обязаны натуральными повинностями, что особенно показательно для периода VIII—IX вв. Непосредственные держатели, сидевшие на землях этих либеллярнев (а иногда и сами они, если непосредственно обрабатывали один из двух или трех участков), должны были поставить епископу или монастырю (в город или — реже — один из административных центров церковной вотчины в округе) половину произведенного на держании вина, $^1/_3$ или $^1/_4$ урожая зерновых, выполнять разнообразные барщинные работы: на севе и жатве, по посадке и содержанию виноградников, культивации пу-

стоши. Размер барщины обычно фиксировался, но порой величина и характер работ определялись вотчинником или его агентом «по его усмотрению». Как правило, натуральный оброк дополняли денежный чинш (сравнительно небольшой), «дары» (доставка на рождество или пасху барашка либо свиного окорока, домашней птицы и яиц), участие в судебных заседаниях в городской курии епископа или монастыря [70].

С середины IX в. и особенно в X в. обязанности либеллариев-негорожан, принадлежавших к «промежуточному слою», все чаще ограничиваются уплатой небольшого (иногда даже символического — в несколько денариев) денежного чинша и исполнением судебной повинности, т. е. явке непосредственных держателей на судебные заседания в городскую курию епископа или монастыря один или два-три раза в год. Во многих грамотах в качестве одного из главных обязательств либеллария из «промежуточного слоя» выступает, как и раньше, постройка дома для держателей-массариев и привлечение последних на держание. Постоянно говорится об обязанности «улучшения» участка, порой уточняется перечень необходимых с этой целью работ [71].

Когда мы имеем дело с либелларием из «промежуточного слоя», выступавшим в качестве держателя первой руки по отношению к церковной корпорации, но одновременно имевшим собственных массариев, непосредственно обрабатывавших полученное им по либеллярному договору держание, следует помнить, что этот либелларий-«посредник», естественно, взимал с массариев часть прибавочного продукта, полученного с держаний, в свою пользу. Нам неизвестно, чья «доля» — верховного или прямого сеньора была выше для держателей в IX—X вв. Наши подсчеты по более поздним грамотам Лукки XI—XII вв. свидетельствуют о том, что выше была доля непосредственного, прямого сеньора [72].

Грань между собственниками, относимыми нами к «промежуточному типу», и представителями господствующего класса — землевладельцами-феодалами часто была подвижной (особенно между собственниками «промежуточного типа» и разрядами класса феодалов, в конце X—XI в. именовавшимися вальвассорами и вальвассинами) и ее далеко не всегда можно с уверенностью провести именно в городе, где даже феодалы из известных знатных родов подчас владели лишь несколькими домами и небольшими земельными участками, проживая большую часть времени в своем замке в округе, где находились и их основные владения.

Среди горожан Центральной и Северной Италии VIII—X вв. мы встречаем представителей высшей королевской, а позднее императорской администрации, императорских посланцев и герцогов, маркграфов и графов, высших должностных лиц городских ма-

---

[70] HPM. Vol. 13. N 131 (a. 837), 217 (a. 861); DL. Vol. 5, pt. 2. N 429 (a. 819), 437 (a. 820), 705 (a. 853), 948 (a. 886), 1142 (a. 913).

[71] DL. Vol. 5, pt. 2. N 899 (a. 880), 914 (a. 882), 999 (a. 896).

[72] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... С. 42—44.

гистратур: гастальдов, судей, богатых хозяев ремесленных мастерских и купцов, разбогатевших лиц свободных профессий. Еще в VIII в. в грамотах Пистои не раз фигурирует королевский врач Гандоальдо, житель Пистои, основавший монастырь св. Варфоломея (у стен города), в подчинение которому переходят многие монастыри и странноприимные дома в Пистое, Павии и Кассио, учрежденные этим же врачом. Монастырь св. Варфоломея, в свою очередь, передал полученные от Гандоальдо земли в либеллярные держания как непосредственно массариям, так и бенефициариям — церковнослужителям и светским лицам (последние также, очевидно, сажали на эти участки держателей) [73].

Крупные феодалы — графы, маркграфы, гастальды, судьи, купцы имели собственные дома в городе и фактически являлись горожанами, но одновременно им принадлежали дома, замки, многочисленные парцеллы и более крупные земельные комплексы, нередко разбросанные по округам ряда крупных городов. Их земельные владения представляли собой обычно *систему* зависимых держаний, подчиненных господскому двору, центру вотчины, который мог быть и в городе и вблизи него, либо же располагавшихся в округе [74]. Эти феодалы, таким образом, были и городской и не городской знатью в одно и то же время.

Источники сохранили многочисленные свидетельства о дарениях, обменах, покупках и продажах, ростовщических сделках, передачах в либеллярные и эмфитевтические держания господских домов и иных построек, доменияльных земель и держаний как в пределах городских территорий, так и в округе, совершаемых королями и королевскими должностными лицами, горожанами — купцами и ремесленниками, лицами свободных профессий — своим соседям — горожанам, королевским вассалам, торгово-ремесленной городской верхушке, а также светским феодалам, проживавшим за пределами собственно городской территории [75].

[73] RCP. N 5 (a. 726), 10 (a. 767).

[74] Герцог Вуальперто, проживавший в Лукке, покупает за 20 солидов у некоего Лупо Аудоальдо из укрепленного поселения Уффи в Версилии (округа Лукки) дом, земельные владения с сидящими на участках держателями-сервами. См.: CDL. Vol. 1. N 56 (a. 736); ср.: ibid. N 105 (a. 752). Сын покойного герцога Вуальперто Перпрандо, именуемый vir magnificus, продал епископу Лукки домениальные земли и господский дом, а также держательские наделы, на которых сидели массарии и сервы, в Точчано (округ г. Сованы, Гроссето) за 300 золотых солидов. Житель Лукки некий Давид оставляет по завещанию в узуфрукт своей жене Гизераде господский дом в городе, в котором он проживает сам, небольшой сад около дома и пустошь в пригороде Плакуле, а также земли в Разиниано (долина р. Серкьо). Зависимых держателей он завещает освободить, хотя на время жизни жены в услужении у нее остаются пять слуг, освобождение которых должно последовать после ее смерти. См.: CDL. Vol. 2. N 287 (a. 773).

[75] Граф Сиены Винигиз обменивает с горожанами г. Кьюзи, братьями Нордиманно, Прандо, Бернардо и Позо, сыновьями Петроне, дома и земельные владения в имении Стабуорлиано, получив взамен земли в имении Тетипано и Юниано, а также половину леса в Литипиано. См.: Arch. Siena, p. 26 (a. 867). Король Гуго дарит королеве Берте в качест-

В ряде грамот мы встречаем королевских вассалов (чаще всего графов), получавших от королей разного рода дарения, а также фактически иммунитетные привилегии на свои частные владения, и проживавших на этих территориях свободных и сервов, хотя самый термин «иммунитет» не употребляется; речь идет о королевском мундиуме, королевской защите и покровительстве против вмешательства герцога, графа, скульдахия и других королевских должностных лиц. Графы назначались также фогтами отдельных монастырей, где им предоставлялись широкие судебные и административные полномочия [76].

Королевские суды нередко разбирали споры епископов и монастырей с их соседями-графами относительно прав тех и других на земельные владения и зависимых держателей. Решение суда часто было в пользу церковных собственников, в поддержке которых король, очевидно, был больше заинтересован [77].

Особенно часто (возможно, что это обстоятельство объясняется спецификой источников, лучше сохранившихся именно в церковных архивах) встречаются дарения, продажи, обмены земельных владений, а подчас десятин и рент за пределами города, делавшиеся представителями феодальной или феодализирующейся знати в пользу городских церковных учреждений и корпораций (епископств, монастырей, приходских церквей, странноприимных домов) и клириков. Подчас даритель или его жена и дети сохраняли на время своей жизни узуфрукт на подаренное имущество. Иной раз даритель оговаривал в акте дарения-завещания отпуск на свободу сервов и анцилл, реже — освобождение от несвободного состояния колонов. Состав земельных дарений многообразен: это и господский дом и двор со всеми необходимыми хозяйственными постройками, держаниями массариев, колонов и сервов, участками пашни, луга, леса, виноградниками, оливами. Домениальная пашня встречается лишь в виде исключения [78].

ве приданого многочисленные земли, в том числе поместье Пинто в округе Пистои. См.: RCP. N 61 (a. 937).

[76] Графы Леоне и Иоханн назначаются императором Лотарем фогтами монастыря св. Марии Теодоте (Тоскана) с правом распоряжаться имуществом церкви и осуществлять власть над зависимыми людьми «ut ubicumque necessitas postulaverit de rebus vel famuli memoratae Ecclesiae vera fiat inquisitio», привлекая «veraces et idoneas homines» в качестве свидетелей. См.: *Muratori L. A.* Antiquitates. V. P. 277—280 (a. 841).

[77] I placiti. N 120 (a. 910), 132 (a. 923), 136 (a. 935).

[78] Королевский конюший Гизульфо указал в своем завещательном распоряжении, чтобы половина его имущества после его смерти поступила епископу Лоди при условии, что узуфрукт останется у его жены Родоары. См.: CDL. Vol. 2. N 137 (a. 759). Знатный человек (vir magnificus, очевидно, по происхождению римлян, но теперь «legem vivens Gothorum») Ставиле, горожанин Брешии, с согласия своего отца Бениньо продал монастырю св. Спасителя в Брешии за 300 солидов господский дом в имении Альфиано, полученный им по наследству от матери, с тянущими к нему держаниями массариев, сервов и свободных людей с постройками и участками пашни, виноградников, луга, пастбищами и т. п. У держателей сохранялся присущий им социальный статус (servos pro servis, liberos pro liberis...). См.: CDL. Vol. 2. N 228 (a. 769).

Графы и маркграфы, гастальды и судьи, богатые лица свободных профессий, представители знати, титулы которых подчас не указаны, и сами основывали церкви и монастыри (в городе и за его пределами) и дарили этим церковным корпорациям значительные земельные владения, будь то дома в городе и предместье, комплексы держаний массариев и сервов вместе с господским домом в каком-либо одном селении либо отдельные парцеллы, разбросанные по разным районам городской округи, а нередко, владения и того и другого типа одновременно [79].

Основатели церкви или монастыря оставляли за собой право назначать священника и контролировать его деятельность, получать десятину и другие церковные доходы, назначать фогта, осуществлявшего судебные, фискальные и административные функции во владениях церкви и остававшегося зависимым от сеньора лицом, призванным выполнять его волю. «Право частной церкви» ее основателя (Eigenkirchenrecht) в Италии в X—XII вв., как и в Германии, явилось одним из важных объектов спора и столкновений адептов клюнийской реформы с приверженцами и вассалами императора.

Горожане — светские вотчинники (в их числе графы и маркграфы, нотарии и судьи, скабины) выступают в наших источниках не только как собственники земель, сдающие эти земли тем же горожанам или жителям округи по либеллярной грамоте, но и как съемщики на основе тех же либеллярных грамот (обычно от церковного учреждения) большого количества домов, хозяйственных построек, разного рода земель с обрабатывающими эти земли держателями — либеллярнями, массариями, сервами. Объектами держаний либелляриев, феодалов или феодализирующихся вотчинников были система держаний массариев и либелляриев, тянущих к господскому двору (для итальянской вотчины характерно наличие нескольких поместных центров, подчинявшихся обычно главному), господский дом в городе или предместье или же загородном центре имения. Нередко эти либелляриии-вотчинники сдавали полученную по договору недвижимость также на либеллярном праве в субаренду светским или церковным бенефициариям, порой тоже горожанам. Возникала сложная система подчинения и соподчинения в процессе многоступенчатой либеллярной аренды. Между непосредственными держателями-

[79] Теупрандо, горожанин Лукки, делает дарения в пользу церкви св. Михаила Архангела, которую он построил и основал вместе со своей женой Гумпрандой. Среди подаренных земель — господские дома в Сесто (вблизи Лукки) и в Версилии, а также принадлежавшие дарителю права на четверть господского дома, построек, пашенных земель, олив, виноградников в разных селениях округи (вблизи и в отдалении от города). По завещанию жена и дочери в течение своей жизни будут по-прежнему проживать в зданиях, принадлежащих церкви. Пресвитер должен быть обязательно приглашен Гумпрандой или ее дочерьми. Если сыновья перейдут в духовное звание — они будут священниками этой церкви. См.: CDL. Vol. 1. N 178 (a. 764). См. также: DL. Vol. 5. pt. 3. N 1123 (a. 909); CDL. Vol. 2. N 222 (a. 768), 162 (a. 762).

массариями и верховным сеньором-феодалом оказывались два или три либеллярия, среди которых могли быть и крупные вотчинники, и представители низшего разряда класса феодалов, и лица из «промежуточного слоя». Каждый из них претендовал на часть прибавочного продукта крестьянина — непосредственного держателя. Общий объем взиманий с этого держателя в пользу нескольких сеньоров — от прямого до верховного — мог быть довольно значительным, хотя в либеллярных договорах IX—X вв. указывается, как правило, лишь чинш верховному сеньору. Последний же получал обычно (но далеко не всегда) денежный чинш невысоких размеров.

Держатели-либеллярии первой, второй (а подчас и третьей) руки по отношению к верховному сеньору являлись фактическими (а порой и юридическими) вассалами верховного сеньора (в X в. они нередко — капитаны, вальвассины, вальвассоры), а либеллярное держание играло при этом роль бенефиция. По существу подобного типа либеллярный договор был соглашением двух сеньоров или вассала с сеньором. В числе объектов либеллярных держаний светских феодалов от епископа или крупного монастыря могли выступать и монастыри и церкви сравнительно небольшие, подчинявшиеся этим последним. Иной раз по либеллярному договору передавалось право сбора десятины и других доходов в определенных селениях.

Изредка в либеллярный договор включалось даже обязательство военной помощи со стороны вассалов-либелляриев. Либеллярии-феодалы, в том числе и субарендаторы, обладали широкими правами: они могли дарить, обменивать, продавать субдержателям свои держания без всяких ограничений (что и осуществляли в повседневной практике). Запрещение оставлять держание, «ухудшать» участок и не вносить вовремя чинш под угрозой высокого штрафа, во много раз превышавшего размер чинша, для либеллярия-вотчинника, естественно, не представляло сколько-нибудь реального препятствия осуществлению его намерений (в то время как для непосредственного держателя-массария, с которого в конечном итоге эта сумма востребовалась, ее уплата означала существенный урон его хозяйственному благосостоянию) [80].

Очевидно, заключение либеллярного договора феодалами могло преследовать различные цели, в том числе и политические. Не следует сбрасывать со счета и потребность в военной защите и покровительстве со стороны более могущественного сеньора (в том числе и церкви, а последней — со стороны богатых светских сеньоров), особенно нужной в обстановке постоянных войн и столкновений, вражеских нашествий. «Плата» за помощь и защиту была незначительной (величина денежного чинша, как правило, ничтожна).

[80] HPM. Vol. 13. N 279 (a. 878), 469 (a. 916), 535 (a. 930), 749 (a. 973) ecc.

Продажа земель будущему верховному собственнику (например, епископу или крупному монастырю) приносила немалые единовременные суммы. Основная доля ренты по либеллярному договору продолжала поступать чаще всего прямому сеньору (теперь — вассалу и бенефициарию-либеллярию епископа или графа). Таким образом, получение прежней собственности в либеллярные (реже — эмфитевтические) держания фактически нередко означало продолжение владения ею на правах, близких к собственности, теми же бенефициариями-либеллягиями. Именно так расценивали римские папы многочисленные раздачи земель епископом Лукки, когда они категорически запрещали подобные сделки и предписывали сдавать земли в либеллярные держания только непосредственным держателям-земледельцам (laboratores) [81].

Можно ли проследить какую-либо генетическую связь или преемственность формирующейся новой феодальной знати с богатыми позднеримскими посессорами, сохранившими свою власть и влияние в городе VI—VII вв.? Ч. Виоланте считает, что это возможно лишь в очень ограниченном числе случаев. Большая часть господствующего класса — от низших феодалов — «будущих» рыцарей (в эти столетия термин milites почти не употребляется) и кончая высшей городской знатью — продукт синтеза горожан-собственников (в том числе и посессоров) с богатыми представителями ремесленных слоев, городской администрации (судей, нотариев), с церковными должностными лицами.

Показательна в этой связи история старой феодальной фамилии Тривульцио. В 938 г. дочь Ингоне и Ингельтруды Ингецана Тривульцио вышла замуж за горожанина Милана купца Петра, очевидно, с целью поправить имущественное положение семьи. Кристина, дочь кузена Ингецаны, вышла замуж за миланского купца Ардуино, а ее сестра Медженца — за монетчика Зено. В начале XI в. члены семьи Тривульцио именуются полноправными «жителями Милана», купцами и монетчиками [82].

Итак, перед нами прошли участники процесса феодализации в Италии VIII—X вв., принадлежавшие к разным социальным слоям: мелкие свободные собственники и уже впавшие в зависимое состояние (в том числе ремесленники и торговцы, люди «свободных профессий»), держатели — от либеллариев до колонов и даже сервов, лица, которых мы отнесли к «промежуточному слою» (среди них многочисленные представители королевской и городской администрации), и, наконец, светские феодалы или феодализирующаяся знать. При этом мы не абстрагировались, естественно, от тех связей и отношений, которые завязывались у этих социальных групп с духовенством, которому принадлежала важная роль в экономической, социальной и политической жизни итальянского раннесредневекового города и за его пределами.

[81] DL. Vol. 4, pt. 2. N 50 (a. 898).
[82] *Violante C.* La società milanese... P. 150—157.

Епископы располагали высшей административной и судебной властью во многих городах в IX—X вв. Упрочению и укреплению их полномочий служили королевские пожалования, явившиеся, особенно с середины X в., своего рода проекцией на Италию епископальной политики германских императоров.

В результате дарования королем иммунитетных привилегий епископу или аббату монастыря последние получали королевскую защиту и покровительство, освобождались от вмешательства государственных должностных лиц (прежде всего графов), за исключением расследования особо опасных преступлений, совершенных свободными жителями округа, когда преступники доставлялись фогтом на суд графа. Все преступления лично зависимых людей разбирались судом иммуниста. Впрочем, ряд монастырей и епископов уже в начале X в. приобрел всю полноту судебных функций и над лично свободными, проживавшими в округе. Эти функции расширились в результате пожалований епископам и аббатам права строить и заселять крепости (castelli). Административные, судебные и фискальные прерогативы — сбор штрафов и пошлин — переходили непосредственно к епископу или аббату и его агентам — фогтам (часть судебных и иных штрафов должна была поступать в королевскую казну).

В монастырях, основанных членами королевской фамилии и находившихся непосредственно под властью короля как частного сеньора (таких, как Боббио, Нонантола, Фарфа), фогты назначались королем. Церковные владения, бывшие под прямым патронатом короля, как и земли других светских и церковных сеньоров, сдавались в либеллярные и иные долгосрочные держания. Между непосредственным держателем и настоятелем церковного учреждения и здесь нередко были два-три держателя-бенефициария [83].

Жалуя обширные территории — графства и отдельные имения, широкие административно-судебные полномочия, короли и императоры рассчитывали на верность короне епископов и аббатов, на их поддержку в борьбе с непокорными феодалами, не предвидя тех негативных последствий, к которым привело образование этих новых «государств в государстве». Процесс феодализации на

---

[83] Монастырь св. Воскресения в Пьяченце основан императрицей Ангельбергой. Аббатисса монастыря подтверждает либеллярное держание некоему Леоне Бернарди «homo liber». Объект держания — имение Фелине (район Вардесталла) общей площадью 20 югеров (1 югер=7,8 га). Ежегодный оброк состоял из 3-го модия собранной ржи и ячменя, 4-го модия остальных зерновых, $^{1}/_{3}$ полученного вина. Оброк либелларий обязан был доставлять к берегу р. По в Вардесталле, «куда заходят монастырские суда». Спустя 29 лет, по окончании срока договора, либелларий мог оставить держание, захватив с собой половину недвижимости (скот, предметы хозяйственного обихода). Судя по значительным размерам земель, переданных в держание (более 150 га), Лео был лишь посредником, непосредственно земли обрабатывали, очевидно, другие держатели, которые и несли повинности. См.: НРМ. Vol. 13. N 302 (a. 881).

землях церковных корпораций затронул и высшее духовенство: многие епископы и аббаты одновременно обладали графскими титулами, были королевскими вассалами. В процессе расширения иммунитетных прав под властью высших церковных сановников оказывались не только несвободные сервы и массарии или приближавшиеся по своему статусу к ним либеллярии, но и мелкие свободные собственники (немалая часть которых находилась на пороге бедности и утраты своей собственности), проживавшие на территории, попадавшей в орбиту власти церковного учреждения. Правда, частично они еще продолжали находиться под юрисдикцией графа, но это были нередко уже остатки прежней свободы, и не случайно в ряде цитированных нами выше грамот «свободные люди» поставлены в один ряд с зависимыми монастырскими массариями и даже сервами. Процесс феодализации захватывал все новые слои прежних собственников.

Одним из важнейших источников власти и влияния епископов и аббатов монастырей был исключительно быстрый рост их земельных владений и расширение круга и численности зависимого от них населения. Церковным корпорациям, как это было показано выше, поступали многочисленные земли в результате обмена, покупок, залоговых операций и особенно дарений — завещаний как от мелких и средних собственников, так и от знати.

Полученные земли духовенство раздавало большей частью в либеллярные и иные наследственные или долгосрочные держания этим же недавним мелким и средним собственникам (иногда ими же подаренные участки или же наделы, на которых прежде сидели другие держатели). Среди либелляриев церковных учреждений, как это видно из сотен грамот, нередко были и мелкие феодалы-бенефициарии, многочисленные королевские должностные лица, представители «промежуточного слоя» и знати. Нередко либелляриями-бенефициариями выступали клирики разных рангов. Отдельные небольшие церкви и монастыри являлись подчас объектами либеллярных держаний, в том числе и знатных лиц. Последние нередко и сами были основателями церквей и монастырей, назначая их правителей и фогтов. Словом, уже в раннее средневековье в начале феодализации итальянского общества в этом процессе судьбы духовенства и церковных учреждений оказались неразрывно связанными с городом как с социально-экономическим, административно-военным и церковным, а также и ремесленно-торговым центром. Особенности расположения светских вотчин, административно-хозяйственные центры которых находились в городах, куда доставлялись оброки в порядке выполнения держателями транспортных повинностей, в полной мере были присущи и церковным землям.

Рост денежных чиншей уже в середине IX—X вв. наряду со взиманием продуктовых оброков и сокращением барщин был также в полной мере свойствен церковным вотчинам.

Итак, раннесредневековый город в Северной и Центральной Италии характеризовался тесной связью с землей как издавна

проживавших в нем нобильских фамилий, мелких и средних собственников, так и должностных лиц королевства и городской администрации, рядовых ремесленников и торговцев, лиц свободных профессий, городских церковных учреждений и клириков.

Было бы недостаточно при этом лишь констатировать, что подобное явление — только признак «неотделенности» города от деревни. Широкое распространение городского землевладения — характерная черта итальянского города и периода расцвета феодализма, когда в наиболее передовых городах вызревали элементы раннего капитализма, и более поздней эпохи.

Уже в процессе феодализации общества (VIII—X вв.) на землях в городе и пригороде устанавливаются формы зависимости, отличные от тех, которые имели место на территории, более отдаленной от города: небольшой денежный и натуральный чинш, сравнительно легкие барщинные обязательства, хотя в отдельных и близко расположенных к городу районах в силу специфики сельскохозяйственного развития и интенсивных торговых связей с тем же городом имели место и значительные барщинные повинности, главным образом работы на виноградниках.

Со второй половины IX в. и особенно в X—XI вв. бурное развитие раннесредневекового города по пути к зрелому средневековому и самоуправляющейся коммуне оказывало значительное воздействие и на содержание и формы повинностей зависимых держателей в области в целом, но прежде всего на землях горожан и ближайшей городской округи. Получают распространение особого типа либеллярные и иные наследственные держания. Их объекты — небольшие по размерам участки городской земли, на которых располагались дома горожан, ремесленные и торговые помещения, небольшие сады и огороды, виноградники. Земля начинает приобретать здесь особую ценность не только как объект производства сельскохозяйственных культур. Денежный чинш, почти повсеместный в такого рода договорах во второй половине IX и в X—XII вв., как нельзя лучше соответствует типу хозяйства держателей: мизерного размера садик или огород далеко не всегда удовлетворял даже необходимые потребности держателя, основным занятием которого была несельскохозяйственная сфера. Несомненна и постоянная связь с рынком такого типа либеллярия, благо рынок находился относительно неподалеку.

С середины IX в. наблюдается расширение собственных и арендуемых земель в контадо, принадлежавших богатым горожанам, довольно часто — держателям первой руки от их верховных сеньоров — церковных и светских феодалов, высших должностных лиц королевства и города. Богатые горожане, в свою очередь, передавали эти земли в субаренду мелким либеллярием или даже массариям и колонам, которые, со своей стороны, также порой заключали либеллярные договоры, что существенно повышало их социальный статус. Изменяется и содержание либеллярного договора, заключаемого состоятельными горожанами или иногородней знатью. Его объекты, помимо городского дома,

сада, все чаще — земли за пределами собственно городской территории и ближайшей к городу зоны, а денежная рента непосредственных держателей сменяется постепенно (как мы это увидим в следующей главе) натуральной.

В обстановке значительного влияния и власти епископа и графа в раннесредневековом городе, стремившихся удержать в своем подчинении горожан и их верхушку — развивающийся аппарат городской общины, понятно и распространение специфических форм феодальных держаний, таких, как многоступенчатая либеллярная аренда с незначительным денежным чиншем для держателя первой руки, который нередко выступал одновременно (фактически или юридически) в качестве вассала-бенефициария, а либеллярное держание играло роль своего рода бенефиция. Такими вассалами могли быть и должностные лица городской общины, а верховным сеньором — как высшие чины администрации города и королевства, так и епископ, и крупный городской монастырь.

Немалый вес в раннесредневековом городе принадлежал крупным светским феодалам — патронам многочисленных основанных ими самими церквей и монастырей. Они осуществляли вмешательство в дела этих церковных корпораций «по праву частной церкви». Немало церквей и монастырей вместе с принадлежавшим им движимым и недвижимым имуществом раздавалось епископом в либеллярную аренду представителям высшей прослойки горожан, в том числе и должностным лицам королевской администрации.

Таким образом, город в VIII—X вв. не остался в стороне от происходившего в итальянском обществе процесса феодализации как некий «чуждый» этому процессу организм. Он также как бы «феодализировался изнутри». Превращение его в зрелый средневековый город было коренным изменением экономической и социальной природы раннесредневекового города.

Глава вторая

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД РАСЦВЕТА ГОРОДОВ-КОММУН

Исследование феодальных отношений в Северной и Центральной Италии в период зрелого феодализма возможно лишь в тесной взаимосвязи его с историей городов-коммун, так как именно спецификой городского развития были обусловлены главные особенности феодальной эволюции.

Драматические события периода коммун изучены историками, кажется, во всех подробностях. И тем не менее вокруг многих основных проблем продолжаются дискуссии. Означало ли

возникновение коммуны полную и решительную победу пополанов над знатью, ту точку отсчета, откуда происходило все возрастающее по силе и глубине воздействия наступление на феодальных сеньоров контадо, одной из главнейших вех которого было насильственное переселение в город побежденного и усмиренного противника? Но в таком случае непонятно, зачем вскоре понадобилось антимагнатское законодательство. Не закончены споры и вокруг таких важнейших проблем: можно ли считать победы коммун над феодалами победой над феодализмом, означал ли переход земель знати в руки горожан или городской коммуны в целом кардинальные перемены в положении проживавших на этих землях крестьян, освобождение их от феодального угнетения?

Естественно, что в этой связи возникает вопрос об оценке (а вернее переоценке) результатов политики города в сельской округе в отношении как нобилей, так и крестьянства. Правомерно ли утверждать, что коммуна не только охотно принимала сельских жителей в ряды своих сограждан, предоставляя им «режим наибольшего благоприятствования», но и сама содействовала освобождению сотен сервов и колонов своими законодательными постановлениями? И еще один спорный вопрос: справедливо ли предположение о том, что недавно освободившаяся от сеньориального подчинения городская коммуна активно и целеустремленно поддерживала в стремлении к свободе и независимости своего «младшего собрата» — возникавшую сельскую коммуну?

Период возникновения коммун и начала их расцвета, политика города в отношении сельской округи (контадо) интенсивно изучались (и продолжают изучаться) в зарубежной, прежде всего в итальянской, историографии. При этом зачастую высказывались диаметрально противоположные точки зрения. В конце XIX и начале XX в. историки, разделявшие воззрения «экономико-юридической школы» (Р. Каджезе, Г. Сальвемини, Н. Родолико и др.), стремились подчеркнуть «революционизирующую роль» молодой «буржуазии» — пополанов, а само образование коммун представляли как «революционный» акт, «несовместимый с феодализмом», означавший решительное разрушение феодальных порядков. В деятельности городской коммуны, выражавшей, по мнению этих историков, интересы «капиталистической буржуазии, купцов и промышленников», они видели последовательную и решительную борьбу с феодализмом, феодальным дворянством, поддержку и защиту зависимого крестьянства, освобождение которого эти коммуны провозглашали[1]. Р. Каджезе обращал в то же время внимание на тот факт, что «победившая

[1] *Caggese R.* L'alto medio evo. Torino, 1937; *Idem.* Firenze dalla decadenza di Roma al Risorgimento d'Italia. Firenze, 1912. Vol. 1. P. 74 ecc.; *Idem.* Le classi e comuni rurali nel medio evo italiano. Firenze, 1907. Vol. 1. P. X, 265—273 ecc.; *Rodolico N.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905; *Salvemini G.* Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Firenze, 1899 (nuova ed.: 1960).

буржуазия» занялась интенсивной эксплуатацией побежденной сельской округи. Близкие к изложенным взгляды высказывал в своих работах начала XX в. и Дж. Вольпе, подчеркивавший «революционизирующую» силу в политике коммун в контадо, разрушение ими в XI—XII вв. «старого мира» в городе и деревне[2].

Полярно противоположной точки зрения придерживался Н. Оттокар, отрицавший всякие перемены, которые принесло с собой в феодальное общество возникновение коммун. В их истории он видел прежде всего борьбу городской землевладельческой аристократии со своими противниками[3].

Воззрения, разделяемые многими современными историками (Э. Сестан, Дж. Фазоли, Э. Кристиани, сравнительно недавно скончавшийся Дж. Луццатто)[4], можно, пожалуй, охарактеризовать как более умеренную, «срединную» концепцию, в которой тем не менее главный акцент делается на сохранении важной роли и влияния в городе феодальных элементов. Однако при этом названные авторы исходят из трактовки понятия «феодализм» как системы в первую очередь определенных социальных и политических институтов в духе концепций институционально-социальной школы.

Образование коммун, по мнению этих историков, не было революционным актом, так как они создавались по инициативе городской верхушки и других группировок горожан, весьма тесно связанных с феодальным землевладением и по существу не отличавшихся от нобильского сословия. Купеческий элемент, хотя и присутствовал в каждом городе, не оказывал определяющего влияния на коммунальное правление.

Не наступило каких-либо качественных перемен в городе и позднее — на этапе «демократического» правления, несмотря на многочисленные антимагнатские законы, когда в борьбе между нобилями и пополанами победа часто формально была за последними. Немало крупных феодалов, уступив коммуне часть своих судебных и иных прав, сохранили в ней привилегированное положение. Они занимали должности подеста, консулов, викариев и др. С экономической точки зрения так же неправомерно говорить о более или менее полной победе демократии, торжестве дохода от движимости над земельной собственностью. Многочисленные пополанские семьи помещали значительную часть своих капиталов в приобретение земель и в отношениях с зависимыми

---

[2] *Volpe G.* Studi sulle istituzioni comunali a Pisa. Città e contado, consoli e podestà. Secoli XII—XIII. Pisa, 1902 (nuova ed: 1970). P. 37—52, 122—123 ecc. Ср.: *Cassandro G.* Un bilancio storiografico // Forme di potere e struttura sociale in Italia nel Medioevo. Bologna, 1977. P. 153—174.

[3] *Ottokar N.* Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948. P. 69—70.

[4] *Sestan E.* L'Italia medievale. Firenze, 1967. P. 110; *Fasoli G.* Scritti di storia medievale. Bologna, 1974. P. 181—198; *Idem.* Città e feudalità // Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X—XIII s.). Roma, 1980. P. 370—385; *Luzzatto G.* Tramonto e sopravvivenza del feudalesimo nei comuni italiani del Medio evo // Studi medievali. 1962. Fasc. II. P. 411—418.

от них людьми применяли многие методы, которые были присущи прежним феодалам-землевладельцам. Тем самым феодализм не был полностью побежден не только в период происхождения и возникновения коммун, но и в период их полного расцвета. Позже влияние феодальных элементов ослабло, но полностью не прекратилось, а довольно скоро — с середины XIII и в XIV в. и прежде всего в Северной Италии можно наблюдать возвращение к власти феодальных сил в аппарате синьорий. Еще дальше пошел Э. Кристиани, отрицающий не только «ясное различие» между нобилями и пополанами (на примере истории Пизы в XII—XIII вв.), но и самую возможность рассматривать эти социальные группы как слои, которым были присущи особые экономические и социальные интересы. По его выражению, те и другие были лишь «юридическими, но не социальными классами» [5].

Ф. Джонс специфику итальянских городов периода коммун видит в первую очередь в гетерогенности нобилей и ремесленников, «неопределенности» города. Главным источником богатства, по его словам (впрочем, он здесь не оригинален, а лишь следует за В. Зомбартом), и для крупных городов была земля, а не торговля, их главные торговые связи были связями с деревней [6].

Возникновение коммун. Крепости в сельской округе

Новый важный этап в истории Северной и Центральной Италии — возникновение городских коммун, которые чрезвычайно быстро набрали силу и оказали значительное (а в ряде случаев и решающее) влияние на общественное развитие, начался в конце XI столетия. Коммуна возникла не вдруг и не на пустом месте. В недрах раннесредневекового города, как мы видели, в IX—X вв. постепенно, но неуклонно и неукротимо вызревали предшественники основных коммунальных институтов в лице специальных должностных лиц, ведавших многообразными делами, относившимися к сфере городского управления и хозяйства. Расширяло свои функции и становилось все более постоянным органом собрание городских жителей — зародыш будущего генерального совета.

Епископ по-прежнему играл значительную роль в собственно городских делах. В большинстве итальянских городов он не стал сеньором города, эти функции, как и раньше, принадлежали графу. Тем не менее власть и влияние епископа сильно возросли к концу X — середине XI в., особенно благодаря привилегиям, полученным от королей и императоров, в результате которых епископ приобретал совокупность административных, финансовых

[5] *Cristiani E.* Nobiltà e popolo nel comune di Pisa dalle origini del podestariato alla signoria dei Donoratico. Napoli, 1962.

[6] *Jones Ph. J.* Economia e società nell'Italia medievale: la leggenda della borghesia // Storia d'Italia. Annali. Dal feudalesimo al capitalismo. Torino, 1978. Vol. 1. P. 187—374.

прав и привилегий, полноту судебных функций, право учреждения рынка и взимания на нем пошлин и т. п. на территории города и округи («привилегия императорского бана»). Пожалование бана фактически исключало какое-либо вмешательство государственных (императорских, королевских) должностных лиц в дела подвластной епископу территории, причем под власть епископа как феодального сеньора, облеченного своего рода «государственными полномочиями», все в большей степени попадало прежде свободное население этих земель.

Росту влияния епископов, как и других феодальных сеньоров высшего ранга — графов, маркграфов и пр., в большой мере способствовали и пожалования им прав верховенства (а нередко и собственности) над существовавшими, а чаще строившимися укрепленными бургами-крепостями (castelli, castri), во множестве возникавшими в городских округах с середины X в.

Нередко обносил стенами замок и расположенные поблизости поселения крестьян и ремесленников (причем не только находившихся в личнонаследственной зависимости от него) феодальный сеньор. Постройку укрепления могли вести и сами жители, стремясь обезопасить себя и от вражеских нашествий, и от постоянных феодальных междоусобиц ввиду отсутствия сколько-нибудь сильной и представительной государственной власти и ее должностных лиц. Наконец, укрепленные поселения в контадо (borghi franchi) несколько позже, в XII в., во множестве стали воздвигать сами города для создания себе военных и политических опорных пунктов в контадо. Строительство крепостей-замков, которое было широко распространено в X—XI вв. не только в Италии, имело своим результатом ряд неоднозначных последствий. С одной стороны, феодал (чаще всего духовный), получатель бана и господин крепости, которому нередко подчинялись десятки укрепленных поселений, приобретал как иммунитетные права, так и права феодальной собственности на укрепленные поселения. Он имел теперь как бы все «юридические основания» подчинить своей власти и тех мелких свободных собственников, которые оставались еще вне влияния феодальной вотчины, а теперь императорскими дипломами передавались ему в судебно-политическое подчинение.

Епископы часто отчуждали и раздробляли свои права на крепости, продавая и раздаривая их тем же графам и маркграфам. Важным источником власти епископа над крепостью была его собственность на рынки и права присвоения всевозможных таможенных и иных пошлин и сборов[7]. Но в этом явлении была и

[7] RCI. Vol. 1. N 185 (a. 1158), 240 (a. 1196), 244 (a. 1198); DL Vol. 4, pt. 2. App. N 84 (a. 1080), 99 (a. 1121), 134 (a. 1175); Memorie storiche della città di Pistoia. Lucca, 1758. Documenti. P. 32—33; *Fasoli G.* Castelli e signorie rurali // Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo. Spoleto, 1965. P. 531—601; *Rossetti G.* Formazione e caratteri delle signorie di castello e dei poteri territoriali dei vescovi sulle città nella Langobardia del sec. X „ Aevum. 1975. a. XLIX. Fasc. III/IV. P. 241—

другая сторона, которая, быть может, в большей степени проявилась именно в Италии с ее более ранним и интенсивным городским развитием. Дело в том, что само строительство, а затем и существование укрепленных бургов было неразрывно связано с привлечением в них торгово-ремесленного населения, которое не только и, очевидно (судя по источникам), не столько «насильственно» переселялось туда, сколько само стремилось укрыться за стенами крепостей. А усложнение социального состава населения наряду с его количественным ростом способствовало усложнению органов управления, побуждало жителей к борьбе за автономию и, естественно, к освобождению от власти своего феодального сеньора. Не случайно, вероятно, то обстоятельство, что в недалеком будущем (к концу XII в. и в XIII в.) многие из этих бургов приобретали самостоятельность, более полную, чем обычные, неукрепленные, небольшие деревни, и становились нередко сельскими коммунами, а порой и центрами федераций из нескольких десятков коммун. По своей социальной структуре, а подчас и типу экономического развития (роли торговых и ремесленных занятий населения) они оказывались близкими небольшому городу.

В последнее десятилетие во французской историографии (в первую очередь в работах Ж. Дюби, а также и других историков, в том числе и специалистов по истории Италии, например, П. Тубера), а вслед за ней в несколько видоизмененной трактовке и в итальянской историографии распространилась концепция «озамкования» (incastellamento), согласно которой наступление «истинного феодализма», «феодальная революция», происходит в X—XI вв. именно в период и в связи с массовым строительством замков и крепостей, в результате чего под власть сеньоров замков попадают не только лично зависимые от данного сеньора крестьяне, но и прежде свободные люди, которых заставили силой (или они это сделали добровольно) поселиться во вновь построенных крепостях или поблизости от них. По мысли сторонников указанной концепции, распространение на все население крепости суверенных прав, принадлежавших королю и олицетворявшихся в высшей юрисдикции, административном и фискальном верховенстве сеньора, отражало глубинную перестройку всей общественной структуры и было равнозначным феодальной революции, в ходе которой и возник феодальный способ производства. Сеньория бана стала основной ячейкой феодальных общественных отношений.

В советской литературе эта концепция уже подвергалась разбору и критике, в первую очередь на материале истории Франции [8].

309; *Toubert P.* Les structures du Latium médievale. Roma, 1960. P. I—II: Structures féodales et féodalisme... P. 219—313, 413—428, ecc.

[8] *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная революция X—XI вв.? Вопр. истории. 1984. № 1.

В итальянской историографии концепцию, в ряде аспектов близкую к только что описанной нами, разделяет Ч. Виоланте. По мнению Ч. Виоланте, на протяжении IX—XIII вв. в Италии сменилось три типа сеньории. До конца IX в. на севере и в центре страны господствовала «домениальная сеньория» (signoria curtense), с более или менее значительной ролью господского двора и барщинного хозяйства.

С конца IX в. и в X—XI вв. устанавливается господство «территориальной сеньории» или «сеньории бана» (signoria territoriale, signoria banale), в рамках которой происходила — на более высоком уровне — перестройка крупной вотчины, усиление и расширение отношений зависимости. Эта новая сеньория, по мысли Ч. Виоланте, тесно связана с радикальной трансформацией «места обитания», концентрацией крестьянского населения вокруг крепости, переменами социального строя в деревне и стабилизацией ренты, превращавшейся в фиксированную.

На следующей фазе — с середины XII до конца XIII в.— характер и содержание сеньории снова трансформируются: последняя теряет свои качества принудительного и судебного господства и все больше сводится к организации для взимания ренты, которая в свою очередь лишается публичных и личностных признаков, определяясь «обычаем поместья», выполнять который обязан каждый держатель. Судебно-политические функции сосредоточиваются в руках города. В результате кризиса территориальной сеньории возникает новая земельная сеньория (signoria fondiaria) средних и крупных собственников над зависимыми от них крестьянами, в то время как мелкие землевладельцы свободны от всяких сеньориальных обязательств. Заметим при этом, что Ч. Виоланте, как и другие итальянские историки институционально-социального направления, считает необходимым отделять «сельскую сеньорию» (на всех этапах ее развития) от феодализма, феодального строя в собственном смысле слова [9].

Историки-марксисты, естественно, не обходят стороной явление «озамкования», пожалования бана сеньору замка — духовному или светскому — и связанные с этим феноменом социальные и экономические последствия. Мы также показали выше место этого явления в Северной и Средней Италии X—XI вв. В то же время была бы совершенно неоправданной переоценка роли и значимости «озамкования». Речь может идти лишь о некотором видоизменении форм феодальной эксплуатации, росте удельного веса судебно-политических прав сеньора, но никоим образом — о начале «настоящего феодализма». Повторим еще раз, что, на наш взгляд, не менее важным следствием строительства зам-

---

[9] *Violante C.* Introduzione all'edizione italiana // Kotelnikova L. A. Mondo contadino e città in Italia dall' XI al XIV secolo. Bologna, 1975. P. XXV—XXVII; *Idem.* La signoria «territoriale» come quadro delle strutture organizzattive del contado nella Lombardia del sec. XII // Beihefte der Francia. München, 1980. T. 9: Histoire comparé de l'administration (IV—XVIII siècles). P. 333—344.

ков и распространения привилегий бана было явление консолидации зависимого населения, рост его сопротивления сеньориальной эксплуатации, стремлений к приобретению самостоятельности возникавшей ассоциации жителей крепости.

После этого небольшого, но неизбежного, как нам представляется, отступления вернемся к основному сюжету данной главы — становлению городских коммун и влиянию этого фактора на феодальное развитие общества.

Предоставление бана епископу, рост его прав над городской ассоциацией и привилегий в городской округе (чему способствовало и его верховенство над укрепленными бургами) означали не только (и — более того — не столько) рост и укрепление могущества и авторитета самого епископа, но и рост и укрепление общинной организации в городе (как и в крепости) в качестве экономического, социального и политического организма под покровом епископской власти. Количественный рост новых элементов должен был перерасти в качественные изменения, и эти изменения и означали возникновение нового типа городской ассоциации — коммуны, для которой были характерны прежде всего управление городскими делами специально избранными горожанами должностными лицами — консулами и большая роль в решении вопросов городской жизни собрания горожан (различных городских советов: генерального или общего, специального и т. п.). Но переход к консульскому правлению, образование коммуны не были плавным переходом, естественным и безболезненным продолжением и расширением прежней формы правления в лице дворцовых, графских и городских судей, нотариев, прокураторов, экзакторов, скабинов и т. п., хотя и неправомерно было бы именовать возникновение коммун революционным актом в марксистском понимании термина «революционный».

В IX—X вв. горожане вели постоянную то резко обострявшуюся, то несколько затухавшую борьбу прежде всего со своим прямым и непосредственным противником — епископом. Таковыми были заговор пополанов против епископа Модены в 891 г., изгнание туринцами епископа Амолоне в 897—899 гг., конфронтация кремонцев со своим епископом и т. п. В процессе этой борьбы горожане использовали и ослабление императорской власти и могущества отдельных епископов во время спора за инвеституру в XI — начале XII в.

В конце XI—XII в. ассоциация горожан почти повсеместно становится независимой и самостоятельной коммуной. Законодательная власть в коммуне принадлежала собранию горожан, сходившихся перед городским собором. Исполнительные функции, ведение текущих дел были переданы коллегии консулов в количестве до 20 человек от каждого из районов (ворот) города. Впрочем, консулы не сразу приобрели многие права, важные для города, такие, как сбор рыночных пошлин, контроль над рынком и др. Подобные права еще довольно долго продолжали принадлежать епископу.

Утверждение правления консулов в городе обычно и считается началом образования коммуны. Коммуна возникла в Пизе в 1081—1085 гг., в Милане в 1097 г., в Генуе в 1099 г., в Асти в 1095, в Ареццо в 1098 г. Несколько позже, с 1105 г., консулы стали управлять Пистоей, с 1115 г. Луккой, с 1117 г. Бергамо, с 1112—1116 гг. Кремоной. Еще позже утвердился консулат во Флоренции (1138 г.), Болонье (1123 г.), Мантуе (1126 г.), Модене (1135 г.), Вероне (1136 г.), Парме (1149 г.) [10].

Правление консулов, как уже говорилось, возникло не на пустом месте, хотя и не было прямым и непосредственным продолжением того городского устройства, которое существовало в раннее средневековье. Рост активности городского населения, расширение полномочий и круга дел, входивших в компетенцию представителей горожан, как выборных, так и назначенных сеньором, подготовили почву для коммунального управления, но не создали ее автоматически сами по себе.

Из каких социальных слоев населения избирались консулы? Было ли утверждение консулата в конце XI — начале XII в. победой пополанов над феодалами? Нет, на этом этапе о такой победе говорить было еще рано. Да. Представители торгово-ремесленных слоев входили в состав консулов, но дошедшие до нас списки консулов отдельных городов показывают, что преобладали в составе консулов представители средних и мелких феодалов. Так, из 23 миланских консулов в 1130 г. только 5 были горожанами (cives), остальные — капитаны и вальвассоры (capitani et valvassores). На ломбардской ассамблее, собравшейся в 1117 г. в Милане, одну трибуну занимали архиепископ, епископы и аббаты, другую — консулы и юристы, а вокруг находилось «неисчислимое множество клириков и светских лиц». Эта ассамблея как бы символизировала единение миланского консулата с властью архиепископа, что было неслучайным, так как архиепископ и другие духовные лица были тесно связаны со своими вассалами из феодалов разных рангов, да и сами большей частью происходили из рыцарства [11]. Причем если в Милане в процессе столкновений с архиепископом в XI—XII вв. произошло более или менее четкое размежевание сил крупной знати и мелких и средних рыцарей, выступавших во главе городского населения, то в других городах в эти столетия это деление было еще менее заметным. В Пизе и Генуе, ведших активную морскую торговлю, в ней были заняты все слои населения — от аристократии (среди доходов которой немалое место занимали поступления крестьянских оброков с принадлежавших ей земель) и ее военной свиты, тесно связанных с епископом и виконтом города, до мелких поссессоров и бедных слоев горожан.

---

[10] *Fasoli G.* Dalla civitas al comune nell'Italia settentrionale. Bologna. 1969. P. 142—176.

[11] *Tabacco G.* La storia politica e sociale. Dal tramonto dell'Impero alle prime formazioni di Stati regionali // Storia d'Italia. Torino, 1974. Vol. 2. P. 145—150.

В Генуе и в Пизе, как и в Милане, ясно выступают сближение и слияние купеческих и рыцарских семей, из которых и рекрутируются консулы.

Борьба с феодальными сеньорами округи и ее результаты

Одной из первых важнейших акций молодой городской коммуны было ее активное наступление на феодалов округи, ее реальных и постоянных врагов. Вот несколько эпизодов борьбы г. Лукки, и описанных в хронике Птоломея Луккского. В 1128 г. был разрушен замок Буинно и осажден замок Агинольфо, расположенный в Монтиньозо на важном торговом пути — «дороге франков». К 70-м годам XIII в. после ожесточенной борьбы замок перешел под власть Лукки. В 1136 г. лукканцы разрушили крепость Фучеккьо, в 1170 — Бранкальяна, в 1173 г. была занята крепость Кьоро — резиденция феодалов из рода Соффрединга. Феодалы из рода Корвария не раз выступали против городской коммуны. Несмотря на то что в 1142 г. виконты Угиччо и Вельтер передали в полное распоряжение консулов Лукки половину родового замка Корвария, через 27 лет тот же Вельтер с другими сеньорами поднял восстание против города. Однако победу одержали лукканцы и сожгли бург. На этом борьба не прекратилась. В 1254 г. горожане заняли и разрушили ряд замков, принадлежавших феодальным фамилиям Корвария и Валеккья. В 1255 г. подеста Лукки заставил построить на месте крепости Версилия два бурга и заселил их крестьянами из родовых владений этих сеньоров, освободив крестьян от всякого подчинения нобилям [12].

Побежденные коммуной и признавшие ее верховенство феодалы должны были приносить присягу на верность коммуне, передавали ей свои земельные владения (обычно $^1/_2$ или $^1/_3$), обещали городу помощь в случае военных действий, а от лица проживавшего в их бургах зависимого населения обязывались ежегодно уплачивать коммуне установленные денежные (а частично и натуральные) взносы. Порой клятву приносили сами жители бургов. Как правило, феодалы принимали городское гражданство и давали обещание проживать в городе не менее трех месяцев в году (иногда этот срок сокращался до месяца).

Победа городской коммуны над феодалами округи, в собственности или под верховной властью которых были укрепленные бурги (в них обычно располагались и замки-башни феодалов), несомненно способствовала укреплению самостоятельности ассоциации жителей этого бурга, была важным шагом на пути превращения этой общины в сельскую коммуну. Однако, освобождая жителей бурга от власти прежнего феодального сеньора, город старался «не упустить» из рук эти новые самостоятельные политические силы, подчинить их теперь уже своему верховен-

[12] DI. Vol. 6. Tholomei lucensis annales. P. 49—69.

ству, хотя он и признавал независимость и самоуправление этой сельской ассоциации.

В многочисленных дошедших до нас документах, содержащих клятвы городу побежденных феодалов, обычно говорится о передаче под верховенство города ранее принадлежавших феодалу укрепленных бургов. Приведем несколько документов такого рода. Граф Альберт вместе со своими сыновьями Гвидо и Маджинардо и женой Тавернариа подарил Флоренции право верховенства над частью бургов Чертальдо, Колле и Семифонте, обязуясь выступать на стороне Флоренции во всех войнах и ежегодно проживать один месяц в городе. Он обещал передавать городу половину поимущественного налога, который поступал ему с жителей этих бургов и других его земель, расположенных между реками Арно и Эльса. Городской коммуне переходили те же права на крепости, деревни и земельные владения, которые принадлежали графу [13]. Альберт отказывался от взимания торговых пошлин с купцов или горожан Флоренции, которые будут проезжать по его владениям. Граф дал обязательство не восстанавливать разрушенный бург Поньо, не строить новых укрепленных бургов и не заселять их людьми без разрешения городской коммуны. Бург Чертальдо, хотя частично и находился под властью Альберта, уже был коммуной со своими консулами. В 1198 г. его жители принесли присягу Флоренции и обещали оказывать ей поддержку во время военных действий, равно как и в мирное время. Они обязывались также защищать владения горожан на территории Чертальдо, выполнять все предписания городских консулов и уплачивать ежегодно в городскую кассу 2 серебряных лиры и 50 ф. воска на нужды кафедрального собора города [14].

В конце XII в. клятву Флоренции принесли многие другие объединения жителей, проживавших в укрепленных поселениях. Жители Эмполи поклялись «защищать и помогать всем жителям Флоренции и ее предместий по мере своих сил». В случае военных действий они обещали выставить в течение восьми дней войско на стороне города. В знак признания своей зависимости жители Эмполи должны были ежегодно уплачивать Флоренции 50 лир серебром и 50 ф. воска, а уже через месяц после присяги были обязаны внести 100 лир и 100 солидов [15]. Примерно на тех же условиях приносили присягу Флоренции жители Колле, Мартиньяно, Поньо, Мангоне, Треббьо и многие другие [16]. Коммуна Фильине обещала военную помощь, обязывалась платить городу ежегодно с каждого очага по 26 денариев. Консулы Фильине обещали предоставлять городу половину рыночных сборов [17]. Особо подчеркивалось верховенство Флоренции во всех делах

[13] «Cum omni iure et actione nobis in predictis terris, castellis, villis et possessionibus» (DAC. № 16. a. 1184).
[14] Ibid., № 16, 17, 19, 26, 29 (a. 1184—1200).
[15] Ibid. № 12 (a. 1182).
[16] Ibid. № 1—2. (a. 1138), 8 (a. 1174), 13 (a. 1182), 15 (a. 1184), 20 (a. 1193).
[17] Ibid. № 23, 24—25 (a. 1198).

коммуны. Сеньор бурга Капрайя граф Гвидо Боргоньоне принес присягу вместе с другими жителями, торжественно передав консулам Флоренции башню бурга. Обязанности жителей крепости сходны с таковыми жителей других сельских коммун. Ежегодные взносы с очага, от которых освобождались рыцари, как и в Фильине,— 26 денариев. Флоренция, в свою очередь, обещала оказывать защиту и покровительство графу Гвидо и жителям Капрайи и не разрушать замок с башней [18].

В 1168 г. консул Кремоны от имени 19 городов Ломбардской лиги установил объем обязанностей жителей общины Курвиако в пользу горожан Реджо. Город мог требовать от них, как и повсюду, несения военной службы, выполнения работ по проведению оросительных и мелиоративных каналов, а также других повинностей, которыми были обязаны зависимые люди горожан Реджо. Вместе с тем над жителями Курвиако сохранялась судебная власть феодалов, запрещалось переселяться в Реджо крестьянам, не уплатившим причитавшихся с них чиншей [19].

Урбанизированные, но далеко еще не побежденные феодалы воздвигали в городе дома-крепости, нередко объединялись в сообщества — консортерии, возглавлявшиеся консулами и пользовавшиеся особыми правами внутри города. Из статутов конца XII в. консортерии, которая объединяла феодальные фамилии Лукки — Корболани, Дель Вельо, Черлотти, можно заключить, что феодалам принадлежали дома и земельные участки в трех районах города, а башня Дель Вельо возвышалась в самом центре. Эта консортерия приобрела такой вес и влияние, что во время волнений в городе консорты сами решали, поддерживать им горожан либо же встать на сторону кого-либо из своих знатных друзей [20].

Откуда феодальные фамилии черпали силу и поддержку, если повсюду города с большим или меньшим упорством и успехом вели наступление на феодальные замки, добивались подчинения сеньоров коммуне, отбирали у них (или заставляли их дарить либо продавать коммуне) немалые земельные владения?

Причина кроется прежде всего в специфике статуса господствующих слоев итальянского города, так же как и его округи. Уже отмечалось, что еще в раннее средневековье в процессе складывания феодальных отношений феодалами-землевладельцами становились служилая и военная знать завоевателей, а также торгово-ремесленные слои и представители городской администрации. В период расцвета городов-коммун слой пополанов несомненно вырос, но его связь с землевладением не только не прервалась, но и упрочилась, особенно по мере завоевания городом контадо: большая часть земель передавалась консулами в держания и продавалась нередко тем же горожанам. Последние

---

[18] Ibid. N 53—54 (a. 1204).
[19] AM. N 67 (a. 1168).
[20] ABAL. T. 24. P. 471—487.

и сами активно участвовали в купле-продаже земель и вступали в деловые связи с представителями феодальных фамилий. Так, в конце XIII в. во Флоренции из 72 семей грандов 33 были связаны с компаниями Барди, Моцци, Скали, Фрескобальди и сами возглавляли банковские и торгово-промышленные компании. Не случайно, согласно поправке 1295 г. к «Установлениям справедливости» 1293 г., гранды, имена которых не были внесены в списки лиц, подлежавших изгнанию и ограничениям, могли рассчитывать на получение политических прав, став членами цеха. С 1286 по 1338 г. Перуцци заключили 111 сделок по закупке земельных участков и целых имений, в том числе поместий Барончелли за 1487 лир, Кьярмонтези за 5 тыс. лир, Моцци за 8859 лир и др.[21] О принадлежности горожанам Лукки, Флоренции, Сиены, Милана, Вольтерры, Пизы и многих других городов земель на территории города и в контадо свидетельствуют тысячи либеллярных грамот, актов продаж и покупок, дарений и обменов земель. Понятно теперь, почему среди миланских консулов в 30-х годах XII в. «собственно горожане» составляли лишь немногим более $^{1}/_{5}$ их числа. В конце XII — начале XIII в. во Флоренции консулы были, как правило, из рода могущественных нобилей Уберти, а одним из первых подеста Флоренции в конце XII в. был граф Родольфо Капрайя[22].

Пополанская коммуна. Антимагнатское законодательство

В результате завоевательной политики в XII—XIII вв. многие итальянские города подчинили своей власти и влиянию как непосредственно примыкавшую к городу территорию, так и более обширную округу, порой простиравшуюся в радиусе 10—20 км от города-метрополии. В орбиту власти города входили сельские поселения, десятки крепостей, а иногда и мелкие города.

При отсутствии в Северной и Средней Италии централизованного государства в XI—XIII вв. его функции выполнял каждый сколько-нибудь крупный город-коммуна, а это требовало усложнения городской администрации. Коллегия консулов изжила себя. На ее место пришел подеста, возглавлявший генеральный и специальный советы города. Подеста был обычно выходцем из дворянской среды (для него было обязательным рыцарское звание), но он должен был быть жителем другого города. Вместе с ним в тот город, где проходило его правление, приходили судьи и нотарии, его вооруженная свита. «Чужеземное» происхождение подеста должно было гарантировать ему своего рода независимость от местных партий и группировок. Однако укрепление экономических и социальных позиций пополанства становилось все

[21] *Рутенбург В. И.* Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959. С. 172—173.
[22] АМ. N 3 (a. 1130); *Caggese R.* Firenze dalla decadenza di Roma... P. 235—237.

более несовместимым с недостаточным, по понятиям пополанов, привлечением их представителей к управлению. «Выходом» оказалось создание «малой коммуны». Наряду с генеральным и специальным советами, объединявшими пополанов и нобилей, были созданы пополанские советы, а рядом с подеста появился другой правитель города — капитан народа. Особые статуты регламентировали права и обязанности этих обоих правителей (сравни, например, во Флоренции «Статуты подеста» и «Статуты капитана народа» в 1322—1325 гг.).

Образование «малой коммуны» произошло почти повсеместно в середине XIII в. (во Флоренции, Лукке, Орвието в 1250 г., Сиене и Вольтерре в 1253 г., в Пизе в 1254 г., Болонье в 1255—1256 гг. и т. д.). Но и создание «малой коммуны» вовсе не означало устранения в городе с политической сцены нобилей и рыцарей, особенно тех, кто так или иначе участвовал в деловой жизни города — магнатов.

Впрочем, в XII—XIII вв. (как в значительной мере и позже) какого-либо четкого социального содержания в термин «магнат» не вкладывалось. К этой группировке относили выходцев из фамилий, издавна проживавших в городе и принадлежавших к господствовавшим в нем слоям, владевших землями и крепостями в округе (среди них были и недавно переселившиеся в город нобили). Вместе с тем к магнатам подчас причисляли и богатых купцов и ремесленных мастеров, также получивших доступ к вершению судеб коммуны.

Антимагнатское законодательство городов-коммун явилось своего рода продолжением их борьбы против феодальных сеньоров контадо. Только теперь эта борьба была как бы «перенесена» на улицы города (что не исключало и перманентно продолжавшихся вооруженных столкновений в округе с непокорившимися нобилями). Законы против магнатов ставили своей целью ограничение или исключение магнатов из органов управления городом, ряд дискриминационных мер против них в судебно-финансовой области, предотвращение угрозы их совместного выступления с отдельными враждующими группировками пополанов и т. д.

Антимагнатское законодательство не случайно совпало с борьбой горожан за истинно «пополанскую» комуну (пожалуй, не будет преувеличением сказать, что оно было неотделимо от нее), поскольку, как уже отмечалось, конституировавшиеся в конце XI — середине XII в. коммуны в большинстве своем управлялись представителями ограниченного круга фамилий, издавна проживавших в городе и принадлежавших к виконтам и вальвассорам, богатым земельным собственникам, крупным купцам и ростовщикам-банкирам, занимавшим в коммуне все главные должности. Представители цехов и широких слоев горожан стремились завоевать равные (по меньшей мере) права в управлении коммуной, требовали более справедливого распределения налогов, участия в судебных органах, в обсуждении и вынесении постановлений по вопросам продовольственной политики (особенно

снабжения зерном). Это последнее в немалой степени зависело от позиции магнатов (как правило, в те столетия собственников большей части земель в контадо).

Каким же оно было, антимагнатское законодательство, в коммунах Венето и Эмилии, Тосканы и Умбрии?

В Падуе в 60—70-х годах XIII в. городскими постановлениями пополанам запрещалось находиться у дома магнатов и тем более «среди них» во время волнений в городе. Пополанам не разрешалось принимать феоды от магнатов. Магнаты не могли быть адвокатами и прокураторами. Строго ограничивалось количество оружия, которое дозволялось магнату иметь в доме. Однако ... все эти постановления касались тех магнатов, которые не принадлежали к «Сообществу народа». Магнаты допускались в Падуе и на городские должности, если добросовестно выполняли обязанности членов коммуны [23].

В Кремоне первые столкновения магнатов и пополанов относятся к 1174 г., в 1209 г. представители пополанов, войдя в состав городского совета, потребовали равного распределения налогов. В 1270 г. установилась власть пополанов, которая вначале не лишала магнатов доступа к власти, но в 1311—1313 гг. действия пополанского правительства стали более решительными, магнаты теперь не допускались к занятию ответственных постов (статут 1313 г. допускал к избранию на должность судебного исполнителя только пополана, принадлежавшего к гвельфской партии и «приписанного к какому-либо цеху в течение не менее 5 лет») [24].

Однако в большей части Ломбардии, в том числе в Милане, противоречия между пополанами и магнатами не были, очевидно, столь значительными, чтобы потребовались особые антимагнатские законы, а пополанам не удалось в течение длительного срока сохранить господствующее положение. Не случайно синьории раньше всего возникли именно в Северной Италии.

Болонья начала издавать антимагнатские постановления с 70-х годов XIII в. Среди них наиболее известны «Священные установления» 1282—1292 гг. Несколько забегая вперед, заметим, что 1256 и 1282—1283 гг. — знаменательные даты в истории Болоньи, когда коммуна, стремясь ослабить враждебных ей магнатов и феодальных сеньоров, издала постановления об освобождении сервов и колонов, принадлежавших этим последним, причем выкупную сумму господам сервов и колонов выплачивал сам город. Как видим, мотивы этих постановлений не в последнюю очередь были политическими.

«Установления» строго наказывали магнатов, нанесших оскорбление пополану или ущерб его имуществу. Виллам в контадо предписывалось не избирать на должность ректоров лиц, не происходивших из данной виллы и тем более магнатов. Были анну-

---

[23] *Fasoli G.* Ricerche sulla legislazione antimagnatizia nei comuni dell'alta e media Italia. Bologna, 1939. P. 13, 89—90.

[24] Ibid. P. 15; Ap. P. 91—92.

лированы все контракты, заключенные между магнатами и крестьянами, согласно которым последние обязывались личными или поземельными повинностями в пользу магнатов. Среди направленных против магнатов постановлений имеются и такие, согласно которым какое-либо обязательство пополана в отношении магната, данное с 1271 г. и позже, считается недействительным, если таковым будет желание пополана, причем возмещение ущерба падает на магната, а если он откажется подчиниться, то должен быть изгнан, его дома — разрушены, а сумма ущерба, причиненного пополану, возмещена из части имущества магната. Специально оговаривались строгие санкции против бежавших из города и против оставшихся в городе членов клана Ламбертацци, придерживавшихся гибеллинской ориентации [25].

В Прато первый капитан народа упоминается в 1240 г., в 1250 г. мы узнаем об анцианах, выбиравшихся из среды пополанов, но участию широких масс горожан в управлении были возведены препятствия после победы гибеллинов в битве при Монтаперти (1260 г.), в которой участвовали гвельфы и пополаны Прато. Впрочем, последующая битва при Беневенто и упадок императорской власти снова обусловили верховенство пополанов. В 1280 г. вновь была учреждена должность капитан народа. «Священными установлениями», в которых чувствуется влияние болонских законов, было ограничено ношение оружия магнатами (пополаны имели на это неограниченное право), как и их право занимать государственные должности [26].

Для защиты интересов горожан и соблюдения порядка было организовано четыре «Вооруженных сообщества».

В Лукке первое сообщество пополанов («Общество согласия пешеходов») появилось в 1197 г. Его организаторы — Родольфо Вивиани и Лотто Кьятри. В 1203 г. магнаты были изгнаны из города. Однако вскоре они были допущены к управлению городом, в котором продолжали принимать участие (сохраняя свою особую организацию — «Общество рыцарей или шпажистов») и после издания статутов 1308 г., хотя и были исключены из «Городской книги» наряду с духовными лицами. Жирный народ, богатые купцы-шелковщики, господствовавшие на итальянских рынках, по своей социальной природе имели много общего с магнатами, чем и объясняется непоследовательность антимагнатских акций в Лукке [27].

В Сиене пополаны принимали участие в управлении уже в 1208 г., хотя еще в ограниченных масштабах. Существовали и их «Вооруженные сообщества». В 1253 г. избирается первый капитан народа. В 1271 г. вместо правительства 24-х учреждается магистратура 36-ти — детище жирного народа, купцов и менял.

[25] Ibid. P. 27—28; Ap. P. 102—103.
[26] Ibid. P. 31—32; Ap. P. 105.
[27] DL. Vol. 3. Pt. 3. P. 81; *Fasoli G.* Ricerche sulla legislazione... P. 32—33; Ap. P. 105.

Антимагнатские законы 1310 г. сходны с другими тосканскими постановлениями [28].

Во Флоренции столкновения магнатов и пополанов восходят к 1193 г. Анциан и капитан народа появились тем не менее только в 1250 г. и в течение 10 лет пополаны, объединенные в «Вооруженное сообщество», были широко представлены в правительстве (приорат Джано делла Белла). Однако победа гибеллинов при Монтаперти означала конец режима «первого народа», или «старого народа», и только в 1266 г., после гвельфской победы при Беневенто, пополаны снова стали управлять городом, но базой их было уже не «Вооруженное сообщество», а организованные по военному образцу цехи.

В 1282 г. власть концентрируется в руках приоров, представителей цехов. С 1281 г. начинаются первые антимагнатские постановления, которые ужесточаются в 1284, 1286, 1289 гг. Кульминацией их становятся «Установления справедливости» 1293 г. В последних вводятся суровые кары против магнатов, нанесших обиду и ущерб пополанам. Магнатам запрещалось приобретать права на недвижимость пополанов, ограничивалась возможность приобретения даже конфискованных у преступника-пополана владений и т. п.[29]

Изданные два года спустя «Установления справедливости» 1295 г. оставались в силе во время господства белых и черных гвельфов. Пополанам запрещалось нахождение у дома магнатов в тот момент, когда гонфалоньер отбирал имущество у виновного или же во время мятежа. Магнаты исключались из совета 100, специального и генерального, совета капитана и консулов цехов. Но «Дополнения» разрешали магнату, вступившему в цех, занимать городские должности.

Новое усиление власти пополанов наступило в начале XIV в. с учреждением должности исполнителя «Установлений», который должен был принимать меры против магнатов, нанесших обиду пополанам. К «Установлениям» не раз обращаются и статуты 1322—1325 гг. Отмененные в 1342 г. с приходом к власти герцога Афинского, они были вновь объявлены имеющими силу после его изгнания, в 1378 г. чомпи восстановили их после двух десятков лет забвения; их нормы можно встретить в статуте 1415 г.[30]

Как видим, антимагнатские постановления, которые выносило большинство городов Северной и Центральной Италии, были продолжением стремлений пополанов достичь и укрепить свое политическое господство и ослабить своего противника, в том числе и внутри города, принизив его социальный статус и воспользо-

---

[28] *Caggese R.* La repubblica di Siena e il suo contado nel sec. XIII // Bullettino senese di storia patria. 1906. P. 95—100.

[29] *Bonaini F.* Ordinamenta di giustizia // ASI. Nuova serie. Vol. 1. P. 37—51; *Davidsohn R.* Geschichte von Florenz. B., 1896. Bd. 1. S. 58—59.

[30] *Fasoli G.* Ricerche sulla legislazione... P. 36—37; Ap. P. 111—112.

вавшись хотя бы частью его имущества (в результате конфискаций в качестве штрафов).

Эти стремления, однако, на практике реализовывались далеко не полностью, о чем свидетельствуют и факты участия магнатов в тех или иных органах городского управления, и осуществлявшиеся постоянно земельные и иные сделки между пополанами и магнатами, объектами которых нередко была недвижимость.

Рост городского населения. Налоговая и продовольственная политика города

На протяжении XII—XIII вв. городское население росло исключительно быстро. Приводимые в работах итальянских, немецких, американских демографов и историков цифры носят, разумеется, приблизительный характер, что обусловлено спецификой средневековых источников (чаще всего это данные налоговых описей — эстимо, кадастров). И тем не менее общая тенденция значительного роста населения городов не подлежит сомнению. Так, на протяжении XIII в. население Флоренции выросло в 6 раз (площадь города — почти в 8 раз). Число жителей Сиены увеличилось в 4—5 раз, хотя площадь города не изменилась. Городские стены Пизы также не давали возможности значительно расширить территорию города, но тем не менее его население в течение столетия выросло в 2—3 раза. Высок был уровень урбанизации Тосканы. Если в начале XIII в. в ее городах проживало 10,8% населения, то к концу века — уже 26,3%, в дистретто Флоренции в городах насчитывалось более 40% всех жителей. К началу XIV в. число горожан Флоренции составляло примерно 95 тыс. человек, а вместе с контадо 120 тыс. В Палермо жили 100 тыс. человек, в Неаполе — 50 тыс. (по другим данным 100 тыс.). В Милане в конце XIII в. население достигало 100 тыс. человек (по другим данным 200 тыс., а вместе с контадо 500 тыс.).

По своей численности население многих итальянских городов превосходило число жителей крупных городов ряда других стран Европы. В Кельне, например, проживало 40 тыс. человек, в Брюсселе — 30 тыс., в Брюгге — 50 тыс. Процент же городского населения в тех же областях не поднимался выше 20—25%, за исключением провинции Брабант, где в городах проживала 1/3 жителей провинции [31].

---

[31] *Ennen E.* Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1975; *Beloch K. J.* Bevölkerungsgeschichte Italiens. Berlin; Leipzig, 1940. Bd. 3. S. 184—187, 198, 210, 237; *Russel J. C.* Thirteenth Century Tuscany as a Reem // Taius. 1968. Vol. 1. P. 42—58; *Idem.* Late Ancient and Medieval Population. Philadelphia, 1958. P. 72; *Fiumi E.* Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // ASI. 1957—1959. A. CXV—CXVII. D. 4. P. 385—439, 443—510, 427—502; *Belletini A.* La popolazione italiana dall'inizio dell'era volgare ai giorni nostri // Storia d'Italia. Torino, 1972. Vol. 5. P. 504 ecc.

Образование города-государства привело к усложнению городской администрации и расширению административно-финансового и судебного аппарата коммуны. Сам факт существования нового политического образования, политического господства города над деревней обусловил в то же время огромные возможности воздействия города на деревню и претворение этих возможностей в конкретной действительности. Как уже говорилось, в результате насильственных акций города, а также дарений, продаж, разного рода кредитных сделок в собственность самой городской коммуны, а также отдельных пополанов перешла в XI—XIII вв. немалая часть земель окрестных феодалов, которые подчас передавали городу целые крепости с проживавшими в них зависимыми людьми, с пахотными землями, лесами, реками, пастбищами. Крестьяне, новые подданные коммун, теперь уже арендаторы и держатели ее земель, были освобождены от наиболее тягостных форм зависимости; вместо многочисленных прежних феодальных платежей наряду с мелкими свободными собственниками, проживавшими в контадо, они были обязаны платить городу налоги — поочаговый (per foco) или поимущественный (per libra), а с середины XII в. нередко тот и другой. В XIV в. налоговые платежи взимались по системе эстимо (см. ч. II, гл. 1 настоящей монографии). Как и другие городские жители, новые подданные города порой именовались также «горожанами». Подданство городу не означало уничтожения феодального подчинения крестьян-держателей. Их зависимость приобрела характер государственно-корпоративного подчинения, которое влекло за собой обычно уплату сравнительно небольших натуральных или денежных (либо же смешанных) чиншей взамен прежних, шедших графу или другому сеньору[32]. Что же касается мелких свободных собственников, сохранявшихся также в городской округе, то их зависимость, «как и других горожан», ограничивалась внесением налоговых платежей. Уплата последних производилась через посредство должностных лиц сельских коммун, которые несли за это коллективную ответственность (были, как мы видели выше, и специальные, «коллективные» платежи коммуны городу).

В Северной и Центральной Италии того времени крестьяне находились с городом в постоянных и тесных связях. Прежде всего это касалось их участия в торговле на городском рынке. Предметами этой торговли являлись продукты повседневного спроса — зерновые, оливковое масло, вино, мясо, овощи и фрукты.

Источники содержат разнообразные сведения как о продаже на городских рынках сельскохозяйственных продуктов отдельными крестьянами (подчас по этой причине они не уплачивали в

[32] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967. С. 46—50; 83—90; 96—98.

установленные сроки свои оброки)[33], так и особо соблюдать ных регламентированных поставках в город определ... ти для дуктов сельскими коммунами контадо[34].

Проблема снабжения городов Италии продовольствием и прежде всего хлебом находилась в центре внимания городских властей. Она стала особенно острой в XIII и еще более в XIV—XV вв. в силу быстрого роста городского населения, а также в результате недостаточной возможности обеспечить горожан продовольствием, что было связано со спецификой агрикультуры центральных и северных областей. Природные условия в большинстве районов (за исключением равнин Ломбардии и Тосканской Мареммы) были малопригодны для выращивания зерновых, урожайность которых оставалась сравнительно невысокой: в среднем от сам-3 до сам-6. В то же время почвенно-климатические условия благоприятствовали разведению виноградников, культивированию технических культур (льна, конопли, красящих растений), оливковых и плодовых деревьев, что стимулировалось возможностью их выгодной реализации на городских рынках (коммуны не устанавливали обычно фиксированных цен на эти товары). Сокращение посевов зерновых совпало с замедлением в середине XIII в. процесса внутренней колонизации, хотя она и не прекратилась вовсе, переместившись в холмистые районы и предгорья, где на вновь возделанных землях опять-таки в первую очередь выращивались (и могли выращиваться) специализированные культуры.

Понятно поэтому то внимание, которое уделяли городские власти хлебной и продовольственной политике города на всем протяжении средневековья. Эта политика непосредственно затра-

---

[33] В 1271 г. подеста Прато жалуется в городскую курию на арендатора, который без его разрешения продавал в городе зерно. Каноники Лукки в городской курии требовали от либеллариев, задолжавших взнос чинша, чтобы они им сообщали, на какую сумму продают зерно в городе. См.: ASI. 1931. Vol. XV. Pt. 2. P. 261—265; RCI. Vol. 9. N 1520 (a. 1184).

[34] «Книга Монтаперти», составленная в 1260 г., содержит перечень сельских коммун флорентийского контадо с указанием количества пшеницы, которое каждая из них должна была поставить городскому войску в период его пребывания в Монтальчино и подготовки к сражению с Сиеной. Часть продовольствия городом закупалась у жителей сельских коммун. В «Книге рынка» перечисляются имена жителей округи, которые также должны были привозить на рынок в Монтальчино пшеницу, ячмень, полбу, вино, сено. Подчас доставка продуктов поручалась крестьянами купцам. Мы встречаем и случаи противодействия городским требованиям со стороны сельских коммун. См.: DI. Vol. 9. Firenze, 1899.

Сиенская коммуна в 1226 г. предписывала сельским коммунам Ашано и Кьюзуре продать все зерно в городе и не вывозить его за пределы контадо. См.: *Bizzarri D.* Imbreviature notarili communis Senarum 1221—1223. Torino, 1934. Vol. 1—2. P. 96—97. Статут Сиены 1262 г. обязывал сельские коммуны дистретто не чинить каких-либо препятствий всем тем, кто захочет вывезти с территории коммуны зерно или какие-либо другие продукты в город. См.: Il costituto del comune di Siena dell'anno 1262/Ed. L. Zdekauer. Milano, 1897. D. 4. Rubr. 45.

Образоваъянство. Источники снабжения города продовольствиской адм разнообразны: оно поступало в качестве натуральных налоговых платежей с жителей города и контадо, с сельских коммун; а также в виде натуральных оброков землевладельцам-горожанам (кстати, натуральные ренты уже в XII в. составляли значительную часть всех рент, а в XIII—XIV вв. преобладали среди других видов крестьянских повинностей) и городской коммуне как коллективному сеньору, сдававшей в аренду земли. Важным источником снабжения городского населения оставался рынок, и поэтому наряду с налогами он привлекал пристальное внимание городских правителей.

В торговые соглашения, которые в XIII в. Флоренция заключала с другими городами, а также сельскими коммунами дистретто, почти всегда включались пункты об условиях покупки и продажи продуктов питания, запрещении его вывоза из округи, уменьшении или отмене торговых пошлин на эти товары (ср. соглашение с Перуджей, Пизой, Ареццо и др.). Городок Сан Джиминьяно, ввозивший зерно из Пизы, Пеши и других мест, был вынужден разрешить вывозить его во Флоренцию, хотя на вывоз в другие города был строгий запрет. Подобное же исключение содержалось и в статуте Прато (конец XIII в.) — города, подчиненного Флоренции.

В интересах снабжения городского населения коммуна фиксировала цены на продаваемое в городе зерно, но это приводило к сокращению зерновых посевов, попыткам производителей зерновых (в том числе и крестьян) продавать их за пределами данного города и его дистретто на рынках в соседних городах или дальних районах на более выгодных условиях. На покупку зерна в Сицилии и Южной Италии — хлебных житницах полуострова городских финансов всегда не хватало.

Торговля продовольственными товарами разрешалась лишь на специально отведенных рыночных площадях: во Флоренции рядом с площадью синьории было построено специальное помещение для крытого зернового рынка — Орсанмикеле; в 50-х годах XIV в. здание было перестроено для культового назначения (церковь, украшенная многочисленными барельефами скульптурных изображений ремесленников городских цехов, существует и поныне). Городская коммуна устанавливала и максимальные (обычно низкие) цены на зерно, ограничивала количество продаваемого зерна в одни руки (в той же Флоренции в середине XIV в. один человек мог купить не более 2 стайя, т. е. 48 кг зерна).

Запреты вывоза и перепродажи зерна, мяса, овощей, оливкового масла особенно усилились в середине XIV в., когда в условиях повторявшихся в течение ряда лет неурожаев и эпидемий снабжение продовольствием, прежде всего хлебом, Флоренции, Сиены, Лукки, Прато и многих других городов находилось в катастрофическом состоянии.

В то же время городская купеческая верхушка и представи-

тели того самого чиновничества, которое обязано было соблюдать постановления, находили всяческие лазейки и обходные пути для того, чтобы и в самые критические и голодные годы продолжать спекулятивные махинации с зерном, в том числе вывоз и перепродажу его по высоким ценам за пределами округи того самого города, где тысячи жителей умирали от голода [35].

Город и сельская коммуна

Конец XI—XII в. в Италии — время повсеместного возникновения сельских коммун. Мы уже довольно подробно останавливались на одном очень распространенном пути их возникновения — в сельских укрепленных поселениях, приобретавших независимость и самоуправление. Тем не менее административной самостоятельности еще недостаточно, чтобы говорить о сельской коммуне. Это ассоциация жителей, экономической основой которой была собственность (или владение, но с широкими правами распоряжения — продажи, дарения, передачи в аренду) на общинные угодья: леса, пастбища, реки, озера, рыбные тони. Нередко коммуна пыталась присвоить себе некоторые верховные права и на все земли, расположенные на ее территории: лишь по решению Совета коммуны разрешалась продажа на сторону земельных владений ее членов, причем запрещалось продавать их нобилям и церкви, а члены коммуны имели право предпочтительной покупки. Конечно, важно, насколько это право соблюдалось. Документы свидетельствуют о практически неограниченных на территории коммуны продажах и покупках, залогах и дарениях земель, находившихся в индивидуальном владении или собственности ее жителей.

Собственность или владение коммуной (как корпорации) общинными угодьями возникли не сразу, так же как не вдруг сложился институт ее должностных лиц — консулов, синдиков, кампариев. Можно проследить на отдельных примерах, как постепенно расширяются права общинных объединений крестьян, как община превращается в сельскую коммуну.

В 70-е годы X в. крестьяне деревни Веллате получили от своего сеньора архиепископа Миланского право пасти скот на лугах Черрето, которые «издавна» принадлежали «соседям и консортам деревни», причем устанавливался общий для всех срок начала выпаса скота на этих лугах: после созревания трав [36].

Спустя 80 лет, в 1153 г., в городском суде Милана консулы разбирали спор между жителями Веллате (деревня уже названа в грамоте коммуной, и от ее имени также выступают консулы) и архипресвитером церкви Санта Мария дель Монте Веллате. Настоятель церкви возражал против того, чтобы жители Веллате

[35] *Pinto G.* Il libro del Biadaiolo. Firenze, 1979; *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... С. 54, 81—82 и др.
[36] HPM. Vol. 13. N 755 (a. 970—974).

разделили между собой участки леса Гацио, ссылаясь на то обстоятельство, что и другие люди, живущие вблизи церкви, также имели право на этот лес: они пасли там за определенную плату свиней, рубили дрова и т. д. Консулы Веллате утверждали, что от раздела леса между членами коммуны права церкви (которые они, однако, признавали лишь частично) не пострадают.

Настоятель церкви оспаривал также право коммуны косить траву на лугу Виварио и особенно устанавливать какие-либо запретные сроки для пастьбы, так как этот луг использовался для выпаса церковных свиней. Спор шел и относительно луга Черрето и других лугов, с которых Веллате получала сено. По решению миланских консулов жителям Веллате запрещалось производить раздел леса Гацио, а если же этот раздел все же состоится, воспрещалось продавать и дарить дрова из Гацио и Черрето. Не разрешалось также уносить из леса каштаны. Зависимым людям церкви дозволялось подбирать хворост в Гацио и Черрето. Архипресвитер сохранил свои права на Гацио, но лишь частично, так как $^2/_3$ леса были признаны принадлежностью коммуны Веллате. В то же время коммуне воспрещалось косить траву на лугах Виварио и устанавливать там какие-либо ограничения сроков пастьбы. Запретный срок (от апрельских до сентябрьских календ) члены коммуны имели право устанавливать лишь на других лугах, где и скот, принадлежавший церкви, позволялось пасти только до созревания трав и после сенокоса. Эти последние луга коммуна могла превратить даже в пашню, но с тем условием, что после сбора урожая они должны были служить пастбищем и для церковного скота.

В 1162 г. архиепископ Милана обратился с жалобой к консулам Сеприо (по-видимому, более крупной ассоциации, в которую входила и Веллате), на то, что «коммуна Веллате», используя свое право владения $^2/_3$ леса Гацио, превращает его в пашню, чем наносит ущерб церкви Санта Мария дель Монте, которая издавна пользовалась всем лесом наравне с жителями Веллате. В 1165 г. архиепископ вновь протестовал против раздела общинниками лесного массива около Сассо Камурго, чем последние будто бы нарушили древний обычай совместного использования леса [37].

Как видим, коммуне Веллате удалось приобрести собственность, а частично совладение (с церковью) на ряд общинных угодий. Признавая и защищая важные права коммуны Веллате, городские консулы Милана в то же время пошли навстречу притязаниям архиепископа, который еще недавно был городским сеньором и, несомненно, не утратил влияния в городе.

В конце XI—XII в. постепенно складывается аппарат управления общиной, перерастающей в коммуну. Высшим законодательным органом коммуны был ее генеральный совет, который

---

[37] AM. N 28 (a. 1153); *Bognetti G.* Sulle origini dei comuni rurali del Medio evo. Pavia, 1926. Ap. P. XXI—XXII.

собирался 2 раза в год и включал в свой состав всех налогоплательщиков — глав семей в возрасте от 18 до 70 лет. Арендаторы и наемные работники обычно не участвовали в совете и не избирались на какие-либо должности. Для избрания на должности подеста, консулов, вилликов, кампариев требовался определенный имущественный ценз. Высшим достижением коммуны было принятие ею особого законодательства — статутов коммуны. В присутствии членов коммуны происходило заключение соглашений с феодалами, разбор судебных исков, распределение платежей между общинниками. Статуты коммуны стремились регулировать некоторые стороны ее сельскохозяйственной деятельности: они устанавливали сроки пастьбы скота и посева трав на общинных лугах, но чаще всего (в Средней Италии) лишь сбора желудей и каштанов в общинном лесу (очень редко срок начала сбора винограда). Принудительный севооборот в наших источниках почти не встречается. Он не мог существовать в огороженных полях [38].

Среди сельских коммун можно выделить несколько типов в зависимости от численности населения и социального состава, административной структуры, объема прав на общинные земли и степени самоуправления (в том числе порядка издания статутов).

Высшим этапом в развитии сельских коммун были федерации, включавшие в себя несколько десятков мелких коммун. В составе федерации могли быть и довольно крупные коммуны (до 100 дворов) и небольшие поселения хуторского типа (3—4 двора). Сохраняя самостоятельность в решении повседневных вопросов и выборе местной администрации, коммуны — члены федерации — подчинялись коммуне (ее главе) в вопросах политики и администрации.

Близки к федерациям по своей роли и значимости, а также по приобретенным ими правам и отдельные крупные коммуны, располагавшиеся обычно в крепостях (в крепостях обычно помещались и коммуны — главы федераций).

По социальной структуре населения, развитию ремесленного производства и торговли федерации и крупные коммуны близки к небольшим городкам. Грань между теми и другими провести подчас невозможно. Несмотря на ту или иную степень подчине-

---

[38] *Брагина Л. М.* Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии в в XIII—XIV вв. // СВ. 1958. Вып. XII; *Она же.* Сельские коммуны Северо-Восточной Италии и подчинение их городу в XIII—XIV вв. // СВ. 1955. Вып. VII; *Котельникова Л. А.* Некоторые проблемы социально-экономической истории сельских коммун в Средней Италии в XIII и XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; *Бернадская Е. В.* Из истории сельских коммун Моденской провинции // СВ. 1959. Вып. XIV; *Caggese R.* Le classi e comuni rurali nel medioevo italiano. Firenze, 1909. Vol. 2; *Sorbelli A.* Il comune rurale dell'Appennino emiliano nel secolo XIV e XV. Bologna, 1910; Les statuts communaux et l'histoire des campagnes lombardes au XIV siècle/Par P. Toubert // Mélanges d'archéologie et d'histoire. P., 1960. T. 72.

ния городу — центру округи (в XIII—XIV вв. городам подчинялось большинство сельских коммун), реже духовному или светскому феодалу (порой эти два вида зависимости переплетались), подобные коммуны сохранили широкую политико-административную автономию, в первую очередь право на издание статутов.

Иной тип коммун — небольшие сообщества, находившиеся почти в полном подчинении сеньора (церковного или светского феодала). Должностные лица таких коммун обычно назначались сеньорами, низшая администрация — салтарии, кампарии (лица, распоряжавшиеся общинными землями) — могла быть выборной. Сеньоры имели верховную собственность на все земли, находившиеся в пользовании членов коммуны, и получали за нее чинши или арендную плату от держателей или арендаторов; жители обязаны были разнообразными и многочисленными сеньориальными платежами. Отчуждать кому-либо земельные участки обычно запрещалось. Совет коммуны был фактически здесь совещательным органом при сеньоре. Часть таких коммун имела статуты, однако они издавались самим сеньором или только с его разрешения. Главной целью подобных статутов было фиксировать платежи коммуны сеньору, чтобы оградить ее членов от злоупотреблений [39].

В период становления сельских коммун, который совпал или происходил несколько позже завоевания независимости самими городскими коммунами, последние нередко поддерживали крестьянские ассоциации в их тяжбах с феодалами из-за общинных земель, стремились лишить духовных и светских сеньоров их административных и фискальных прав в общинах [40]. После победы над церковными и светскими сеньорами сельских коммун, хотя и неполной и не повсеместной, городские власти стремились принимать участие в составлении, утверждении, а также пересмотре сельских статутов, назначении должностных лиц сельских коммун. Функции городской администрации постепенно расширялись, компетенция же должностных лиц сельских коммун сужалась; в будущем им отводилась роль верных исполнителей городских решений. Правда, наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в XIV в. Уже ранние статуты Орвието (1209—1220 гг.) содержат предписания о порядке назначения городом подеста сельских коммун округи. Сельская коммуна должна была подчиняться одному из 25 цехов города. Каждые 6 месяцев бросали жребий, и цех, которому выпадало на долю управлять той или иной сельской коммуной, посылал туда своего подеста. Ни одна сельская коммуна не имела права избирать своего подеста [41].

---

[39] *Котельникова Л. А.* Некоторые проблемы социально-экономической истории сельских коммун... С. 133—170.

[40] *Котельникова Л. А.* Политика городов по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии в XII в. // СВ. 1959. Вып. XVI. С. 3—22.

[41] DI. Vol. 8. P. 807.

Городские постановления о порядке проведения сельскохозяйственных работ на территории сельских коммун округи, устройстве мелиоративных сооружений, разведении садов и виноградников, порядке обработки пустующих земель в определенной степени содействовали хозяйственному прогрессу. В то же время все повышающиеся налоги, требования исполнения все новых повинностей в пользу городской коммуны, большие ограничения и строгая регламентация торговли зерном и другими продуктами, а подчас даже принудительная их реквизация стесняли возможности расширения сельскохозяйственного производства отдельных хозяйств. Наиболее тяжело отражалась на сельских коммунах городская налоговая политика. Помимо налогов, взимавшихся подворно или поимущественно, с коммун требовали единовременные взносы, особенно на военные нужды, поставки фуража и лошадей для армии, продовольствия для городского населения, участия в городском ополчении.

По своему социальному составу коммуны были неоднородны. Жителями коммун (особенно крупных) являлись многие представители торгово-ремесленных слоев — пополаны, а также феодальные сеньоры. Пополаны были активно представлены во всех выборных органах коммуны, чему способствовал требовавшийся там высокий имущественный ценз (правда, термин «пополаны» подчас употреблялся как антипод феодалам разных рангов, в этом случае под пополанами могли подразумевать и крестьян — жителей сельской коммуны, особенно крупной).

Но признавая социальную неоднородность населения сельских коммун, мы должны будем быть готовыми ответить и на вопрос, следует ли считать все сельские коммуны крестьянскими организациями, в частности те из них, которые, как уже говорилось, располагались в крупных населенных пунктах (крепостях) со значительным торгово-ремесленным населением (представители последнего занимали основные выборные должности и осуществляли многие мероприятия в своих интересах). Хотя большинство населения этих крепостей продолжало заниматься сельским хозяйством, но по существу они были отделены от города (прежде всего мелкого) незначительной и не всегда заметной гранью. Однако тезис: не все сельские коммуны — крестьянские общины — не противоречит тому факту, что в своей деятельности коммуны в значительной степени отражали интересы крестьянства — своего основного населения в борьбе за общинные земли, за возможно более полную независимость крестьянского хозяйства, личную свободу крестьян от сеньориальной власти. В этом отношении коммуны явились непосредственными преемниками крестьянской общины, высшей точкой ее развития как административно-политической организации, хотя как хозяйственная ассоциация сельская коммуна значительно отличалась от «классической» германской общины-марки. Развитие частнособственнического начала, дуализм во внутренней структуре общины зашли здесь много дальше, чем в общине в Германии или Англии.

Конец XII и XIII век — период, когда большая часть сельских коммун Северной и Центральной Италии, одержав победу в борьбе с феодальными сеньорами за собственность или широкое распоряжение общинными угодьями, политико-административную автономию, достигла высшей степени своей самостоятельности и свободы, закрепленной в статутах, которые они сами и издавали. Но лишь немногие коммуны (главным образом, в горных районах Альп и Апеннин) смогли сохранить свою самостоятельность на сколько-нибудь значительный срок.

Господство феодалов, там, где оно было сломлено (а многие коммуны в Романье, Пьемонте и других областях продолжали по существу оставаться несвободными общинами, члены которых находились в феодальной зависимости от сеньора коммуны и были обязаны ему многочисленными платежами и повинностями, вплоть до барщины, баналитетов и ограничений покидать участки), сменялось очень часто подчинением сельской коммуны городу. Нередко сельская коммуна продолжала одновременно подчиняться городу и крупному феодальному сеньору, чаще всего епископу. В XIV—XV вв. возросла власть городов и сеньоров (там, где образовывались синьории, например в Северной Италии) над сельскими коммунами.

Городские власти прежде всего стремились принимать участие в составлении статутов сельских коммун; если их составляли специально избранные для этой цели представители сельской коммуны (часто теперь это делали городские чиновники), то наряду с ними в этой процедуре участвовал городской нотарий.

Городские должностные лица стали утверждать сельские статуты, пересматривать и отменять те из них (или отдельные их параграфы), которые они находили противоречащими интересам города; часть прежних постановлений сельских коммун включалась в городские статуты.

Подчинение сельских коммун городу достигалось и путем сокращения сферы деятельности должностных лиц сельских коммун: города нередко присваивали себе право определять те функции, которые оставались на долю администрации (как правило, по менее значительным делам) сельских коммун. Почти во все более или менее крупные сельские коммуны города назначали своих подеста, ректоров, викариев, к которым переходил все больший круг дел.

В городские статуты включались постановления о налогах в пользу города-сеньора, общественных повинностях в контадо и дистретто (ремонт дорог и мостов, строительство укреплений и т. д.), порядке доставки (в том числе и принудительной) сельскими коммунами продовольствия городу и запрещении его экспорта за пределы дистретто, проведении в коммунах разного рода сельскохозяйственных работ, о времени их начала и окончания, устройстве ирригационных каналов, разведении огородов, садов и виноградников и т. п.

И если некоторые из этих постановлений, прежде всего в пе-

риод расцвета коммун, как уже говорилось, в определенной степени способствовали хозяйственному прогрессу, росту производства, то большинство их в XIV в. и позже (особенно строгая регламентация сельскохозяйственных работ) стесняли инициативу и самостоятельность коммун и в первую очередь возможность предпринимательской деятельности их зажиточных слоев. Еще более ограничивали расширение объема производства отдельных хозяйств предписания города о строгой регламентации торговли зерновыми и некоторыми другими сельскохозяйственными продуктами, и особенно принудительная реквизиция зерна (неурожаи и голодовки, убыль населения увеличивали тяжесть таких поборов). Наиболее тягостными были многочисленные налоги, как и поимущественные, так и подворные, постоянные и очень часто чрезвычайные: на военные и иные нужды, участие в городском войске и т. п., торговые пошлины и сборы и т. п.

В XIV—XV вв. общинное землевладение очень сильно сократилось; значительная часть земель перешла в собственность или индивидуальное пользование крестьян, от чего выиграло в первую очередь зажиточное крестьянство, но еще больше земель коммун и их членов оказалось в руках горожан.

Общинное землевладение в горных районах Северной Италии сохранилось в большей степени.

Переселение крестьян в город. Освобождение сервов и колонов

Как встречала городская коммуна крестьян, которые хотели бы поселиться в городе на постоянное местожительство? Мы уже видели, как она обходилась со своими врагами — феодальными сеньорами (в общем, не так уж сурово), попытались и объяснить, почему так получалось. Что же касается мелких собственников и особенно феодально-зависимых держателей из округи (и тем более колонов и сервов, находившихся в наиболее суровой личной зависимости), то здесь дело обстояло несколько иначе. Либелляріи и эмфитевты, которые могли свободно покинуть держание, а также мелкие собственники принимали на себя обязательство в течение года или даже полугода построить (или арендовать) в городе дом определенных размеров и постоянно проживать там. Они должны были зарегистрировать в городской курии имущество, исправно платить налоги и выполнять многочисленные повинности по истечении льготных (5 или 10) лет, если подобная льгота в данном городе существовала. Решение об освобождении от налогов в начальный период жительства в городе нередко зависело от размеров имущества переселенца (богатые освобождались на больший срок, так как они представляли для города больший интерес как возможные налогоплательщики).

Так, городской статут Сиены в 1262 г. вынес решение пригласить 100 богатых людей из контадо переселиться в город и

стать его постоянными жителями. С нового горожанина требовался и немалый вступительный взнос. Того же, кто не выполнял поставленных городом условий, не только не принимали в число полноправных горожан, но и могли выселить из города. Вопрос о принятии новых переселенцев рассматривался городским советом.

Мы не располагаем сколько-нибудь точными статистическими данными об удельном весе представителей разных имущественных и социальных группировок среди переселенцев, но нет и сколько-нибудь убедительных свидетельств о том, что среди переселенцев были главным образом зажиточные люди, как полагал бельгийский ученый И. Плеснер [42].

Что же касается крестьян, находившихся в наиболее тяжелой зависимости от своих сеньоров, то здесь политика городской коммуны была весьма противоречива и преследовала в первую очередь защиту интересов городской верхушки — торговцев и промышленников, одновременно являвшихся земельными собственниками, заинтересованными в том, чтобы их собственные держатели оставались на своих участках и продолжали исправно выполнять возложенные на них обязательства. Отсюда и непоследовательность (правда, лишь кажущаяся) постановлений городских властей. Они охотно принимали в число новых городских жителей сервов, колонов и вилланов из городских округ «чужого города» и обставляли многочисленными и нелегко выполнимыми условиями прием в число горожан тех сервов и колонов, которые держали земельные участки и находились в подчинении жителей данного города.

Так, уже упомянутый статут Сиены 1262 г. разрешал принимать в число горожан вилланов, пришедших из «чужой округи», после четырехмесячного их проживания в городе, покупки городского дома и принятия на себя обязательств нести городские повинности после 10-летнего льготного срока. Однако вилланам, которые находились под властью старожилов Сиены («постоянных жителей» города), разрешалось покинуть держание лишь в том случае, если на участке проживало два или три трудоспособных держателя (чтобы платежи продолжали исправно поступать и после ухода одного из вилланов).

Лишь по прошествии 10 лет вилланы, сбежавшие в город без ведома их господ — горожан Сиены, могли быть приняты в число полноправных горожан Сиены, да и то в том случае, если в течение этого срока их сеньоры не вчиняли иск в городском суде об их возвращении.

С подобными же ограничениями мы встречаемся и в постановлениях многих других итальянских городов. Колон, переселившийся в Пизу, мог считаться свободным человеком лишь по

[42] *Luzzatto G.* Dai servi della gleba agli alberi del capitalismo. Bari, 1966. P. 409—432; *Котельникова Л. А.* Переселение в город свободных крестьян (по материалам Средней Италии XII—XIV вв.) // СВ. 1969. Вып. 32. С. 146—154.

истечении 10-летнего срока проживания в городе. В Пистое можно было приобрести свободу, прожив в городе или пригороде «с ведома и без противодействия господина» 5 лет. Вилланов, покинувших самовольно держания, правители сельской коммуны должны были возвращать обратно. Причем в той же Пистое человек, пришедший из другой округи, принимался в число горожан без всяких предварительных условий.

Колоны и вилланы, подчиненные «своим» горожанам, становились свободными жителями города лишь после 10-летнего срока проживания также в Реджо-Эмилии (статут 1242—1311 гг.), Перудже (статут 1272 г.), Парме (статут 1253—1255 гг.), Верчелли (статут 1242 г.) и других городах. В статутах Флоренции, изданных спустя несколько десятков лет и позднее, в 1325 и 1415 гг., перед новым городским жителем выдвигались следующие условия: чтобы стать свободным горожанином, он был обязан прожить 10 лет в городе или его предместьях — бургах и суббургах в своем или чужом доме, причем в течение этого срока не должно было поступать письменной жалобы в городскую курию относительно его юридического статуса (ср. статут Сиены 1262 г.). Если же господин потребует возвратить что-либо из имущества колона, его требование следует выполнить незамедлительно и по истечении 10-летнего срока.

На пути переселения в город сервов выдвигались еще большие ограничения. В Пистое, Парме и Сиене до конца XIII в. серв не мог приобрести свободы, даже прожив в городе более 10 лет. Господин мог в любое время потребовать его возвращения, и коммуна поддержала бы такое требование.

В договоре Флоренции и Сан Джиминьяно от 1225 г. обе стороны объявляют о своей готовности возвращать друг другу беглых колонов (свободными горожанами признаются лишь те из них, кто прожил в городах свыше 10 лет) [43].

Тем не менее, несмотря на препоны, колоны и сервы нередко убегали в города, не дожидаясь разрешения сеньоров, хотя этот уход и был нелегок, так как нередко влек за собой потерю движимого имущества и хозяйственного инвентаря.

В 1256—1257 гг. Болонская коммуна издала ряд постановлений об освобождении сервов, которые хорошо известны и вошли в учебники. Кто были эти сервы? Еще и в XIII в. итальянские сервы находились в более угнетенном положении, чем какая-либо другая категория людей в обществе. Господин мог их продавать, дарить, обменивать и вообще распоряжаться ими как движимым имуществом, подвергать телесным наказаниям, вершить над ними суд и расправу по своему усмотрению. «Райская книга» Болоньи 1257 г. была своего рода кульминацией ряда изданных в 1256 г. освободительных актов. В преамбуле «Райской книги»

[43] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... С. 154, 173, 179—186; Il Costituto del comune di Siena dell'anno 1262... D. 4. Rubr. 47, 49, 54, 71, 72; Statutum potestatis communis Pistorii dell'anno 1296/ Ed. L. Zdekauer. Milano, 1888. Liber III. Rubr. 80.

торжественно заявлялось: поскольку бог создал людей свободными по своей природе, им следует вернуть их прежнюю свободу. Поэтому город Болонья, всегда боровшийся за свободу, и решил за определенный выкуп освободить всех людей в городе и епископстве, находящихся в «сервильном состоянии»[44]. Коммуна выкупила у 406 феодальных сеньоров 5682 серва, уплатив за них выкупную сумму в размере около 50 тыс. лир.

В дополнение и развитие «Райской книги» был издан ряд постановлений. В акте от 3 июня 1257 г. говорилось, что городская коммуна, озабоченная тем, чтобы ее население было свободным, запрещает обращать в сервильное состояние кого-либо из настоящих и будущих жителей города и дистретто, а именно обращать в серва, анциллу, маснадерия или даже аскриптиция и чиншевика. Все вновь поселяющиеся в городе сервы, анциллы и маснадерии должны получить освобождение от своих господ, и коммуна обязана их выкупить в течение трех месяцев со дня их поселения в городе[45].

Большинство освобожденных в Болонье сервов стали зависимыми держателями в сельской округе: каждый из них приписывался к той или иной сельской коммуне. Возможно, что теперь по своему статусу они были близки к колонам или же к либеллляриям-колонам. Имущество освобожденных сервов оставалось у господ, что, безусловно, затрудняло их устройство на новом месте. В 1282—1283 гг. и в 1304 г. Болонья выкупила колонов[46].

Постановления коммуны Флоренции от 1289—1290 гг. предписывали освободить от личного подчинения и прикрепления к земле колонов, зависимых от сеньоров Убальдини — исконных врагов Флоренции, наносивших значительный урон ее торговле захватами главных торговых путей, проложенных по перевалам между Флоренцией и Болоньей в Муджелло, а также других феодальных фамилий. Освобождая колонов враждебных ей феодальных сеньоров, которые не хотели подчиняться городской юрисдикции и признавать себя «гражданами» города со всеми вытекавшими из этого факта обязательствами военной и материальной помощи и уступки земель с населявшими их крестьянами, Флоренция (как и другие коммуны) стремилась ослабить и повергнуть своего политического противника, препятствовавшего ее торгово-промышленной деятельности.

Не последнюю роль в освободительных постановлениях города сыграло его стремление приобрести новых налогоплательщиков или свободных арендаторов, благо затрагивались при этом интересы не «своих» горожан, а враждебных феодальных фамилий. Очень важно, что флорентийские постановления 1289—1290 гг. не касались колонов, принадлежавших горожанам Фло-

---

[44] Liber Paradisus con le riformagioni e con gli atti connessi/A cura di F. S. Gatta, G. Plessi. Bologna, 1956. P. 5 ecc.
[45] Ibid. P. 125—127.
[46] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... С. 125—145.

ренции и иным лицам, признававшим верховенство городской коммуны. Таким образом, это освобождение колонов (которое иногда трактуется как отмена крепостного права во всем дистретто) не затрагивало большую часть колонов. К тому же тот факт, что здесь (в отличие от Болоньи) выкупную сумму должны были вносить сами колоны, очевидно, во многом препятствовал претворению этого постановления в жизнь, даже в таком урезанном виде. Не случайно, запрещение продавать, обменивать, дарить колонов, обращать в колона свободного человека мы встречаем в статуте Флоренции в 1325 г. и даже в 1415 г., а также во многих городских постановлениях конца XIII — начала XIV в., касающихся взаимоотношений коммуны непосредственно с теми же графами Убальдини [47].

Ассизи раньше других городов (в 1210 г.) провозгласил освобождение колонов, но едва ли для многих из них это было осуществимо, так как они должны были сами заплатить выкуп и оставить наделы, т. е., подобно предписаниям грамот XI—XII вв., «уйти inanes et vacui».

Статут Читта ди Кастелло требовал, чтобы каждый колон заплатил за свое освобождение 20 лир, а если сеньор пожелает, оставил ему половину движимого имущества [48].

Итак, во второй половине XIII в. в Италии — единственной стране Европы — целый ряд городов выступил инициатором освобождения сервов и колонов. Подобные городские постановления, несомненно, сыграли большую положительную роль. В результате стали лично свободными тысячи сервов и колонов. Конечно, не «свободолюбием» Флоренции или Болоньи следует объяснять изданные ими законодательные акты об освобождении сервов и колонов. Городам нужна была свободная рабочая сила для работы в ремесленных мастерских, торговых заведениях, учреждениях городской администрации. Возраставшие городские расходы требовали и изыскания источников налоговых поступлений. Поэтому новые налогоплательщики были весьма кстати. Однако с собственными колонами богатая городская верхушка не хотела расставаться. Отсюда — ограниченность и противоречивость освободительных актов, медлительность и непоследовательность их проведения в жизнь.

Очевидно, приток в города свободных людей из «собственной» и особенно из «чужих» округ пока еще удовлетворял потребности города в новых рабочих и служащих. И это естественно, так как среди феодально-зависимого крестьянства, жителей контадо, преобладали либеллярии и иные наследственные держатели, которые могли довольно свободно покидать держание, продавать, обменивать и дарить его, порой лишь предлагая предварительно его за более дешевую плату господину (так называемое

---

[47] Там же. С. 173—179; *Kotelnikova L. A.* I contadini italiani nei secoli X—XIII (alcuni aspetti generali) // RSA. 1975. N 3. P. 66—71.
[48] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... С. 183.

право преднючтительной покупки). Конечно, и для либеллярия уход с держания был связан с большими потерями: ведь он также оставлял годами налаженное хозяйство, ухоженный виноградник или зерновое поле, должен был распродать нажитый опять же не вдруг домашний скот и т. п. В городе же его ожидала неизвестность, и далеко не для всех (особенно для обедневших слоев) переселение в город означало приобретение там надежного и постоянного или даже выгодного места работы. Не случайно многие лишившиеся земельных участков люди становились срочными арендаторами, в первую очередь испольщиками, на положении которых мы остановимся несколько дальше.

Заметим также, что при всей важности освободительных акций крупнейших городов ни эти акции, ни индивидуальные отпуска на волю колонов и сервов не привели в XIII и даже в XIV в. к ликвидации наиболее тяжелых форм личной зависимости крестьян и дворовых слуг. В XIV—XV вв. в домах горожан получает обычай иметь в качестве домашних слуг рабов, привезенных с Востока — из славянских стран, с Кавказа, из Турции [49].

Особенности вотчины

Как мы уже видели, еще в раннее средневековье домен не играл большой роли в вотчине тех сеньоров, которые были более или менее тесно связаны с городским хозяйством (особенно в IX—X вв.). Это, естественно, было легче и достижимее для вотчинника-горожанина, которому немалая часть продуктовой ренты доставлялась уже тогда зависимыми крестьянами к его городскому дому. В городах и речных портах нередко были и складочные пункты светских и церковных сеньоров [50].

Теперь же, в период расцвета городов, поставка сельскохозяйственных продуктов непосредственно в город и возможность ее быстрой реализации на рынке полностью отвечали потребностям города в целом и его правящей верхушки. Эти факторы предопределили не только дальнейшее сокращение домена (в конце XII в. в Северной и Средней Италии он стал незначительным), но и господство (уже в конце XII в. в отдельных районах, а повсеместно в XIII—XIV вв.) ренты продуктами, причем процент держаний, с которых она поступала, был особенно высок

[49] О домашних рабах в Италии XIII—XIV вв. существует обширная литература. См., например: *Verlinden C.* L'esclavage dans le centre e le nord dell'Italie continentale au bas Moyen age. Gent, 1970; *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel sec. XV. Genova, 1971. Разрешалось беспрепятственно привозить во Флоренцию сервов и настоящих рабов (schiavi) некатоликов (но и крещеных). В случае их побега они возвращались господам, которые имели над ними всю полноту власти. См.: Statuti populi et communis Florentiae 1415. Freiburg; Berlin, 1778. Bd. 1. L. III. Rubr. 186.

[50] *Котельникова Л. А.* Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // СВ. 1975. Вып. 38. С. 100—115.

в районах, расположенных наиболее близко от города или же речных торговых путей (в большей степени на землях светских собственников, в первую очередь горожан или городской коммуны как коллективного сеньора, чем церковных учреждений), и понижался по мере удаленности от торговых магистралей и рыночных центров. Господство ренты продуктами в условиях довольно развитого простого товарного производства было бы неверно считать явлением регресса или отставания (хотя в Италии натуральная рента обрела господство после нескольких столетий значительного распространения денежной). Своеобразие статуса сеньоров, нередко горожан, приводило к повсеместному распространению транспортной повинности: доставке продуктов в город самими крестьянами, что облегчало и их собственную торговлю, подчас в ущерб уплаты сеньориальной ренты, о чем уже говорилось выше. Конечно, в первую очередь торговцами выступали феодалы, но и крестьяне, как и их коллективы — сельские коммуны, не были полностью отстранены от торговли[51].

Если попытаться проследить особенности форм держаний на землях горожан или городской коммуны в XII—XIII вв., то следует отметить, что держателями здесь, как и на участках, принадлежавших церковным корпорациям, выступали прежде всего либеллярии и иные наследственные держатели, но встречались также и колоны и вилланы, прикрепленные к земле и весьма ограниченные в своих правах распоряжения землей и собственной личностью. Среди либеллярнев, живших в городе или ближайших пригородах Лукки, Флоренции и других городов, нередко были люди, совмещавшие занятия сельским хозяйством с ремеслом или торговлей (собственниками их земель часто являлись городские церковные корпорации). В либеллярном держании у этих людей в городе были небольшие участки сада или виноградника, примыкавшие к дому с лавкой или ремесленной мастерской. Удельный вес горожан и жителей суббургов среди либеллярнев и иных наследственных держателей сильно возрос в XIII—XIV вв.

Земельные участки таких либеллярнев по-прежнему были небольших размеров, а главными их занятиями были ремесло и торговля. Чинш порой был незначительным и даже символическим, распоряжение же держанием было весьма широким, вплоть до возможности его продажи с сохранением права предпочтительной покупки собственником, но с запрещением продажи участка серву, рыцарю или церковной корпорации. Поощрялась же продажа участка ремесленнику, как и свободному держателю, собственными силами обрабатывавшему участок. Да и сама передача держания в договорах такого рода порой именовалась продажей; был довольно высок и вступительный взнос[52].

---

[51] Подробнее об этом см.: *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... Гл. 1.
[52] Подробнее см.: Там же. С. 187—245.

С середины XIII в. все больше начинает распространяться срочная аренда и ее особый вид — испольщина, прежде всего на городских землях, но ее господство принадлежит уже будущему столетию.

Одним из важнейших следствий развития городов и товарно-денежных отношений (в том числе и на землях горожан) было имущественное расслоение крестьянства, особенно либеллариев, где наряду с крестьянами, приближавшимися к фактическим собственникам держаний, существовали обедневшие слои, обязанные довольно обременительными повинностями и ограниченные в своем распоряжении держаниями. Большое число крестьян разорялось в результате втягивания в кредитно-ростовщические операции, причем нередко кредиторами выступали богатые пополаны. Слой людей, лишившихся земельных участков или являвшихся номинальными владельцами заложенных, постепенно возрастал. Именно они нанимались к тем же горожанам-землевладельцам на временную или постоянную работу за денежную плату, но в целом в XII—XIII вв. наемный труд в деревенской округе носил характер вспомогательной рабочей силы, а большинство наемных работников продолжало иметь свой клочок земли.

Специфика социального статуса городской торгово-промышленной верхушки, тесно связанной с землевладением, определила и особенности политики городов в спорах об условиях и сроках крестьянских держаний. Решения городских судебных курий по спорам и тяжбам держателей и арендаторов с земельными собственниками, постановления городских статутов показывают, что они во многом зависели от взаимоотношений правящей группировки города с теми или иными представителями феодального класса — епископом, монастырями, разными группами светских феодалов (так, почти повсюду гвельфская верхушка запрещала жителям города и контадо заключать какие бы то ни было сделки и договоры с враждебными грандами-гибеллинами и т. п.). Однако различные тенденции в политике городских властей наблюдались и в отношении разного типа договоров об аренде и держании. Неуплата в срок чинша либелларием и наследственным держателем не приводила к немедленному сгону неплательщика с участка и замене его другим держателем. Обычным решением консулов было: обязать погасить задолженность в краткий срок, а в качестве залога внести солидную денежную сумму (порой и значительный процент с суммы чинша). Часть залоговой суммы при этом поступала городу. И только в случае упорного уклонения от выполнения решения городского суда держатель окончательно терял участок. Такое решение властей удовлетворяло и собственника (он получал, помимо чинша, крупную сумму денег — от 20 до 50% чинша), и коммунальную казну (ей отчислялся определенный процент), и самого держателя, который сохранял утраченную было землю (если был в состоянии собрать требуемую сумму денег, для чего получал некоторую отсрочку — от нескольких месяцев до года). Иной была позиция

городских властей, когда разбирались тяжбы земельных собственников и колонов, а также краткосрочных арендаторов, в том числе и испольщиков. Последствием неуплаты в срок чинша обычно служила утрата арендаторами прав на участок и передача этой земли другому арендатору или ее возвращение собственнику. В то же время арендатор-неплательщик, попытавшийся покинуть участок до истечения срока аренды, мог быть пойман и даже посажен в тюрьму.

Городскими постановлениями фиксировались также многочисленные ограничения краткосрочных арендаторов в их правах распоряжения участками[53].

[53] Подробнее см.: *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город... С. 103—111; 304—315; *Она же.* Кредитно-ростовщические операции в итальянской деревне XII—XIV вв. и их влияние на экономическое и социальное положение крестьянства // СВ. 1973. Вып. 37. С. 204—207.

Часть вторая

В ПРЕДДВЕРИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XIV—XV вв.)

Глава первая

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР (общие замечания)

В истории городов Центральной и Северной Италии XIV—XV века сложны и противоречивы. Это период зрелости в их экономическом развитии, когда в наиболее передовых городах появились «зачатки капиталистического производства» [1]. Это и время относительно широкого развития пополанской демократии городов-республик (хотя по существу власть принадлежала верхушке пополанства). Наконец, это — неслыханный ранее расцвет ренессансной культуры. Города как бы переживали период ранней, теплой и мягкой средиземноморской осени, когда уже наступила пора сбора созревших плодов и ярки еще осенние краски. Однако сначала не очень заметно, но затем все более явственно в эту, казалось бы, идиллическую картину шумных рыночных площадей, куда стекались купцы из многих стран мира, многочисленных мастерских и лавок суконщиков и ювелиров, башмачников и чулочников, булочников и мясников, в конторы нотариев и менял, в философские беседы гуманистов в роскошных виллах, в дворцы, где заседало правительство, врывались — и все более повелительно — громкие голоса разгневанных чомпи и многочисленного бедного люда — обедневших мастеров, не допущенных в цехи подмастерьев и поденщиков, требовавших прибавки жалованья, лучших условий жизни, права на участие в делах коммуны, испольщиков, пришедших из контадо, влачивших полуголодное существование.

✓ В 1378 г. во Флоренции произошло первое восстание наемных рабочих, когда им и их союзникам из бедных ремесленников удалось, хотя и на короткий срок, взять в свои руки управление коммуной и даже обнародовать некоторые законы в интересах

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.

бедного люда. Обострение классовых и социальных противоречий (которые в значительной мере обусловили перемены и в политической надстройке — переход к синьории) происходило в обстановке неуклонно нараставших с середины XIV в. изменений в экономике и социальной структуре.

С середины XIV в. начались эпидемии Черной смерти, унесшие миллионы жизней. Население Италии с 1300 по 1450 г. сократилось с 11 млн. до 8 млн. человек. Число жителей Флоренции и ее округи с 1338 по 1427 г. уменьшилось более чем в 3 раза. На треть и более сократилось население многих других городов и сельских округ. Лишь с начала XV в. отмечается медленный демографический подъем. Но и к концу XV в. общая численность населения той же Флоренции не превысила $^{1}/_{3}$ его в середине XIV в. Если средняя продолжительность жизни в 1300 г. составляла около 40 лет, то к 1400 г. она равнялась приблизительно 20 годам и к концу XV в. возросла лишь до 27 лет, т. е. люди старших возрастных групп, как правило, не выдерживали неблагоприятных экстремальных условий этого периода[2].

Из года в год повторявшиеся неурожаи вызвали массовый голод. Обезлюдели не только города, но и деревни и местечки, забрасывались поля и виноградники, плодовые сады. Нам уже приходилось подробно характеризовать оценку «кризисных явлений» XIV—XV вв. в марксистской и немарксистской историографии. Теперь практически утратили свое влияние сторонники теории «кризиса», которые усматривали в этих негативных явлениях симптомы «кризиса» всего итальянского общества, отводя в духе неомальтузианства решающую роль демографическому фактору. Утвердилась более осторожная и взвешенная оценка «кризисных явлений». Подчеркивается их ограниченный и преходящий характер, отсутствие прямой связи между Черной смертью и голодовками, неурожаями, «запустением поселений». Отмечается, что «кризисные явления» во многом определялись уровнем экономического развития региона, спецификой социального строя в этот период развития феодализма. В немалой степени неурожаи, забрасывание земель и обезлюдение поселений были следствием низкого уровня агротехники и агрикультуры, отсталости развития отдельных областей, что, в свою очередь, благоприятствовало распространению эпидемий, вызывало массовый голод.

При всей значимости «кризисных явлений» не они определяли общую направленность экономического и социального развития страны, структурные изменения в экономике города и землевладения, арендных отношениях, росте имущественной стратификации как в городе, так и в деревне, хотя в то же время

[2] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes et leurs familles. P., 1978. P. 168—200; *Fiumi E.* Popolazione, società ed economia volterrana dal catasto del 1428—1429 // Rassegna volterrana. 1972. A. 36—39. P. 91—92. 158—161; *Idem.* Demografia, movimento urbanistico e classi sociali in Prato dall'età comunale ai tempi moderni. Firenze, 1968. P. 83—90, 265—266.

было бы ошибкой их недооценивать и тем более не принимать во внимание [3].

С конца XV в. и особенно в начале XVI в. все более отчетливо стали проявляться признаки постепенного сокращения деловой активности, ослабления позиций ряда городов, тесно связанные с «революцией мирового рынка» [4] и невозможностью компенсировать изменение мировой торговой конъюнктуры, появление на сцене новых национальных государств (Франции, Англии) внутренним спросом.

В той или иной степени признаки упадка проявились в городах разных областей Италии, от севера до юга, но сильнее всего в XV–XVI вв. они выявились в Тоскане и прежде всего в ее старинной отрасли производства — сукноделии.

Правда, было бы ошибочным говорить об упадке сукноделия в целом, так как нередко те же самые мастерские переходили на выпуск иных видов тканей из другого сырья (с выпуска дорогих тонких тканей из английской и испанской шерсти на выпуск тканей сравнительно невысокого качества из местной шерсти из района Лациума–Абруццо) [5].

В XV в. наблюдался подъем шелкоткацкого производства. Здесь происходила переориентация на выпуск более дорогих тканей, причем не только во Флоренции, но и в Болонье, Асти, Венеции — «аристократизация» производства в связи с возрастанием спроса на такого рода ткани со стороны синьоров и их многочисленных придворных и чиновников синьорий.

Одновременно в Северной Италии (Ломбардии), а также в Эмилии, в округе Равенны имел место подъем ряда небольших торговых и промышленных центров, где развивались не только старые, но и новые отрасли производства, например, производство хлопчатобумажных тканей, причем нередко в него включались и сельские местечки. Однако к концу XV в. наблюдался застой и падение производства и во многих из этих новых центров (за исключением Кремоны).

Цехи все более перерождались в «наследственные» ассоциации. Так, во флорентийском цехе Лана в 1332–1350 гг. число «наследственных» членов составляло 27%, в 1371–1420 гг.— уже 72%, в 1471–1530 гг.— 89%. Постепенное «закрытие» цеха распространилось и на цехи в более мелких городах Тосканы [6].

---

[3] *Cherubini G.* La crisi del Trecento. Bilancio e prospettive di ricerche // Studi storici. 1979. N 3. P. 660—670. *Котельникова Л. А.* Аграрная история Италии XIV—XV вв. в современной западной медиевистике и концепция «кризиса» // СВ. 1977. Вып. 40; *Она же.* Итальянское крестьянство в XIV—XV вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728. Примеч. 189.

[5] *Hoshino H.* L'industria laniera fiorentina dal basso Medioevo all'età moderna: abbozzo storico dei secoli XIII—XVII. Roma, 1978; *Idem.* L'arte della lana in Firenze nel basso Medioevo: il commercio della lana e il mercato dei panni fiorentini nei secoli XIII—XV. Firenze, 1980.

[6] *Romano R.* La storia economica. Dal secolo XIV al Settecento // Storia d'Italia. Torino, 1974. Vol. 2. P. 1848 ecc.

Синьории, а затем и региональные государства стремились ограничить политические права цехов, поставив их себе на службу как производственные ячейки. Этот процесс облегчался с ослаблением ранней буржуазии и усилением патрициата. В той же Флоренции в XV в. все члены 21 цеха, платившие прямые налоги и записанные в книги коммуны, являлись гражданами города. Однако полноправными считались только те флорентийцы, чьи отцы, деды и прадеды занимали высшие должности в государстве[7].

Явления упадка и нестабильности в промышленности не означали упадка всех отраслей экономики. В эти же столетия происходило интенсивное перемещение капиталов в сферу торговой и кредитно-финансовой деятельности, активность которой была еще велика и в XVI в., причем прежде всего в Северной Италии, Генуя превратилась в крупный финансовый центр[8].

Но XIV—XV века принесли значительные перемены не только в экономике и социальном строе города Центральной и Северной Италии. Важные изменения произошли и в политической надстройке. На смену городу-государству, в котором правила пополанская верхушка через разветвленный судебно-административный и фискальный аппарат коммун, в XIII—XIV вв. почти повсеместно пришли синьории, в конце XIV — середине XV в. переродившиеся в региональные государства — своего рода территориальные княжества (принципаты). К середине XV в. практически вся Центральная Италия (за исключением республик Лукки и Сиены) находилась под властью синьории Медичи (с 1532 г. герцогство Тосканское), а Северная Италия была «поделена» между герцогствами Ломбардия и Феррара, маркизатом Мантуя, республиками Венеция и Генуя.

В историографии продолжается дискуссия о причинах и предпосылках возникновения синьории, ее политике, результатах господства синьориальных режимов. Одни ученые полагают, что едва ли стóит противопоставлять синьорию городу-республике, так как в руках олигархии издавна были ключевые позиции в управлении городом, а социальные и политические конфликты были не чем иным, как борьбой за власть отдельных представителей богатых фамилий[9]. Другие же видят в установлении синьории переход от демократии к олигархии[10]. В последнее десятилетие в зарубежной историографии получила распространение еще одна точка зрения, в соответствии с которой синьория и сменившее ее региональное государство — закономерный этап в развитии политических институтов в период, когда город, завоевав контадо и

[7] *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. С. 17.
[8] Там же. С. 3—21.
[9] *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. Firenze, 1978.
[10] *Sestan E.* Le origini delle signorie cittadine: un problema storico esaurito? // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento/A cura di G. Chittolini. Bologna, 1978. P. 53—75.

дистретто, уже не мог своими силами и средствами аппарата коммунального управления обеспечить нормальное функционирование подчиненной территории, прогрессивное развитие в рамках этих регионов. При этом сторонники подобной концепции на первый план выдвигают анализ институциональной структуры новых государств, отводя незначительную роль или вовсе элиминируя важность социальных и классовых конфликтов[11].

Историки-марксисты при объяснении причин возникновения и распространения синьории первостепенное внимание уделяют проявлениям социальных и классовых противоречий, в значительной мере заставивших господствующие классы искать «более удобные для них» формы управления, чтобы держать в узде народные массы. Вместе с тем они детально исследуют и внутренние процессы общественного развития, приведшие к утверждению синьории, ее социальную основу, эволюцию политических институтов, анализируют политику отдельных синьоров и результаты их господства.

Противоречивость в характере синьории как нового государственного образования состоит в том, что и раннюю синьорию ошибочно считать лишь формой господства феодальных сеньоров, пришедших на смену пополанской коммуне. Синьоры (а еще больше принцепсы) в своей политике проявляли прямую заинтересованность в поддержке и использовании той же верхушки пополанства, крупных торговцев и промышленников, банкиров и финансистов, в большей своей части, впрочем, являвшихся одновременно нередко земельными собственниками феодального или полуфеодального типа. Классовая база синьории расширилась на протяжении XIV в., особенно там, где центрами государств-синьорий были экономически сильные города. Наряду с этим продолжали сохраняться в той или иной мере отдельные органы коммунального управления, да и после перехода к принципату потеря их роли и влияния происходили постепенно в условиях острой борьбы различных социальных группировок. В своей деятельности правители синьорий и региональных государств стремились политикой уступок и подачек бедному люду, трудящимся, приглушить остроту классовых конфликтов[12].

Как уже отмечалось во Введении, в историографии продолжаются споры относительно итогов и перспектив развития экономики и социальной структуры Центральной и Северной Италии в XIV—XV и в непосредственно следующие за ними XVI—

---

[11] *Chittolini G.* Introduzione // La crisi degli ordinamenti... P. 7—52.

[12] *Бернадская Е. В.* Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 255—300. *Ролова А. Д.* Роль народных масс в период последней республики во Флоренции (1527—1530) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; *Она же.* Феодальная реакция и упадок Италии // История Италии. Т. 1. С. 466—504; *Рутенбург В. И.* Теория и практика итальянского абсолютизма // Европа в средние века. Экономика, политика, культура. М., 1972; *Котельникова Л. А.* Итальянская синьория в XIV—XV вв.: (Условия и предпосылки возникновения) // СВ. 1987. Вып. 50.

XVII столетия. Имело ли место вплоть до конца XVIII в. развитие раннекапиталистических форм производства, хотя и с отступлениями, когда стадии подъема перемежались экономическим спадом, либо же феодальные структуры в целом оставались господствующими и, по мнению ряда историков, даже незыблемыми?

Избранный в настоящей монографии аспект исследования проблемы «город и феодализм» сквозь призму выявления взаимовлияния и взаимодействия города и деревни поможет, как нам представляется, пролить свет и на существо общественной эволюции в XIV—XV вв. При этом, с нашей точки зрения, следовало бы обратить внимание на два обстоятельства:

1. Воздействие города на деревню не было всегда «благоприятным» для этой последней, в том смысле, что оно имело своим результатом ее перестройку в прогрессивном направлении, ускорявшим ее поступательное развитие. Порой подчинение городом деревенской округи и полнота власти города над деревней замедляли или даже препятствовали прогрессивным преобразованиям в агрикультуре, аграрном строе, рыночных связях в городском контадо и дистретто. Будучи проявлением силы города, рано сложившееся и широко распространившееся на территории контадо и дистретто городское землевладение, в первую очередь землевладение богатых пополанов, городской верхушки, предопределило во многом особенности деревенской политики города — ее непоследовательность и противоречивость, равно как и двойственность (хотя и в меньшей степени, чем в деревне) политики города по отношению к нобилям и магнатам в его стенах (что мы уже стремились показать применительно к XII—XIII вв. в предыдущей главе).

2. Деревня, точнее феодальное окружение, также не просто «со своей стороны» воздействовала на город, в чем-то чуждый ей по своей социальной природе, но все развитие самого города было тесным образом взаимосвязано с этой феодальной средой, так как город был органической частью, а не «чуждым элементом» феодальной общественной структуры.

Сказанное, как нам кажется, подтверждает важность изучения всей совокупности аграрных отношений периода XIV—XV вв. и прежде всего комплекса вопросов, связанных со спецификой землевладения пополанов. При этом нам представляется особенно интересным изучение порядков, складывавшихся как на землях крупных торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы, в той или иной степени связанных с раннекапиталистическими мануфактурами, так и в хозяйствах пополанов средней руки. Конечно, члены крупных торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы, в первую очередь крупных, «жирный народ» (popolo grasso) представляли лишь верхушку пополанства, в то время как основная часть горожан — мелкие купцы и цеховые мастера, городское чиновничество, лица свободных профессий — еще в значительной мере продолжали быть свя-

занными с традиционными формами организации производства и торговли, хотя процесс их подчинения этим компаниям, прежде всего в текстильном производстве, и достиг немалых успехов.

Однако тем более правомерно выяснить, в какой степени и в каком направлении осуществляла (или не осуществляла) преобразования в сельскохозяйственной сфере, на принадлежавших ей земельных владениях в округе именно эта верхушка пополанства, в своей промышленной деятельности прибегавшая — в той или иной форме — к передовым, раннекапиталистическим методам хозяйствования и управления, к использованию труда десятков тысяч наемных рабочих.

В XIV—XV вв. подобные компании интенсивно вкладывали немалую часть своих капиталов в земельную собственность. Каковы были причины этих инвестиций капиталов? Какую роль играли новые капиталовложения в аграрной сфере: приводили ли они к перестройке методов агротехники и агрикультуры, к изменениям в формах землепользования и аренды, в условиях арендных соглашений? Как изменялось при этом положение непосредственных производителей-арендаторов — испольщиков, аффиктариев, либелляриев?[13] На эти вопросы мы попытаемся ответить в следующей главе.

[13] Историографию вопроса см. в нашей статье: *Котельникова Л. А.* Некоторые особенности социальной природы итальянских пополанов в XIV—XV вв.: (Землевладение торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы) // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 125—127.

Глава вторая

ПОПОЛАНЫ. ИХ ХОЗЯЙСТВО НА ЗЕМЛЕ

Городское землевладение возникло не в XIV в. Горожане-землевладельцы были влиятельной силой раннесредневекового города в Италии в IX—X вв. В XII—XIII вв. после блестящих успехов в борьбе многих городских коммун со своими противниками — нобилями контадо, разрушения сотен феодальных замков и насильственного переселения в город их владельцев значительная часть земель перешла в руки городской коммуны и отдельных пополанов. «Исключительное развитие» итальянских городов в период расцвета феодализма не просто *дополнялось*, оно органически *сочеталось* с исключительным распространением городского землевладения. Последнее обстоятельство уже тогда в немалой степени определяло особенности политики итальянского города в вопросах освобождения колонов и сервов, конфликтов крестьян-держателей и арендаторов с их сеньорами, торговли в

городе сельскохозяйственными продуктами, продовольственной политики города и др.

Происходившее в постепенно возрастающем ритме «движение в деревню» переживало своего рода «пик» во второй половине XIV—XV вв., когда в него все более активно включались крупные фамилии и средние пополаны, движимые как престижными соображениями, так и озабоченные (в массе своей) необходимостью иметь базу для самообеспечения продовольствием (проблема эта приобрела особую остроту в условиях многолетних неурожаев, массового голода и эпидемий XIV в.). Не последнюю роль в такой ситуации (особенно для крупных фамилий) играла выгодная возможность получать немалые доходы от продажи по высоким ценам сельскохозяйственной продукции их имений. Безусловно, компании стремились приобрести и новые объекты для ростовщических и торговых сделок и спекуляций.

В изучаемые столетия место и роль землевладения пополанов прежде всего в Тоскане, но в немалой степени и в северных областях Италии были значительны и весомы как никогда прежде. Переход земель в руки горожан в XIV—XV вв. привел к существенным переменам в самой структуре землевладения и крестьянско-сеньориальных отношений.

В самых общих чертах их можно охарактеризовать следующим образом. Традиционную сеньорию, спецификой которой в Северной и Средней Италии была незначительная барская запашка, соответственно небольшая роль полевой барщины в системе повинностей зависимого крестьянства, преобладающую группировку которого составляли наследственные или долгосрочные держатели (либеллярии и эмфитевты), обладавшие значительной личной свободой и широкими правами на держания, приближавшимися к фактической собственности[1], сменила срочная аренда. Срочные арендаторы (испольщики и аффиктарии), платившие фиксированный на время действия договора денежный, натуральный либо смешанный чинш, не имели на арендуемый участок никаких прав, которые сколько-нибудь напоминали бы права либелляриев и эмфитевтов на их держания. Они не только не могли их отчуждать (дарить, продавать, закладывать), но были лишены и права на хозяйственное использование участка по своему усмотрению в течение срока аренды, возможностей производить даже минимальные агротехнические преобразования, если таковые не были специально обусловлены договором и не осуществлялись по желанию и указанию собственника[2].

Известно, что пути развития срочной аренды в Италии XIV—XVI вв. и в первую очередь в ее передовой тогда области — Тоскане существенно отличались от того направления перестройки деревни, которое имело место в Англии или Северной

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 362—363.
[2] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв.: (По материалам Средней и Северной Италии). М., 1967. С. 275—285.

Франции. Предпринимательская фермерская аренда с широким применением наемного труда, в рамках которой в других регионах Европы происходил генезис капиталистических отношений в сельском хозяйстве, не получила вплоть до середины XVIII в. в большей части Италии (а в Тоскане и позже) заметного распространения. Крупная аренда на орошаемых землях с применением наемного труда появилась в Северной Италии в конце XV в., но и здесь перестройка арендных отношений растянулась на два-три столетия. Маркс отмечал, что капиталистическая аренда «общим правилом» может стать лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке, и что степень развития капиталистических отношений в земледелии определяется их развитием *вне* пределов сельского хозяйства [3].

В Италии же и в первую очередь в Тоскане вторая половина XV в. и начало XVI в. характеризовались начинавшимся спадом промышленного производства в ведущих прежде отраслях и, хотя, как показывают новые исследования (о чем говорилось выше), полностью новые формы мануфактурной организации промышленности не исчезли в Тоскане и в XVII в., проявления феодальной реакции в той или иной степени имели место и в экономике, и в социальной жизни, и в политической организации общества.

Спецификой аграрного строя Тосканы на столетия стало господство мелкокрестьянской испольщины, «переходной формы от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте», с участием в издержках производства как арендатора, так и собственника. «...Существенное заключается в том,— писал Маркс,— что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал» [4].

Испольщина прежде всего и в наибольшей степени получила распространение на землях горожан. Исключительно быстрый рост городского землевладения в XIV—XV вв. происходил за счет сокращения земельного фонда, принадлежавшего церковным учреждениям и клирикам, а также нобилям, но в наибольшей степени в результате лишения земель многих мелких и средних собственников и наследственных держателей: либеллариев, колонов и сервов, их влиятельных организаций — сельских коммун.

Процессы имущественной дифференциации, концентрации земельных богатств в руках сравнительно немногих фамилий,

---

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 363.
[4] Там же. С. 367.

в первую очередь пополанских, шли рука об руку с обезземелением обедневших крестьян и мелких землевладельцев, проживавших в городе и крепостях, полугородских-полудеревенских поселениях, а также за их пределами.

Потеря земельных участков мелкими собственниками, равно как и держательских прав либелляриями, весьма часто происходила от непосильного бремени разного рода долговых обязательств, задолженностей по чиншам, ипотеке, выкупным платежам и т. п.

В 1281—1356 гг. монастырь Пассиньяно — крупнейший земельный собственник в округе Флоренции — согнал с держаний более 100 крестьян (либбелляриев и аффиктариев), имевших задолженности по чиншам. В актах вынужденной продажи ими земель монастырю говорится, что многие земледельцы переселились в Сиену, Сан Джиминьяно, Кьянти, Колле Вальдельсу и другие районы Флорентийской и Сиенской округ. Нередко отмечается, что на месте прежних мелких держаний теперь образованы подере[5].

Денежные ссуды ростовщиков крестьянам под залог платежей из будущего урожая зерна, оливкового масла, виноградного сусла, шафрана получили особенно широкое распространение в тосканской деревне в конце XIII—XIV в., о чем свидетельствуют многочисленные протоколы городских нотариев. Поскольку цены на эти продукты оговаривались заранее, причем обычно они были в 1,5—2 раза ниже средних рыночных, сделка позволяла ростовщикам извлекать немалые прибыли. Тем более, что порой договор обусловливал поставки продуктов на 6—8 лет вперед. Должника, который оказывался не в состоянии поставить в срок обозначенные в договоре продукты, ожидали суровые наказания; секвестр его имущества в качестве гарантии выплаты долга и процентов, а порой и тюремное заключение. Часто имущество несостоятельного должника переходило в руки кредитора[6]. В государственном архиве Флоренции имеется немало свидетельств о продаже в дистретто в XV в. земельных участков, принадлежавших горожанам, нередко ремесленникам — должникам. Подчас горожанин-должник был настолько беден, что не мог вернуть 2 стайя (около 50 кг) зерна или долг в 2—3 десятка сольди за пару чулок или ботинки. В случае неуплаты долга его ожидала тюрьма. Многие рукописи содержат соответствующие постановления городских чиновников[7]. Земли должников коммуна обычно продавала богатым горожанам. Порой покупателем был и крупный землевладелец — городской госпиталь Санта Мария Нуова[8].

---

[5] *Conti E.* La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino. Firenze, 1965. Vol. 1. P. 297—308; 313—317.

[6] *Fiumi E.* Attività usuraria dei mercanti sangimignanesi nell'età comunale // ASI. 1961. D. 1. P. 154—156.

[7] ASF. Diplomatico. Santa Maria Nuova. 8 genn. 1395, 16, 22 ag. 1396, 2, 24 dic. 1409, 9 dic. 1423 ecc.

[8] Ibid. 2 mar. 1452, 30 apr. 1433, 30 apr. 1457.

Во множестве пергаменов той же коллекции Флорентийского архива идет речь о купле-продаже многочисленных земель (от подере до мельчайших парцелл) и домов в контадо и дистретто Флоренции, а также в границах города, осуществлявшихся горожанами и жителями округи — ремесленниками, банкирами, торговцами, служащими городских учреждений[9].

Оборотной стороной процесса обеднения и обезземеления мелких собственников и наследственных держателей была концентрация земельной собственности в руках прежде всего богатых горожан (в том числе и проживавших в городе фамилий нобилей), частично церковных учреждений, а также богатой верхушки в сельских коммунах (в ее составе нередко были и жители близлежащих городов, владевшие землями на территории коммуны). Некоторые статистические данные о распределении земельной собственности в XIV—XV вв. в Тоскане свидетельствуют о значительном сокращении мелкого и среднего крестьянского землевладения (особенно в XV в.), быстром росте земель, находившихся в руках немногих крупных собственников, чаще всего горожан.

В дистретто Сиены уже в начале XIV в. (1320—1330 гг.), по данным поземельной описи, в руках 5,3% городских собственников оказалось 42,6% всех земель. Это были наиболее крупные магнатские семьи, тесно связанные с кредитно-ростовщическими и банковскими операциями: Толомеи, Малавольти, Салимбени и другие, а также купеческие фамилии. В то же время 47% мельчайших собственников имели недвижимости не более чем на 20 лир[10]. Более высокая концентрация богатства прослеживается в непосредственно прилегавших к городу районах.

Довольно любопытна и социальная природа собственников в разных районах. В поселениях, близких к городу, горожане-землевладельцы составляют в среднем 47,55%, крестьяне или другие жители контадо — 32,59%, церковные учреждения — 18,5%. Сельским коммунам принадлежало лишь 1,36% земельной собственности. В отдаленных (более чем на 10 км от города) селениях 50,1% собственников являлись горожанами, 13,3% — церковными учреждениями, 10,85% — крестьянами. Коммунам там принадлежало 5,7% земельной собственности. Таким образом, социальная принадлежность земли различается мало, процент горожан на более отдаленных от города землях даже выше, а коммуны сохранили в своей коллективной собственности несколько более высокий процент земель[11].

---

[9] Ibid. 14 mar. 1400, 13 febbr. 1402, 9 mag. 1443, 22 mar., 22 mag. 1478 ecc.

[10] *Cherubini G.* Signori, contadini, borghesi. Firenze, 1974. P. 247—249, 259, 302—303.

[11] Приведенные итоговые подсчеты сделаны нами на основании таблиц, составленных в результате изучения упомянутой поземельной описи Дж. Ф. Индриции, А. Лаки, П. Бьяджини, Ч. Мандриани, Л. Конти, А. Кальделли, Дж. Таккетти, В. Джеллы и Л. Лоренцетти под руководством проф. Дж. Керубини. См.: RSA. 1974. N 2. P. 5—176.

В 15 виллах дистретто Имолы, сведения о которых содержатся в эстимо[12] 1312 г., к низшему разряду налогоплательщиков (сумма эстимо которых колебалась от 1 до 3 лир) принадлежало 74,7% населения. Размер их эстимо составлял 35,09% от общей суммы. К высшему разряду (обязанных платежами от 12 до 16 лир и более) причислялось 4,52% жителей, которые должны были уплачивать 23,15% всей суммы эстимо. Как видим, и в округе этого сравнительно небольшого североитальянского города уже в начале XIV в. налицо преобладание обедневших налогоплательщиков при выделении пока еще сравнительно небольшой богатой прослойки. Заметим, однако, что в данном случае средние цифры по дистретто в целом скрывают большие различия в отдельных виллах[13].

Налоговые описи (кадастры) крупной сельской коммуны, а позже небольшого городка Кьери (область Турина) начала XIV—XV в.[14] ярко свидетельствуют о постепенно нараставшей имущественной дифференциации среди жителей. Уже ранняя опись 1311 г. дает возможность убедиться в бедности значительной части членов коммуны. Пахотными участками размером до 1 джорнаты и в 1 джорнату[15] владели 35,33% жителей; от 1 до 3 джорнат (т. е. около и чуть больше 1 га) — 51,56%. И только 12,11% кьерийцев были собственниками участков, превышавших 3 джорнаты. Вместе с тем этим последним уже тогда принадлежало 46,14% земель, в то время как собственники парцелл размером от 1 до 3 джорнат владели в общей сложности 45,97% пашни (хотя по численности они в четыре раза превышали представителей зажиточной группы). Что же касается наиболее бедной части кьерийцев, которые владели участками до 1 джорнаты включительно, то им в общей сложности принадлежало лишь 7,89% пашни.

Дробление участков и соответственно обеднение подавляющей части жителей Кьери явственно просматривается в налоговых описях последующего времени. Так, в 1327 г. средний размер парцеллы уменьшился с немногим более 3 джорнат до 2,2 джорнаты. Но, конечно, важны не средние цифры, а анализ земельного богатства у представителей разных группировок. Земельными участками менее 1 джорнаты и в 1 джорнату владели 43,56% кьерийцев, их численность в абсолютных цифрах возросла с 1452 до 2348 человек, но им принадлежало лишь 13,16% пашни.

---

[12] Эстимо — определенный коэффициент от суммы имущества того или иного лица, на основании которого устанавливался размер налога. Так же именовалась и сама налоговая опись.

[13] Подсчеты сделаны нами на основании эстимо дистретто Имолы, опубликованного в приложении к книге: *Pini A. I.* La popolazione di Imola e del suo territorio nel XIII e XIV secolo. Bologna, 1976. Ap. V. P. 191—202.

[14] *Rotelli C.* L'economia agraria di Chieri attraverso i catasti dei sec. XIV—XVI. Milano, 1967. К. Ротелли составил ряд таблиц на основе изучения им кадастров. Мы использовали эти таблицы и выводы автора, иногда лишь несколько перегруппировав и подытожив отдельные рубрики.

[15] 1 джорната = 0,36 га.

От 1 до 3 джорнат имели около половины жителей городка (49,34%), в их руках находилось 52,09% пашни. Сверх 3 джорнат имели теперь 7,1% жителей, их численность за 16 лет уменьшилась с 484 до 383 человек, но не намного уменьшилась доля их пашни — до 34,75%. Налицо, как видим, рост поляризации богатства в коммуне и при этом дальнейшее дробление участков: около 2/3 их не достигают и 1 га. Примерно та же дифференциация наблюдается и во владении лугом и лесом[16]. Очевиден тот факт, что большинство жителей Кьери владели такими мелкими участками, что доходов от ведения сельского хозяйства явно не могло хватить на существование владельца и его семьи. Видимо, не случайно среди жителей коммуны было распространено текстильное ремесло[17]. Значительная имущественная поляризация видна из кадастра Кьери, составленного в 1437 г. Большинство жителей (опись включает половину населения городка) принадлежит к наименее обеспеченным людям. Свыше 38% владеют землей менее 2 га, у 83,89% земельные участки не достигают 10 га, 132 жителя имеют земли величиной от 10 до 50 га, 17 — от 50 до 100, 12 — свыше 100 га. В руках наиболее зажиточных и богатых кьерийцев (владельцев более 50 га) теперь еще бо́льшие земельные площади, чем 100 с лишним лет назад — 37,23% земель, в то время как на долю владельцев до 10 га остается 31,61% (владельцы до 1 га имеют 1,44% всей площади)[18]. Итак, можно констатировать дальнейшую концентрацию земельной собственности и рост численности менее обеспеченных землей групп (впрочем, выскажем предположение, что это не всегда только крестьяне; вполне вероятно в создавшейся ситуации, что крестьянский труд они совмещали с ремесленными занятиями).

В 1427—1429 гг. была проведена перепись всего населения Флорентийской республики для составления кадастра — налоговой описи, в которой учитывались недвижимое и движимое имущество семьи. При этом недвижимость оценивалась по ее фактической стоимости, исходя из величины годового дохода с подере, принятого за 7% от стоимости этой недвижимости. Обложению подлежали все доходы, помимо той суммы, которая считалась необходимой для воспроизводства хозяйства и существования семьи облагаемого лица (т. е. стоимости дома, хозяйственной и домашней утвари). Минимальный размер имущества, с которого взимался налог, составлял сумму в 200 золотых флоринов[19].

Кадастр дает возможность представить картину распределения не всего богатства, а его облагаемой части. Но и это немало,

---

[16] Ibid. P. 21—27. Tavola 7—14.

[17] Ibid. P. 2; ср. *Nada Patrone A. N.* Statuti dell'arte del fustagno di Chieri. Torino, 1966. P. 5 ecc.

[18] *Rotelli C.* Op. cit. P. 36—38.

[19] Подробнее о принципах составления флорентийского кадастра 1427 г. и других итальянских кадастров и эстимо см.: *Conti E.* La formazione della struttura agraria nel contado fiorentino. Roma, 1966. Vol. 3, pt. 1. P. 21—131.

так как благодаря такому уникальному источнику мы можем себе представить имущественное состояние (с указанными оговорками) почти 260 тыс. человек: из них 38 тыс. населяли Флоренцию, 26 тыс. проживали в более мелких городах с населением свыше 3 тыс. человек и более: Пизе, Пистое, Ареццо, Прато, Вольтерре, Кортоне[20].

Во Флоренции, где проживало в 1427 г. 14% всех жителей Тосканы, было сосредоточено 67% облагаемого имущества региона. В среднем на душу населения там приходилось 273 золотых флорина — в 3 раза больше, чем в Пизе, и в 20 раз больше, чем на одного селянина Тосканы. Шесть других крупных городов Тосканы располагали 14% облагаемой недвижимости. Сельские же жители, преимущественно крестьяне, которые составляли $^{2}/_{3}$ всего тосканского населения, владели лишь 27% земли[21].

Однако средние цифры доходов на душу населения, которыми так увлекаются в немарксистской историографии, не могут прояснить картину распределения имущества в том же городе или его округе, они лишь затушевывают имущественное неравенство среди горожан и среди жителей округи, противопоставляя первых вторым как «богатых» — «бедным».

В то же время и в самой Флоренции, по данным кадастра 1427 г., имущественная дифференциация зашла достаточно далеко. Об этом свидетельствуют данные сплошного статистического обследования кадастра, проведенного с помощью математических методов под руководством того же американского историка проф. Д. Херлихи и французской исследовательницы проф. К. Клапиш-Зубер. 31% домохозяйств флорентийцев не владел даже минимумом имущества, которое подлежало обложению в кадастре, т. е. их облагаемое имущество не достигало 200 золотых флоринов. В то же время 1% наиболее богатых семей (примерно сотня семей в городе) располагал более чем $^{1}/_{4}$ всего городского имущества, или $^{1}/_{6}$ имущества во всей Тоскане. Эти семьи владели таким же количеством имущества, которое принадлежало 87% наиболее бедных их сограждан и 37 тыс. семей, обитавших за пределами города. В руках 3 тыс. наиболее богатых флорентийских фамилий (5% всего населения города) сосредоточилось столько же имущества, скольким обладали 57 тыс. налогоплательщиков всего флорентийского дистретто.

Наиболее богатой семьей Флоренции был клан Строцци, 53 налогоплательщика, принадлежавших к этой фамилии, владели каждый около 3724 золотых флоринов. Строцци принадлежало 2,6% всего городского имущества; 60 представителей клана Барди владели 2,1% всего городского богатства; 31 налогоплатель-

---

[20] *Herlihy D.* Le relazioni economiche di Firenze con le città soggette nel sec. XV // Egemonia fiorentina ed autonomie locali nella Toscana nord-occidentale del primo Rinascimento: vita, arte, cultura. Atti del Convegno 18—25 septembre 1975. Firenze, 1979. P. 81—95.

[21] Ibid. P. 86—88.

щик из фамилии Медичи — 1,9%; 18 глав фамилии Альберти — 1%, 24 главы семей Альбицци — 1%; 28 семей клана Перуцци — 1,1%. Названные шесть фамилий в целом владели более чем 10% всего облагаемого имущества во Флоренции в 1427 г.[22]

Немалая имущественная дифференциация в начале XV в. существовала и в других, менее крупных городах Тосканы. Так, по данным кадастра 1428—1429 гг. Прато около половины населения города владели имуществом до 20 золотых флоринов, т. е. считались бедными (им принадлежало всего 3,5% недвижимости в округе). В то же время более 60% имущества владели примерно 12% богатых семей, размер состояний которых колебался от 500 до 3000 золотых флоринов[23].

В городе и предместьях Вольтерры, по данным кадастра 1428—1429 гг., 5,9% пополанов принадлежало 65% всего имущества, причем на долю шести богатейших пополанских семей Феи, Рикобальди, Броккарди, Липпи, Инконтри, Марки, тесно связанных с местной торговлей и сукноделием и владевших имуществом на общую сумму свыше 3 тыс. золотых флоринов каждая, приходилось 21,7% городского богатства[24].

Значительная имущественная дифференциация прослеживается и в сельских коммунах Тосканы в XV столетии. Так, в Северных Апеннинах в начале века 9,7% богатых семей владели землями стоимостью свыше 500 лир (т. е. 125 золотых флоринов), в то время как более половины жителей (54%) располагали землями на сумму не свыше 100 лир (25 золотых флоринов)[25].

Таким образом, процесс имущественной дифференциации, в том числе и в распределении недвижимого имущества и прежде всего земельной собственности, зашел достаточно далеко и в округе метрополии — Флоренции, и в контадо и дистретто более мелких городов. Он не миновал также и удаленные от крупных городов, располагавшиеся в предгорьях Апеннин сельские коммуны. Не оказались в стороне и коммуны приморской заболоченной области — Пизанской Мареммы, где главным богатством (до 70—80% всего имущества) был крупный рогатый скот (буйволы, быки, коровы), шедший на продажу в соседние и более далекие области Италии.

В нашем распоряжении оказались хранящиеся в Государственном архиве Флоренции, в фонде богатой нобильской пизанской семьи Герардеска эстимо коммуны Болгери. В 1427 г. суммой до 5 лир эстимо располагали 61,53% семей коммуны, которым принадлежало, однако, лишь 14,03% имущества, записанного в эстимо. Зато на долю тех, кто располагал суммой эстимо в раз-

---

[22] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes et leurs familles. P., 1978. P. 251—252.

[23] *Fiumi E.* Demografia, movimento urbanistico e classi sociali in Prato dall'età comunale ai tempi moderni. Firenze, 1968. P. 114—128.

[24] *Fiumi E.* Popolazione, società ed economia Volterrana dal catasto del 1428—1429 // Rassegna Volterrana, 1972. A. 36—39. P. 94—160.

[25] *Cherubini G.* Signori, contadini, borghesi... P. 130—132.

мере от 6 до 15 лир и более приходилось 85,97% от всей суммы, записанной в эстимо. Численность же этой категории была менее 40% семей. В эстимо, составленном в 1428 г., возросло число бедных очагов, сумма эстимо которых была менее 5 лир, их стало более чем 70%. Имущественная дифференциация в коммуне Болгери прослеживается весьма явственно по эстимо 1462, 1463, 1471 гг. Наиболее бедные (размер их эстимо до 20 лир) составляли здесь соответственно 30,56; 19,44 и 13,79% очагов. В то же время самые богатые слои (их эстимо свыше 150 лир) располагали 27,54; 41,69 и 51,5% имущества, записанного в эстимо, по численности же эта группа составляла 5,56; 16,67 и 17,24% очагов.

Любопытные результаты дала также попытка проследить характер миграции жителей коммуны за 1463—1471 гг. Выяснилось, что в 1471 г. продолжали проживать на территории коммуны все семьи, эстимо которых составляло более 100 лир и, наоборот, покинули коммуну 6 из 7 семей, располагавших менее чем 20 лирами. По возрастному и семейному составу наиболее состоятельными оказались не молодые семьи, а семьи, состоявшие из работников в возрасте 31—50 лет и располагавшие 4—5 работниками в семье и либо не имевшие малолетних детей или же имевшие лишь 1—2 детей.

Таким образом, более оседлыми и зажиточными были семьи, состоявшие из нескольких взрослых крепких работников, достигших зрелого возраста. Неимущие или бедные, имевшие нескольких малолетних детей молодые семьи оказывались (были вынуждены стать) более мобильными, не остающимися подолгу на одном месте, часто меняющими свое местожительство [26].

Ускорение процессов поляризации и концентрации земельной собственности в руках горожан привело к тому, что к началу XVI в. в крупнейшем городе Тосканы Флоренции около 40% горожан владели более 60% общего земельного фонда в дистретто и городе (в стоимостном выражении), в то время как 15% церковных собственников владели немногим более 20% земель. Сельские жители, в большинстве своем крестьяне, имели чуть более 17% земель, хотя эта группа по численности равнялась горожанам и церковным собственникам вместе взятым [27].

И все же в первой половине XV в. в округе той же Флоренции, несмотря на значительную продвинутость мобилизации земельной собственности, обеднение и потери земли мелкими и средними земельными собственниками и наследственными держателями, подобные процессы были еще далеки от того, чтобы привести к полному исчезновению этой категории. По данным уже упомянутого кадастра 1427 г. в округе Флоренции еще бо-

[26] ASF. Gherardesca. Armadio. A. F. VII.
[27] *Demarco D.* La struttura economico-sociale del Mugello nei secoli XV—XVI // La poesia rusticana nel Rinascimento. Roma, 1969. Vol. 1. P. 130.

лее 56% налогоплательщиков имели собственные дома и земельные участки [28].

И тем не менее тенденцией развития было не сохранение и укрепление мелкой собственности [29], а ее сокращение, продолжение имущественной дифференциации и поляризации богатства. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что не так уж редко собственники одних участков одновременно были арендаторами других (мы с этим явлением встретимся еще не раз в ходе дальнейшего изложения). В том же дистретто Флоренции (опять же по данным кадастра 1427 г.) около 1/4 испольщиков имели и собственные участки.

Не исчезли полностью в XV столетии и либеллярные держания, особенно на церковных землях, что мы увидим ниже. Очевидно, этим же обстоятельством можно объяснить и то явление, что заключению договора о срочной аренде не обязательно предшествовал сгон с держания прежнего съемщика. Подчас договор о либеллярном или ином наследственном держании непосредственно трансформировался в договор о срочной аренде, хотя и сохранял наименование либеллярного. Его условия, как правило, существенно менялись по сравнению с предшествующим периодом: собственник вмешивался во все виды хозяйственной деятельности держателя; последний без согласия сеньора не мог произвести какую-либо замену культур, ввести иной способ обработки участка, высадить новые плодовые деревья или виноградники или срубить их и т. п. Иногда собственник земли принимал участие в расходах по обработке участка, и тогда либеллярный договор приобретал некоторые черты, сходные с «классической испольщиной» [29а], а грань, отделявшая срочного арендатора от прежнего наследственного держателя, становилась все более зыбкой. И все же существенное различие оставалось.

Концентрация земель в руках состоятельных и богатых фамилий, в первую очередь, горожан, сопровождалась существенными переменами не только в структуре собственности, но и во владении землей: происходило укрупнение многочисленных мелких участков прежних собственников и наследственных держателей и образование довольно крупных (до 10 га и более) компактно расположенных замкнутых комплексов — подере (podere). Впрочем, образование и распространение подере не означало исчезновения мелких парцелл. Последние нередко примы-

---

[28] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes... P. 268—269.

[29] Те же Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер из приведенных данных делают вывод о прочности именно в XV в. положения мелких собственников и арендаторов в противовес неустойчивому статусу и значительному отягощению повинностями либеллариев прошлых столетий, с чем никак нельзя согласиться. Ср. *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes... P. 268—269.

[29а] Statuto di Arezzo (a. 1327)/A cura di Camerani Marri. Firenze, 1946. L. 3. Rubr. 26, 27, 35; *Prunai M.* Il livello nei documenti toscani dal sec. IX alla legislazione Leopoldina. Milano, 1970. Ap. N 35 (a. 1300), 36 (a. 1326) ecc.

кали к подере и сдавались в аренду тому же лицу вместе с подере, но могли быть и самостоятельным объектом аренды. Любопытно, что если на протяжении XIV — середины XV в. шел бурный процесс формирования подере, то со второй половины XV в. параллельно ему развивалось явление нового дробления подере на парцеллы. Все чаще в аренду сдавалась группа парцелл, причем порой отмечалось, что образовались они именно от разделения прежнего подере.

Чаще мы сталкиваемся с этим процессом в церковном землевладении либо же на землях горожан, расположенных в непосредственной близости от города и сдаваемых не в «классическую испольщину», а в парцеллярную испольщину или в аффикт (см. ниже).

О глубине структурных перемен на землях горожан свидетельствовал индекс распространения подере (appoderamento). В начале XIV в. в Сан Джиминьяно, городке, расположенном в 25 км от Сиены, подере составляли $^{1}/_{4}$ всех земель по площади и 62% по их доходности. По подсчетам Э. Конти, в XV в. в округе Флоренции индекс распространения подере колебался между 40 и 80. В начале XVI в. он еще более возрос, особенно на землях горожан, в непосредственной близости к Флоренции.

В горных областях, где по-прежнему преобладала крестьянская собственность, процесс образования подере достиг незначительных результатов: в Казентино в начале XVI в. крестьяне владели более чем половиной всех земель, горожане — 36,2%, церковь — 13,6%. Индекс подере составлял 21 [30].

Источником образования подере, как уже отмечалось, были главным образом небольшие участки, принадлежавшие мелким собственникам или наследственным держателям [31]. Частично подере образовывались на прежних домениальных землях церковных учреждений, которые теперь раздавались в аренду. Впрочем, общий процент домениальной пашни и в составе церковных владений был невелик, за исключением цистерцианского аббатства в Сеттимо и аббатства Валломброза в округе Флоренции. Домен был занят обычно виноградниками и пастбищами и лишь иногда зерновыми культурами. Но и здесь доходность домениальных земель никогда не превышала доходность земель, розданных в аренду или держания. В XIV—XVI вв. и эти оставшиеся домениальные владения в большинстве своем были розданы в аренду [32].

---

[30] *Conti E.* La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino. Roma, 1965. Vol. 3, pt 2. P. 349—394, 407.

[31] Э. Конти нарисовал выразительную картину образования подере из мелких и мельчайших участков, принадлежащих прежде либелляриям аббатства Пассиньяно. См.: *Conti E.* La formazione... Vol. 1. P. 298, 306—308.

[32] *Jones Ph. J.* From manor to mezzadria a tuscan case: Study in the medieval origins of modern agrarian society // Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence/Ed. by N. Rubinstein. L., 1968. P. 206—226.

Хозяйство на подере велось по принципу поликультуры: зерновое производство, составлявшее обычно его основу, сочеталось с разведением винограда и олив, высаживаемых отдельно на прилегающих к центральному подере парцеллах либо, чаще, в междурядьях зерновых и бобовых и по краям поля. В составе подере нередко бывали и пустоши, что порой значительно увеличивало площадь подере, особенно на холмистых и гористых участках.

Как уже говорилось, аренда на подере (подере сдавались преимущественно в медзадрию, но иной раз, как правило на церковных землях, и в аффикт) не исчерпывала собой все виды срочной аренды в Центральной и Северной Италии в изучаемые столетия.

Немалое распространение получила аренда парцелл, будь то испольщина либо аффикт. Парцеллы нередко занимались монокультурой: виноградниками, садовым участком, пахотным полем, лугом, группой оливковых или иных плодовых деревьев. Площадь парцелл была в десятки, а то и в сотни раз меньше площади подере. На подере обычно проживала одна семья арендатора, которая и должна была получать согласно условиям договора с остававшейся в ее распоряжении доли урожая все необходимое для своего пропитания и существования, т. е. идея самообеспечения была как бы заложена в системе подере. Порой на подере проживали две-три семьи арендаторов, но платежи были общими. Не исключались и случаи, когда на одном подере продолжали оставаться с родителями взрослые женатые сыновья со своими детьми. Работы на обширных участках, трудно поддающихся обработке, всем хватало и, более того, способствовало сохранению домовой общины.

Арендаторами парцелл, напротив, нередко были соседи-испольщики, проживавшие на граничившем с данным участком подере, но часто они являлись жителями укрепленных поселений или хуторов, расположенных по соседству, а также горожанами.

Жилища арендаторов на парцеллах встречаются редко, между тем как на подере имелся, как правило, дом для проживания семьи испольщика, а подчас и дом для сеньора, который наведывался на подере от случая к случаю: обычно после сбора урожая, чтобы проконтролировать «правильный» его раздел и по другим надобностям. Но большую часть года сеньор-горожанин, естественно, проводил вне подере. Но и на подере далеко не всегда мы встречаем дома для арендаторов: вероятно, в этом случае их труд на подере не был главным видом их деятельности.

В XIV—XV вв. ведущей тенденцией развития арендных отношений в Центральной и отчасти Северной Италии было распространение испольщины на землях горожан. Уже из упоминавшейся нами поземельной описи в контадо Сиены, составленной в 1316—1317 гг., видно, что по площади арендуемых земель испольщина господствовала на землях горожан почти во всех

районах, за исключением тех, которые непосредственно примыкали к Сиене. Там медзадрия уступала место частично аффикту, а частично тому типу хозяйства, когда собственник ведет его непосредственно, используя труд членов своей семьи, а также поденщиков. На расстоянии более 10 км от Сиены медзадрия всюду во владениях горожан преобладала [33].

Чем объясняется это своеобразное «разделение» территории между аффиктом и медзадрией, которое вовсе не было специфическим лишь для сиенской округи? Мы увидим далее, что и в контадо Флоренции на всем протяжении XIV в., да и в XV в. вблизи города аффикт, как правило, если и не преобладает, то имеет довольно широкое распространение. Дж. Керубини объясняет сравнительно меньшее здесь распространение испольщины следующими соображениями. Очевидно, именно в городских предместьях сохранилось еще немалое число мелких городских и сельских собственников земель, а также представителей типа своего рода переходного между ремесленником и крестьянином-собственником. Вполне возможно, что земли, располагавшиеся поблизости от городского рынка, оказывались более доходными, будучи сданными именно в аффикт, а не в испольщину. Эти же факторы соседства города, по-видимому, влияли и на предпочтение, которое оказывал землевладелец средней руки или богатый пополан, построивший там же собственную виллу и привлекавший для обработки соседних земельных участков наемных работников и домашних слуг.

Согласно той же сиенской описи начала XIV в. церковные корпорации предпочитали сдавать свои земли в аффикт, жители же округи, в большинстве своем мелкие и средние собственники, вели хозяйство преимущественно собственными силами, спорадически привлекая поденщиков [34].

К сожалению, применительно к XIV в. в нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы установить количественное и процентное соотношение разных видов срочной аренды в контадо Флоренции. Тем не менее многочисленные и разнообразные документы (нотариальные акты, счетные книги, «памятные записи» пополанов и церковных учреждений, статуты городов и сельских коммун) свидетельствуют о широком распространении испольщины в округе Флоренции уже в этом столетии, так же как и в округах ряда соседних городов, в первую очередь на землях горожан.

Что же касается XV в., то мы располагаем здесь довольно точными данными об удельном весе и распространении медзадрии во всем контадо и дистретто Флоренции благодаря обширному статистическому исследованию кадастра 1427 г., проведенному группой историков под руководством Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер, о чем уже говорилось выше. Результаты этого исследова-

---

[33] BSA. 1974. N 2. P. 5—176.
[34] *Cherubini G.* Signori, contadini... P. 299—301.

ния, пожалуй, несколько неожиданны, так как в целом они не свидетельствуют о преобладании аренды исполу среди других форм владения и аренды, как это можно было проследить по описи сиенских земель, но географическое распределение медзадрии показательно и здесь и направленность его та же.

В 1427 г. исполу арендовали землю 25,3% хозяйств в контадо Флоренции.

✓Картина распространения испольщины во Флорентийской республике весьма любопытная. Аренда исполу господствовала в центре округи, прежде всего к югу от Флоренции, в зоне холмов средней величины, в районах наиболее высокой концентрации населения, а также к северу от Флоренции, вплоть до Муджелло. Она встречалсь реже к западу и северо-западу от Прато и почти не имела места в окрестностях Пистои. Очень редко испольщина была в районах вне контадо Флоренции: в Тосканской Маремме, горных областях Пистои, к северу от Ареццо [35]. ✓

К сожалению, авторы не ставили своей задачей проследить распространение медзадрии в зависимости от социального статуса собственников земель и форм испольщины — парцеллярной или подеральной.

Подсчеты распределения ареалов испольщины и аффикта отдельно на землях пополанов и церковных собственников, проведенные Э. Конти в 12 избранных им зонах контадо Флоренции на основе доходности их владений (в золотых флоринах), зафиксированной в том же кадастре 1427 г., свидетельствуют, что испольщина господствовала на землях горожан, в то время как на землях церкви, особенно близко расположенных от Флоренции, был широко распространен, а подчас и господствовал аффикт.

В 1498 г., по материалам «Десятины», испольщина еще более расширила свою зону распространения в контадо, хотя повсеместного господства ей достичь «не удалось» [36].

Изучение Б. Казини кадастра Пизы 1428—1429 гг. и эстимо начала XV в. показало иные результаты: на землях, сдаваемых в аренду богатыми пополанами Пизы из фамилий Веккьяно, Санкашано, Лавайяно, испольщина (в основном парцеллярная) занимала не более 10% участков, а подавляющее большинство владений сдавалось в аффикт, причем не в натуральный, а в денежный, и очень редко — в либеллярную аренду. В этой зоне весьма доходными были виноградники и посадки олив в районе коммуны Кальчи на землях купца и банкира Гаспаре да Лавайяно: в начале XV в. они приносили 14—15%, а порой до 20% ежегодного дохода. Участки пашни были менее доходными (6—9%). Сравнительно высоким было и обложение аффиктариев:

---

[35] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes... P. 269—271.

[36] *Conti E.* La formazione della struttura agraria moderna... Vol. 3, pt. 2. Passim.

с одного стайоро виноградника поступало 0,4—0,5 флорина[37].

Какова была специфика испольщины и аффикта во владениях пополанов? Как менялись формы и содержание арендных отношений в течение XIV—XV вв.? Изменялись ли структура и форма ренты, реальная доля участия в издержках производства в системе испольщины собственника и арендатора? Какое место в хозяйствах отдельных горожан занимали парцеллярная испольщина и аффикт?

Сельскохозяйственные занятия итальянских пополанов были неразрывно связаны с их торгово-промышленной и банковско-кредитной деятельностью. Инвестиции в земельную собственность были непосредственным продолжением хозяйственной активности в других областях. Поэтому, на наш взгляд, понять специфику структуры землевладения, арендных отношений, особенности агрикультуры во владениях горожан и эволюцию этих отношений в XIV—XV вв. можно, лишь изучая специфику хозяйственной деятельности их отдельных представителей. Поэтому целесообразно прибегнуть к методу индивидуальных хозяйственных биографий (разумеется, кратких).

Паоло да Чертальдо

Паоло да Чертальдо происходил из пополанской семьи среднего достатка, предки которой переселились во Флоренцию из бурга Чертальдо. Паче, отец Паоло, был юристом и занимал различные административные, дипломатические и судебные должности в коммуне в первой половине XIV в. Принесшая известность Паоло «Книга о добронравии»[38] была написана, как полагают, в 40—70-х годах XIV в. Она включает «Памятные заметки», «Сентенции», «Пословицы и поговорки». Мы знакомимся с миропониманием среднего пополана, прославляющего «умеренный» достаток и богатство, добытые честным трудом горожанина, владеющего ремеслом и искусством торговли и призывающего детей наследовать профессию их родителей. Паоло осуждает «неумеренное» богатство, приобретенное нечестным путем, и особенно стремление к «необузданной» прибыли. Обладатели такого богатства, по мнению Паоло, подвергаются большому риску, так как фортуна непостоянна.

Паоло в принципе не против накопительства, но он считает, что при этом должна соблюдаться умеренность и состояния не должны тратиться бездумно. Особенно резко он выступает против крупных кредитов, которые, по его словам, «приводят к упадку компаний и разоряют ремесленников». Ростовщичество

---

[37] *Casini B.* Aspetti della vita economica e sociale di Pisa dal Catasto del 1428—1429. Pisa. 1965. P. 34—43; *Idem.* Attività giuridiche, mercantili e politiche dei da Lavaiano // ASI. 1974. D. 2—4. P. 175—307.

[38] *Da Certaldo P.* Libro di buoni costumi/A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945.

он именует «опаснейшим грехом, вызывающим возмущение господа». Паоло отмечает, что человек, заложивший дом или земельный участок за 100 флоринов, не успеет и оглянуться, как должен уже выплатить 200, не считая других расходов; в результате он «превращается в бедного и нищего», лишается своего дома и своего земельного участка.

Верный идеалам пополанской коммуны, Паоло посвящает несколько глав своей книги обоснованию необходимости не нарушать ее законов и постановлений. «Твоя коммуна и твой город — это место, где ты живешь со своей семьей, со своими родными и где твое имущество».

Будучи выразителем интересов своей социальной группы — горожан среднего достатка, он считает естественным и необходимым приобретение горожанами земельных участков. Немалое внимание он уделяет выбору земельного участка, поддержанию добрых отношений с соседями-горожанами, тщательному оформлению акта покупки, с тем чтобы после смерти продавца жена и дети его не потребовали возвращения земли. Паоло советует наряду с крупным пахотным участком или виноградником обязательно приобрести и маленькую парцеллу, которая приносит более надежный доход и для обработки которой «всегда можно найти работника», а в случае необходимости ее можно выгодно продать.

Призыв к умеренности и бережливости сквозит во многих наставлениях и призывах Паоло, относящихся к хозяйствованию на участках. Непредвиденные расходы (болезнь, замужество дочери и т. п.) не должны составлять более $^1/_4$ валового дохода, чтобы не пострадали другие стороны хозяйства. Следует учитывать при этом естественный рост затрат при увеличении численности семьи. Если сын не проявит себя рачительным хозяином на отцовском подере, неплохо было бы послать его на выучку к одному из друзей хозяина, где он мог бы научиться рационально вести хозяйство. Поднятию доходности земли может послужить сдача части ее в аренду для устройства лавки-мастерской или торгового склада.

Паоло да Чертальдо дает ряд советов собственнику, чтобы научить его быть хорошим хозяином. Важно выбрать наиболее удобное время для продажи тех или иных продуктов: Паоло рекомендует продавать зерно, вино, оливковое масло и другие продукты, которые поступают в качестве ренты, четырежды в год — в октябре, январе, марте и мае. Вино и оливковое масло лучше всего продавать в период от великого поста до сентября.

Хозяин средней руки (это ярко выступает из его наставления) не был гарантирован, что продукции с его подере будет достаточно для пропитания его семьи в течение года. Покупка дополнительных продуктов — обычное дело. И тут наш пополан считает необходимым дать ряд советов. Надо все время «держать в уме», что может быть и недород, и голод, и заранее запастись

на полтора или два года пшеницей или другими зерновыми, а также оливковым маслом, бочонком с уксусом.

Особое внимание уделяет Паоло тем качествам, которыми, по его мнению, следует обладать арендаторам, обрабатывающим пахотные участки, виноградники, насаждения оливковых и других плодовых деревьев: они должны уважать и бояться бога, платить десятину, так как неуплата десятины — проступок, направленный против господа; уважать законы и быть лояльными по отношению к ближнему, т. е. сеньору, которому принадлежит земля; не поддаваться усталости и выполнять все необходимые работы на подере с тем, чтобы земля приносила сеньору доход; не присваивать себе зерно или другие продукты, которые принадлежат сеньору.

В своих наставлениях Паоло да Чертальдо не обходит и сервов, зачастую прислуживавших в пополанских домах. С сервами не следует обращаться жестоко, они должны всегда «иметь хороший вид, быть быстрыми, послушными и отдохнувшими». Будучи хорошо осведомленным о постоянной глухой вражде и ненависти испольщиков по отношению к своим патронам, Паоло не советует хозяину появляться на подере в праздничные дни, когда работники «разгорячены от вина» и могут заступиться за своего товарища, пустив в ход даже оружие, при любом замечании, а тем более, если хозяин даст волю рукам, «а не будет держать их за спиной». Следует производить все расчеты и выговаривать испольщикам за плохую работу в обычный трудовой день, когда они спокойно работают в поле, а еще лучше вызвать их с этой целью в город[39].

Симо д'Убертино

«Мемориал» аретинского суконщика средней руки из фамилии Убертино[40] дает отчетливое представление о характере хозяйства на его землях. Симо д'Убертино в конце XIV в. (1389 г.) владел землями общей протяженностью более 566,5 стайора, т. е. 96,48 га, стоимостью 1772 золотых флорина. Основную часть их составляли два подере — Пишинале и Сан Кьерко. Подере Пишинале, расположенный вблизи Ареццо, не представлял собой компактного комплекса земель и состоял из 23 парцелл площадью 24,76 га. На подере находились два дома и небольшой палаццо. Непосредственно к подере примыкал лес площадью 25 га. Второй подере, Сан Кьерко, располагался по соседству с Пишинале. Его площадь — 43,77 га, Сан Кьерко также состоял из ряда парцелл. В 2—3 км к востоку от Ареццо, частично на равнине, частью на холмах, находились другие земли Симо д'Убертино: 14 парцелл площадью 10,64 га. Там же были вилла

[39] *Da Certaldo P.* Op. cit. Cap. 81, 102—103, 137, 139, 142, 150—153, 173, 217, 242—246, 252, 257, 292, 317, 321, 336—338, 356.

[40] *Cherubini G.* La proprietà fondiaria di un mercante toscano nel Trecento (Simo d'Ubertino di Arezzo) // RSA. 1965. N 1. P. 68—163.

и небольшой палаццо. Остальные земельные владения Симо (площадью 17,28 га), т. е. $^1/_5$ часть его недвижимости, были рассеяны по округе, но многие из них также находились в непосредственной близости от Ареццо, не более чем в 7—8 км. Симо сдавал в аффикт лишь ничтожную часть принадлежавших ему земель (не более 20 стайора). Обычно это была аренда сроком на 3—4 года за натуральный фикт пшеницей. Впрочем, в одном из договоров предусматривалась уплата денежного фикта и доставка собственнику половины собранных на участке орехов.

В непосредственном управлении Симо, т. е. его доменом, были лишь виноградники в Мантонайе и Сан Фабиано и некоторые другие участки по соседству с городом. Урожай с этих земель был невелик по объему: 26 баррелей (около 1200 л вина) и 28 стайя (около 7 центнеров) пшеницы.

Основная часть земель Симо была сдана им в испольную аренду. Испольные договоры были продолжительностью от 2 до 9 лет. Испольщики обычно проживали на подере. Им запрещалось арендовать другие земли вне подере. Рабочий и вьючный скот предоставлял собственник, хотя вполне возможно, что арендатор должен был возместить его стоимость по истечении срока контракта. Все расходы по содержанию скота и убытки в случае его болезни или падежа лежали на арендаторе. Количество рабочего скота на подере было явно недостаточно (2 пары волов на более чем 68 га). Арендаторы могли держать на подере свиней и овец, а также кур, деля расходы пополам с собственником (по договору сочиды).

«Красная памятная книга» не содержит точных данных о том, на чей счет приобретались семена. Изучавший этот источник Дж. Керубини предполагает, что все расходы по обеспечению участков семенами лежали на арендаторе. Не случайно под 1390 г. сделана запись о покупке семян пшеницы у того же Симо его арендатором на подере Пишинале. Но возможно также, что подобные расходы, как и на ряде других подере в этот период, делились пополам. Договоры, содержащиеся в «Красной памятной книге», не сообщают, кто платил за сельскохозяйственные орудия (плуг, косы, мотыги). Видимо, все расходы ложились на плечи крестьян.

Основную часть продукции подере составляли зерновые и вино, что удовлетворяло главные потребности обитателей, особенно учитывая близость города и возможность реализации части урожая на городском рынке. Среди зерновых явно преобладала пшеница. По подсчетам Дж. Керубини, в 1386—1391 гг. пшеница составляла $^2/_3$ урожая зерновых в стайя и $^3/_4$ или $^4/_5$ в стоимостном исчислении в золотых флоринах (так как цены на низшие зерновые были намного ниже, чем на пшеницу). Преобладание пшеницы, требовавшей больших усилий для выращивания, свидетельствовало о прогрессе агротехники и улучшении условий жизни (в рационе арендаторов пшеница в XV в. также занимает одно из главных мест). Урожайность пшеницы колеба-

лась от сам-5,3 в 1386 г. до сам-11 в 1387 г., составляя в среднем сам-5—7, т. е. урожаи были невысокие. Значительные пространства земли были заняты паром. В целом агрикультура была отсталой, производство — экстенсивным, пустоши преобладали над обработанными землями.

Виноградники занимали небольшую площадь (8,6% всех земель), меньше, чем лес. Из них 40% приходилось на мелкие парцеллы. В стоимостном исчислении доля винограда в поступлениях с земель Симо в разные годы колебалась, иногда поднимаясь до 30%, но чаще удерживаясь на уровне 20—25%. Оливы занимали 7—9% площади, но в общем объеме производства их вес в стоимостном выражении был незначителен (около 2—3%). Лен и шафран также занимали незначительное место. Удивляет здесь полное отсутствие натуральных красящих веществ — вайды (ит. гвадо), которая в округе Ареццо вообще встречалась довольно часто.

Доходы господской части земель Симо, сданных в аренду, колебались на протяжении 1386—1391 гг. от 94,04 золотого флорина до 303,53 золотого флорина, что было значительно меньше его доходов от торговой и предпринимательской деятельности (в лучшие годы составляя лишь $1/2$ этих сумм). Процент доходности земель Симо по отношению к инвестированным денежным суммам в 1386—1391 гг. колебался от 5,6 до 16,3%, в то время как доходы от торговли составляли 48% в 1387 г., 30% в 1388 г. и не опускались ниже 17% в самый неудачный 1376 г. В 1388—1391 гг. были проданы приблизительно 300 стайя пшеницы (около 22% урожая).

Данные, содержащиеся в «Мемориале» д'Убертино, позволили Дж. Керубини определить приблизительное количество основных продуктов (также и в стоимостном исчислении), остававшихся в распоряжении испольщика на одном из подере (Сан Кьерко) после уплаты господской половины и вычета расходов на семена. По подсчетам Дж. Керубини, здесь арендатор с 43,77 га имел в своем распоряжении от 114 до 142 стайя зерновых и от 75 до 90 золотых флоринов (подобная приблизительность объясняется тем, что неизвестно, вносил ли арендатор сам все семена или половину ему давал собственник). Для семьи из 6 человек, которая проживала на подере, были необходимы для пропитания 72 стайя зерновых. Остававшихся эвентуальных 42 или 70 стайя (18 или 31 флорин), а также возможных доходов от содержания домашней птицы (в данном случае не учитываемых) едва хватало для приобретения одежды и обуви, на которые тратилось в среднем приблизительно 20 флоринов ежегодно.

Таким образом, речь могла идти лишь об удовлетворении арендатором самых насущных потребностей и то в сравнительно «благополучный» год. Любое нарушение этого условного «равновесия» приводило к катастрофическим последствиям для жизни испольщика. Для сравнения укажем, что ежегодный расход суконщика Симо д'Убертино — патрона испольщика в Сан Кьерко

на семейные нужды равнялся 175,6 флорина в 1388 г. и 124,55 флорина в 1389 г. (причем эти цифры не включали расходов на муку, вино и другие продукты питания, так как Симо получал их со своего подере). В таких условиях арендаторы предпринимали всевозможные усилия, чтобы скрыть часть полученного урожая, приарендовывали земли на стороне (что нередко запрещалось договором), посвящали часть времени подсобным ремесленным занятиям — прядению и ткачеству (а, возможно, работали и на городскую мануфактуру цеха Лана).

Дель Бене

Франческо ди Якопо Дель Бене совместно со Стольдо ди Ланно Стольди во второй половине XIV в. в течение 16 лет (1355—1371 гг.) возглавлял крупную суконодельческую компанию во Флоренции с ежегодным доходом более 8 тыс. лир, изготовлявшую свыше 2 тыс. кусков сукна. Отец Франческо был в начале XIV в. главой компании Калимала и занимал важные политические посты, вплоть до гонфалоньера. Члены семейства Дель Бене имели огромные вложения в компаниях Барди, Перуцци, Аччайуоли. Немалые средства они вкладывали и в землевладение. Еще в начале XIV в. отец Франческо купил у Перуцци 2 больших подере в Казальте (долина р. Пеза) стоимостью около 2 тыс. лир, 11 пецце у Торнаквинчи стоимостью более 540 лир, а также другие небольшие участки в Сан Пьеро Кваракки (окрестности Флоренции). Помимо этого семье Дель Бене принадлежало в самой Флоренции, особенно в квартале Санта Мария Новелла, немало домов и лавок, сдававшихся в аренду, наряду с палаццо на площади Сан Спирито по другую сторону Арно. Как и его отец Якопо, Франческо продолжал заниматься ростовщичеством, хотя оно и не составляло столь существенную часть его деловой активности, как это было у отца.

Земельные приобретения Франческо Дель Бене начались в 50-х годах XIV в. Среди сделанных им покупок (в дополнение к приобретенным его отцом более 11 стайора за 144 лиры) — 2 парцеллы в районе Санта Мария ди Перетола, где располагалась семейная вилла, и в районе Сан Пьеро Кваракки. Участок в Перетоле был сначала передан в аффикт местному арендатору, а в 1354 г. был продан горожанке Прато с прибылью в 100 лир [41]. Еще более активной стала деятельность Франческо как земельного собственника в период его предпринимательства в суконоделии — в 60—70-е годы. Его владения сосредоточивались по-прежнему в окрестностях Флоренции — в Перетоле и Петриоло. Он сдавал земли в срочную аренду на 3—5 лет, виноградники испо-

[41] *Hoshino H.* Francesco di Jacopo Del Bene cittadino fiorentino del Trecento. La famiglia e l'economia // Istituto giapponese di cultura. Annuario, 1966/67. P. 29—61.

лу, а пахотные участки, засеянные зерновыми, за фиксированный натуральный чинш. В 70-е годы он приобрел дубовый лесок и каштанник.

Небольшая часть земель находилась в непосредственном управлении семьи, возможно, она обрабатывалась местными крестьянами, привлекавшимися в качестве поденных работников. С одним из крестьян из контадо Прато, Липпо ди Петра да Казале, Франческо заключил договор сочиды на 2 года, передав ему в аренду рыжую корову с двумя телками и еще одну стельную рыжую корову, общей стоимостью 50 золотых флоринов. Из «Тетради урожаев», составленной в 1370 г., видно, что у Дель Бене было 29 семей арендаторов, из которых 27 специализировались на производстве пшеницы или вина. В качестве аффикта (вероятно, с мелких пецце) Дель Бене получал 26 модиев 8 стайя и 3 кварты пшеницы, 25 стайя полбы, 3 стайя ячменя, 42,5 барреля вина[42] и некоторую сумму денег. В качестве домена Дель Бене имели несколько виноградников и огород в Петриоло, с которых получали также ячмень, пшеницу, бобы, горох.

Земли в Казальте (Валь ди Пеза) сдавались в медзадрию. Заключенный в августе 1361 г. договор Франческо дель Бене с арендаторами одного из подере в Казальте Герардино и Никколо дель Бальданца, местными жителями, предусматривал выделение собственником в качестве кредита 50 флоринов (очевидно, на приобретение волов). Содержание волов целиком падало на плечи арендаторов. Помимо половины урожая, арендаторы должны были доставлять во Флоренцию в качестве «дополнительных приношений» 400 либбр[43] свинины, 12 каплунов и 15 серкве[44] яиц. Арендатор другого подере в Казальте, Бартоло ди Герно, заключивший договор в 1358 г. вместе со своим сыном Симоне, не получал кредитов на покупку волов, все расходы на приобретение и содержание скота лежали на самом арендаторе. Помимо половины урожая Бартоло обязан был доставлять в качестве «дополнительных приношений» 200 либбр свинины, 6 каплунов и 12 серкве яиц.

Имеющиеся данные о поставках продуктов с подере и парцелл, сданных в аффикт, свидетельствуют о том, что с парцелл поступало больше пшеницы и вина, но меньше низших зерновых и бобовых. С парцелл не требовалось «дополнительных приношений». Таким образом, мелкие участки удачно дополняли подере, особенно за счет продукции интенсивных культур и прежде всего вина. Не случайно Паоло да Чертальдо, современник Дель Бене, советовал сочетать ведение хозяйства на подере со сдачей в аренду плодородных мелких участков, для которых, по его мнению, всегда можно найти арендатора.

---

[42] 1 стайо=4 кварты=24 кг; 1 баррель=1 орчо ≈45,6 л.

[43] 1 либбра=0,33 кг.

[44] 1 серкве=12 штук.

Липпо ди Феде Дель Сега

Флорентийский ростовщик Липпо ди Феде Дель Сега, пополан средней руки, был тесно связан с крупными банковскими компаниями Уццано, Адатти, Парди, Орландини и др. Основные его земельные приобретения, сделанные в первой половине XIV в., находились к северо-востоку от Флоренции, на расстоянии 7—15 км, в приходе Санта Мария Понтанико (коммуна Понтассьеве, в диоцезе Фьезоле). Среди людей, продававших Липпо свои участки, наряду с несостоятельными должниками из мелких крестьян находились члены старой нобильской фамилии Компьобези (прежде — сеньоры селения Компьоба, в 3 км к югу от Понтанико), а также представители нобильских и магнатских родов Донати и Кавиччоли, старой купеческой фамилии Абати, некоторые ремесленники.

Ядром земельных владений Липпо были виноградники — «Терра дель Пьяно», «Фико Верино», группировавшиеся вокруг дома. К ним примыкали участки пашни — «Кампо Нати». В Казелле располагались дом, пашня и виноградники, 2 лесочка (один из них существует и сегодня, рядом с местечком Понтанико). Эта группа владений Липпо примыкала к первоначальному домену в Понтанико.

Другой комплекс владений Липпо находился в районе Да Самбре, который сохранил свое название и сейчас. Там были два лесочка, два пахотных поля. Третий комплекс — участки, находившиеся прежде в собственности несостоятельного должника Липпо — Нутино Дуччи, состоявшие из парцелл, носящих название «Канчелло», «Кольто алла Капанна», лес «Да Самбре». Приобретенные Липпо подере не составляли компактный блок, они в виде звезды примыкали к первоначальному ядру, составляя в целом территорию не более 25 га, почти половину которых занимали леса. Земли Липпо располагались среди оливковых рощ, под сенью лесов в нескольких часах ходьбы от Флоренции, так что арендаторы посещали город 3—4 раза в месяц. Хозяин также мог постоянно осуществлять наблюдение за ведением хозяйства лично или через своего агента. Почвы были бедными, да и площадь, пригодная для пашенного земледелия, была невелика, проводились расчистки леса [45].

Как и большинство других пополанов, Липпо не имел сколько-нибудь значительных домениальных земель. Те немногие участки, которые являлись его доменом, занимали часто специализированные интенсивные культуры — в нашем случае виноградники, и скорее были престижными, чем доходными.

К 20-м годам XIV в. Липпо начал интенсивное «собирательство» мелких участков, сдававшихся в аффикт, превращая их в подере. Договор аффикта при этом трансформировался в медзад-

---

[45] *De La Roncière Ch. M.* Un changeur fiorentin du Trecento: Lippo di Fede Del Sega (1285 env.— 1363 env.). P., 1973. P. 69—107.

рию (земли Липпо в Понтанико, Казелле, Бассо, Самбре). Впрочем, в 30-е годы часть своих земель Липпо снова раздробил на более мелкие участки, так как, очевидно, в то время для него эксплуатация крупных комплексов в отдельных районах оказалась по каким-либо причинам недостаточно выгодной.

Какими особенностями отличались испольные договоры во владениях Липпо? В Понтанико продолжительность подобных контрактов, заключавшихся в 1307—1359 гг., была 3 года. Липпо предоставлял арендаторам кредит на приобретение волов, иногда оплачивал часть расходов по обработке виноградника (но порой все работы осуществлялись на средства испольщика). На средства собственника приобреталось от $1/3$ до $1/2$ семян бобовых культур. Помимо доставки половины урожая зерновых, вина и оливкового масла, испольщики должны были поставлять собственнику от 96 до 150 яиц, половину приплода свиней (Липпо оплачивал половину стоимости поросят, которых покупали арендаторы). В договоре, подписанном в 1323 г., испольщику запрещалось обрабатывать землю другого собственника под угрозой штрафа в 20 солидов за каждый день работы. Липпо делал довольно значительные вложения с целью улучшения своего хозяйства: с 1311 по 1356 г. его инвестиции составили 490 лир, из них 43,6% были направлены непосредственно на улучшение земель, корчевку леса, мелиорацию, дренаж, 37,8% — на строительство дома и хозяйственных построек, 18,4% – на насаждение новых виноградников и олив.

Если сравнить вложения Липпо с теми инвестициями, которые делали примерно в те же годы и в близком географическом районе такие богатые пополаны как Перуцци, то следует отметить, что направлялись эти инвестиции в первую очередь на строительство домов и хозяйственных построек (46,34% тратились на устройство каналов и рвов и обнесение садов изгородями, 16% — на строительство фонтанов и бассейнов, посадку цветов и т. п.). Все эти мероприятия способствовали разведению фруктовых деревьев, овощей, однако вложения, которые непосредственно способствовали бы повышению плодородия земель, были незначительны[46].

Каков был характер хозяйства во владениях Липпо? Можно ли констатировать здесь на протяжении десятилетий интенсификацию, повышение урожайности и соответственно увеличение объемов поступления основных компонентов ренты? На подере Понтанико за период с 1331 по 1356 г. зерновые в целом составляли 35% стоимости всех культур (пшеница — 25,3%, низшие зерновые — 9,7%). Вино составляло немногим более $1/5$ стоимости всех культур — 22,2%, оливковое масло — 19,3%, фрукты — 3,5%, мясо — 7%, продукция леса — 13%.

---

[46] Ibid. P. 113—129; ср.: *Sapori A.* I libri del commercio dei Peruzzi. Milano, 1934. P. 468—484.

Если попытаться проследить изменения в соотношении поступлений основных компонентов ренты за 25 лет, то оказывается, что размер индекса пшеницы в абсолютных величинах (стайя) снизился к 1356 г. со 100 до 62 (низших зерновых — со 100 до 85,7), зерновых в целом — до 70. В то же время в результате возрастания цен на 70% индекс поступлений пшеницы в стоимостном выражении возрос до 107,5, низших зерновых несколько снизился — до 97,3, так как цены на последние возросли лишь на 18%. Индекс поступлений вина количественно возрос не намного — до 108,3, в стоимостном выражении до 157,3, так как цены на вино возросли более чем на 45%. Индекс поступлений оливкового масла снизился до 65,8, а в стоимостном выражении — до 81 (цены на оливковое масло возросли на 24%).

Таким образом, какого-либо резкого изменения в соотношении культур в целом не произошло, хотя производство пшеницы сократилось (соответственно она и подорожала). Вина стали производить несколько больше, но оливкового масла значительно меньше [47].

Данные «Счетных книг» Липпо Дель Сега свидетельствуют о том, что наибольшая часть продукции подере в Понтанико шла на продажу. Так, в течение 1331—1348 гг. было продано сельскохозяйственной продукции на 1704 лиры, что составило 83% стоимости всего урожая. 455 лир (около 35% полученной суммы) поступило от реализации пшеницы, 437 лир — за оливковое масло, 372 лиры (около $^1/_5$) за вино, 261 лира — за лесоматериалы, 179 лир — за низшие зерновые и бобовые [48].

Липпо владел домом во Флоренции, в приходе Сан Пьеро Маджоре, который после отъезда Липпо в Рим занимала жена, а затем дом сдавали в аренду под жилье, мастерские и лавки ремесленникам и торговцам. Впрочем, по сравнению с доходами с подере, доходы Липпо от сдачи в аренду зданий были невелики. Так, за 1331—1347 гг. с городской недвижимости он получил 450 лир, т. е. 16,5% всего дохода, в то время как подере принесли 2210 лир дохода (83,5%). Инвестиции Липпо на содержание построек были также невелики: не более 8 лир ежегодно на протяжении 18 лет.

Липпо использовал наемных работников на рубке леса, при посадке олив, на виноградниках, на строительных работах. На оплату наемных работников за 20 лет (1327—1347 гг.) было израсходовано около 160 лир.

Некоторые испольщики Липпо вначале, когда структура комплекса его владений еще находилась в процессе становления, были аффиктариями. Ш. Де Ла Ронсьер вычислил количество продуктов (и их стоимостное выражение), остававшихся в распоряжении одного из испольщиков на подере Понтанико в 1331—1337 гг., и пришел к выводу, что оно было «довольно благоприятным».

---

[47] *De La Roncière Ch. M.* Op. cit. P. 142—147.
[48] Ibid. P. 147—157.

За вычетом расходов на семена и на возмещение затрат, понесенных при выращивании свиней (по договору сочиды с собственником), испольщик имел в год 50 лир чистого дохода, т. е. 16 золотых флоринов (исходя из курса 63 солида во флорине) [49]. Это равнялось заработной плате поденщика за 200 дней из расчета 5 солидов в день. В пересчете на продукты по соответствующим ценам это означало: 68 стайя пшеницы в год, т. е. 3.3 кг в день на семью, в то время как минимальные потребности семьи в хлебе были 2.4 кг. Исходя из того, что в среднем семья испольщика Липпо состояла из трех человек, Де Ла Ронсьер полагает, что испольщик мог потратить оставшийся 1 солид в день на мясо, оливковое масло и вино. Если же вместо пшеницы он употреблял в пищу низшие зерновые, то у него могло ежедневно оставаться «дополнительно» 2 солида, на которые он мог бы купить 2 л вина или около 1 кг мяса.

Нам, однако, представляется, что результаты подсчетов Де Ла Ронсьера дают не так уж много оснований для столь оптимистических прогнозов. Ведь испольщик должен был покупать и еще кое-что помимо хлеба, вина и оливкового масла. Нельзя абстрагироваться от необходимости затрат на одежду, орудия труда, хозяйственную утварь и т. п. Очевидно, возможности «маневрирования» остававшимися в их распоряжении продуктами для арендаторов были все же ограничены. Дополнительные сторонние заработки или наличие какого-либо дополнительного участка (собственного или арендованного) представляются необходимыми для обеспечения мало-мальски приличного существования. Нам не кажется убедительным и другой вывод Де Ла Ронсьера о том, что частая смена испольщиков на подере в Поптанико (в среднем они арендовали подере менее 3 лет) объясняется не только и не столько слабостью их хозяйства, а свидетельствует о благоприятной конъюнктуре в обстановке нехватки рабочей силы в контадо Флоренции. Покидая Поптанико, испольщики, по мнению ученого, находили лучшие условия в других местах. Последнее замечание остается недоказанным прежде всего потому, что Де Ла Ронсьер не смог проследить дальнейшую судьбу «своих» арендаторов. Да и самый факт поисков «лучших» условий, видимо, не случаен, о чем свидетельствует наличие значительной задолженности у испольщиков Липпо.

Так, некий Дуччино Беноццо, пробывший на подере лишь два года (1359—1361) вместо трех по договору, покинул участок, будучи должен 57 лир, т. е. сумму, превышавшую средний годовой доход семьи арендатора. Согласно эстимо в 1352 и 1360 гг. Дуччино Беноццо был одним из самых бедных жителей деревни. Он же назван «бедным» в 1371 г. В том же году назван «бедным» и Бартоло ди Тьецо, а 20 лет назад его семья занимала 8-е место среди 13 семей деревни по имущественной состоятельности. В «Памятных записях» Липпо был открыт специальный

[49] Ibid. P. 159—162.

счет для испольщика Бруоджино ди Берто, который арендовал подере также только два года (1316—1317). За 15 месяцев аренды он задолжал 13 флоринов, или 37 лир [50].

Никколуччо ди Чекко

Никколуччо ди Чекко, купец и ростовщик средней руки [51], подобно флорентийскому Липпо ди Феде дель Сега, постоянно проживал в Кортоне, где владел красильной мастерской, но в своей деятельности был тесно связан с купеческими и банковскими промышленными кругами Сиены: как торговец краской (гвадо) и тканями он имел клиентами до 30 суконщиков Сиены; как ростовщик Никколуччо предоставлял кредиты преимущественно состоятельным сиенцам: банкирам, промышленникам, магистратам. Еще в 1353 г. вместе со своим братом Ванни Никколуччо подал прошение в Большой Совет о предоставлении ему гражданства Сиены, хотя до середины 70-х годов продолжал жить в Кортоне, одновременно владея также торговым складом во Флоренции. В 1375 г. Никколуччо заключил договор с цехом Лана в Сиене, в результате которого консулы цеха предоставили в его распоряжение красильную мастерскую в Сиене; тогда же он снял в аренду дом у кожевника Микеле ди Чеко.

Одновременно Никколуччо активно занимался и куплей-продажей и сдачей в аренду (сочиду) скота, приобретением и эксплуатацией земель в городской округе, о чем свидетельствуют нотариальные акты и счетные книги, хранящиеся в архиве Сиены. К землям, полученным по наследству от отца в Черрето, Никколуччо и его брат Ванни шаг за шагом добавляли отдельные парцеллы и целые подере в округе Кортоны.

В 1337 г. они купили подере, на котором располагались несколько домов и сукновальная мельница, а также 2 парцеллы за довольно значительную сумму — 329 золотых флоринов (в 1353 г. все имущество Никколуччо оценивалось в 1698 золотых флоринов). В 1338—1341 гг. в том же Черрето им было приобретено 5 парцелл, в 1369 г. Никколуччо и его сын Баттиста купили еще одну парцеллу, граничившую с другими их владениями.

Таким образом, в Черрето сложился значительный земельный комплекс, оценивавшийся в 500 золотых флоринов. Никколуччо и его брату принадлежали также земли в Ронцано, Валекки, подере в Поджони. Среди приобретений был и подере, состоящий из 9 парцелл, купленный у Бартоломео ди Буччо за небольшую сумму (возможно, в результате залоговой операции) и тотчас же сданный в аффикт тому же Буччо также за небольшой чинш — 8 стайя (192 кг) пшеницы, которые тот должен был доставлять в Кортону, к дому Ванни.

---

[50] Ibid. P. 161—165.
[51] *Tortoli S.* Il podere ed i mezzadri di Niccoluccio di Cecco della Boccia, mercante cortonese a Siena, nella seconda metà del Trecento // Ricerche storiche. 1980. N 2. P. 240—282.

В 1360 г. Никколуччо купил у Анджело и Бартоло, сыновей Франческо Буонаджунта, за значительную сумму (437,5 золотых флоринов) свое единственное земельное владение в округе Сиены — подере Кастаньо. Подере Кастаньо располагался в непосредственной близости от городских ворот Камолла, к северу и северо-востоку от города в направлении Кьянти. Подере занимали зерновые, виноградники, плодовые деревья — яблони, груши, орехи. Часть земли находилась под лесом. Зерновые высевались на территории примерно в 14 га. Бо́льшую их часть составляла пшеница (84,5% урожая в 1373 г.), низшие зерновые (15,5%) были представлены ячменем, просом, полбой, сорго. На семена было оставлено в том же 1373 г. $^1/_5$ пшеницы и $^1/_6$ ячменя, что свидетельствует о средней урожайности сам-5 и сам-6, т. е. такой же, как в зоне холмов других районов Тосканы этих столетий.

Виноградники занимали сравнительно небольшую площадь подере. В 1373 г. с них было получено лишь около 5 квинталов вина (11 баррелей, или 501,6 л). В стоимостном выражении вино составляло лишь 10,13% стоимости вина и пшеницы, вместе взятых, в то время как в других районах стоимость вина колебалась от 22 до 32%, а в некоторых зонах контадо Флоренции в начале XV в. достигала 66% всего дохода. Не случайно Никколуччо, даже располагая другими земельными владениями, прикупил 4 воза (8 баррелей) вина почти на 3 золотых флорина для удовлетворения своих потребностей. Урожай же пшеницы с подере был достаточно обильным, что позволило Никколуччо продать 64% полученной им «доли», оставив, не считая семян, для потребления семьи лишь 6 стайя, или 6,6%. При этом следует, конечно, иметь в виду, что Никколуччо оставлял для себя и зерно с других своих владений, естественно, не довольствуясь годичным потреблением 6 стайя (144 кг). В 1375 г. Никколуччо также продал большую часть урожая пшеницы — 6 модиев из 8 модиев и 4 стайя (73,47%) «своей доли». В этом году его испольщик Нуччо, сын Гвидоччо, передал собственнику в счет долга значительную часть «его доли», оставив для себя и брата лишь 19 стайя (456 кг).

Никколуччо на свои деньги покупал быков для обработки подере. Они стоили дорого, тяжелая же работа на большой площади подере и небрежное обращение с ними испольщиков приводили к их быстрому изнашиванию. И осел, использовавшийся под вьючным перевозом, за 4 года утратил более половины своей первоначальной цены. На подере кортонский купец держал от 20 до 48 овец с ягнятами, 2—9 свиней.

Кур и цыплят испольщик держал, казалось бы, вне контроля собственника, но собственник требовал взамен уплаты ежегодного чинша в 5 лир, что было довольно накладно, так как за эти деньги можно было купить 25 цыплят, или 5 стайя (120 кг) пшеницы, т. е. количество, равное месячной потребности семьи из пяти человек.

В «Счетной книге» кортонского купца не описываются подробно его договоры с испольщиками, и существо отношений можно восстановить лишь из ежегодных или ежеквартальных счетов. В период между 1370—1376 гг. на подере сменились четыре крестьянских семьи.

На подере в Кастаньо собственник участвовал в половине расходов по ведению хозяйства на подере. Возможно, что это был отголосок нехватки рабочих рук из-за трудной демографической ситуации, которая вынуждала собственников соглашаться на несколько более благоприятные, по сравнению с последующим периодом, условия существования испольщиков. Однако и здесь испольщик на свои средства доставлял «господскую часть» урожая в город, собственник участвовал лишь в платеже габеллы за ввоз продуктов. Любопытны некоторые данные относительно условий труда и существования семей испольщиков, арендовавших подере Кастаньо в 1370—1376 г. Мартино делла Барба (испольщик в 1370—1371 гг.) был жителем этого же местечка и позже; покинув Никколуччо, он продолжал исполнять для кортонского купца некоторые работы и пользоваться его кредитами, например в неурожайном 1374 г. Впоследствии тот же Мартино стал доверенным человеком Никколуччо; ему было поручено получить долг с покинувшего участок испольщика, он же непосредственно передавал кредиты новым испольщикам, т. е. в его деятельности как бы в зародыше проявились черты будущего фактора.

Сменивший Мартино на этом подере Теста (1371—1372), семья которого была немногочисленной, прибегал к помощи наемных работников для обработки подере (мотыжения, прополки бобов) и взял в долг у Никколуччо для оплаты труда работников 3 золотых флорина и 32 сольди. В результате привлечения работников «виноградники и другие земли содержатся в хорошем состоянии, а пустошь обработана»,— писал Паоло ди Бенвенуто своему тестю Никколуччо, положительно оценивая ведение хозяйства семьей Теста. Однако этот договор длился менее двух лет, очевидно, потому, что глава семьи состарился, а его сын уже не мог обеспечить обработку большого участка.

Новый испольщик Гвидоччо дель Бокка (1372—1375) был беднее двух предыдущих арендаторов. Договор с ним был расторгнут раньше срока. Собственник обвинял его в серьезных проступках: испольщик присвоил дрова стоимостью в 1 золотой флорин, съел три «первых» груши, которые должен был принести патрону, не заплатив за них ничего. О бедности этой семьи свидетельствуют оценки имущества сына Гвидоччо Нанни, который в 1380 г. был обложен налогом лишь в $^1/_4$ денария (1 денарий взимался с имущества в 100 лир), через 7 лет вместе с братом Пуччо Нанни фигурировал в списке должников по уплате платежей коммуне.

Понятно в этой связи невыполнение Гвидоччо целого ряда основных работ на подере, что засвидетельствовано в «Счетной

книге»: вместо пшеницы он посеял полбу, которая была более урожайной, но, естественно, не могла быть продана на рынке по столь же высокой цене, не обработал пустошь, не проборонoвал зерновые посевы, год не мотыжил почву под виноградниками, вырубал плодовые деревья и дубы на подере.

Оба испольщика — Теста и Гвидоччо — были должниками Никколуччо, и этот долг преимущественно (почти на 80%) состоял из довольно значительной суммы, затраченной собственником на приобретение скота и записанной в счет долга испольщикам (37,13 золотых флоринов Теста и 51,57 золотых флорина — Гвидоччо).

Другие статьи задолженности двух арендаторов были во многом несхожи: Теста одолжил у Никколуччо меньшее количество семенного материала, меньше брал в долг пшеницы, не просил взаймы денег, больше уплачивал наемным работникам. Гвидоччо одалживал бо́льшие суммы денег и большее количество зерна натурой. Так, на другой день после заключения договора он одолжил 14 стайя (336 кг) пшеницы на 3,088 золотых флорина. Но тот же Гвидоччо в 1373 г. передал собственнику часть из «своей половины» вина в обмен на 2 стайя (48 кг) пшеницы, а другие 2 стайя обменял на 4 курицы. Возможно, что многочисленная семья Гвидоччо заставила его сразу же влезть в долги. Покидая подере в 1375 г., он был вынужден оставить Никколуччо «свою» половину собранной пшеницы в счет задолженности. Как и другие испольщики, он, покидая подере, оставил скот собственнику.

* * *

XIV век занимает особое место в землевладении и хозяйствовании на земле итальянских пополанов. Именно в этот период утверждается новый тип арендных отношений: испольщина и аффикт, а прежнего наследственного феодального держателя, ведущего самостоятельное хозяйство на земле феодала, сменяет краткосрочный арендатор, частично (хотя и не полностью) лишенный средств производства, ограниченный в хозяйственной деятельности на участке строгими предписаниями арендного договора.

Однако землевладелец, будь то горожанин или нобиль либо церковное учреждение, хотя и предоставлял кроме земли часть производственного капитала, т. е. выступал как участник процесса производства, полностью не контролировал и не авансировал здесь процесс производства. В то же время арендная плата уже не являлась «чистой формой» феодальной ренты, частично будучи избытком над средней прибылью, процентом на авансированный земельным собственником капитал. Как испольщина, так и аффикт (в меньшей степени) являются переходными формами от феодальной ренты к капиталистической.

В счетных книгах, памятных заметках, нотариальных записях, сочинениях пополанов XIV в. зримо воплотились черты по-

полана-землевладельца, патрона испольщика и аффиктария. Особенно выразительным в привлеченных нами источниках предстает образ среднего пополана-хозяина в его стремлении к самообеспечению продуктами питания из доходов от собственных земель в округе, но не чуждавшегося и рынка, где он стремился в наиболее «подходящее время» реализовать излишки продукции, полученной на принадлежавших ему подере. В то же время пополаны-собственники значительных земель более или менее постоянно вывозили на рынок большую часть продукции, произведенной на подере. Тем самым нуждается в уточнении тезис об основной цели испольного договора — самообеспечении семьи испольщика и снабжении собственника продуктами, лишь необходимыми для существования его семьи. Представляется весьма перспективным направление в изучении особенностей договора испольщины в зависимости от форм и типа связей с рынком хозяйства того или иного собственника.

В XIV в. на землях пополанов наряду с испольщиной нередко встречается аффикт, особенно в непосредственной близости от крупного города. В последующем, в XV в., испольщина займет господствующее положение на землях пополанов, но сохранится тенденция к более или менее значительному распространению аффикта в пригородной зоне. Источники свидетельствуют о том, что было бы ошибочным отождествлять всю испольщину лишь с испольщиной на подере, т. е. арендой крестьянской семьей более или менее крупных земельных комплексов размером порой в несколько десятков га (впрочем, подере, как мы видели, не всегда представляли собой компактные участки, а могли быть совокупностью ряда парцелл). Наряду с этим и в XIV в. нередко исполу или в аффикт сдавались отдельно расположенные парцеллы, они не только «сосуществовали» с подере в рамках одного договора, но довольно часто были самостоятельными объектами договора о срочной аренде. При этом социальный статус арендатора, самый характер договора существенно отличались от договора, объектом которого был «классический» подере, на котором арендатор постоянно проживал вместе со своей семьей и в обработке которого он видел главный источник своего существования. О мобильности и выгодности эксплуатации мелких земельных участков, а тем самым и о заинтересованности в парцеллярной аренде собственника и арендатора убедительно свидетельствуют рекомендации флорентийского горожанина Паоло да Чертальдо.

Рассмотренные нами источники содержат сведения о конкретных взаимоотношениях пополанов — собственников подере с их арендаторами, о предоставлении собственниками кредитов неимущим испольщикам, находившимся в постоянной задолженности от своих патронов, о многочисленных обязанностях арендаторов, помимо внесения половины урожая, в том числе о «дополнительных приношениях» и дополнительных работах, напоминающих феодальную барщину. Правда, если «приношения» встречаются уже повсеместно, то «дополнительные» работы в XIV в. еще

только появляются и как правило, частично оплачиваются собственником.

Уже в XIV в. в распоряжении испольщиков после расчета с собственником в конце года оставалось такое количество продуктов в натуре и в стоимостном исчислении, которое далеко не всегда обеспечивало их всем необходимым. Мы можем проследить растущую остроту классовых противоречий между арендаторами и собственниками. Ненависть испольщиков к их эксплуататорам столь велика, что пополаны чувствуют себя уверенно не на поле и не в обществе группы арендаторов, а лишь в своей городской резиденции, предпочитая вызывать для «переговоров» арендаторов поодиночке. Тем самым далеко не изолированным выглядит участие испольщиков контадо Флоренции в 40—50-х годах XIV в. в выступлении жителей округи против пополанов-землевладельцев, когда испольщики отказывались обрабатывать участки и покидали их, требуя у пополанов кредиты на покупку семян и рабочего скота и отказываясь вносить «дополнительные приношения» [52].

Мы начали свой очерк с рекомендаций среднему пополану, данных флорентийским горожанином Паоло да Чертальдо. В какой мере эти советы соответствовали практике? На наш взгляд, проделанный нами анализ, хотя и дает представление (неполноту которого мы сознаем) лишь о некоторых основных сторонах хозяйства пополанов XIV в., тем не менее позволяет прийти к выводу о том, что рекомендации Паоло да Чертальдо не имели в виду какого-либо идеального хозяйства пополана, а вобрали в себя многие черты повседневной практики землевладения пополанов того времени.

Какие изменения произошли в хозяйствовании на земле пополанских фамилий в XV в.? Возросли ли инвестиции в недвижимость и какое место занимали среди них вложения непосредственно в сельскохозяйственное производство? Что нового появилось в структуре землевладения пополанов, как эволюционировала земельная рента, правомерно ли рассматривать эту эволюцию как дальнейшее и всепоглощающее движение к господству испольщины на подере? Произошли ли какие-либо перемены в распределении сельскохозяйственных культур, в направлении интенсификации и специализации производства? Как изменилось положение арендаторов, их социальный статус, их уровень жизни?

[52] *Rodolico N.* Il popolo minuto. Note di storia fiorentina (1343—1348). Firenze, 1968. P. 60—64. Ap. N 25.

Риккарди

Риккарди были одной из влиятельных фамилий Флоренции в XIV–XVI вв.[53] В 50–60-х годах XIV в. получил флорентийское гражданство Аникино Риккарди (по одним источникам — капитан кондотьеров, бывших на службе у Пизы и воевавших против Флоренции, по другим — портной, прибывший в Италию из германского города Кельна). Сын Аникино, Якопо, был купцом, который в 1410 г. основал компанию по добыче и продаже соли в Анконской Марке. В 1414 г. он вступил в цех Лана и основал суконодельческую компанию с центром в г. Фермо совместно с Джованни ди Пьеро Каппони, Филиппо Бернабо дельи Альи и Кола Бончани (на сестре последнего он и женился в этот же год). Не оставил Якопо деловых операций и в области соляной промышленности. Одновременно Якопо занимался и ростовщичеством. В 1415 г. папский викарий Мильорати, герцог Фермо, получавший от него кредиты, подарил Якопо земли в Монтевармини, недалеко от Фермо, которые снимали в аренду 15 человек. Уже тогда здесь существовала фактория, бывшая организационным центром «куста» владений, во главе с управляющим — фактором. Земли Якопо оценивались в 600 золотых флоринов и приносили весьма высокий ежегодный доход 200–250 золотых флоринов.

Судя по кадастру 1427 г., Риккарди были одной из богатых семей Флоренции. Только в качестве налогов они уплачивали 84 флорина. И все же они значительно уступали таким богатейшим семьям Флоренции, как Палла Строцци, Джованни ди Биччи ди Медичи, Габриэлло и Джованни Панчиатики.

Основная часть недвижимого имущества из наследства Якопо (умер в 1426 г.) состояла из уже упомянутых владений в Монтевармини, приносивших 200 золотых флоринов в год, двух домов во Флоренции, в приходе Сан Лоренцо; один был местожительством семьи, другой сдавался в аренду за 14 золотых флоринов в год. Остальные земельные владения концентрировались в окрестностях Флоренции: 3 подере и несколько парцелл в Кареджи (приход Сан Стефано ин Папе) и 5 парцелл и виноградники в коммунах Сан Джюсто а Петроньяно и Санта Мария а Саммонтана (Монтелупо Фьорентино, 17–19 км к юго-западу от Флоренции). Большая доля имущества была приданым матери Якопо, купеческой дочери Никколозы ди Лапаччо ди Джери Синии. Последующие годы, однако, были неблагоприятными для Риккарди-землевладельцев. Были потеряны в результате военных захватов Сфорца, боровшихся с Флоренцией, земли в Монтевармини. В кадастре 1447 г. налоговая квота с имущества Риккарди составила всего 20 золотых флоринов, а в 1457 г. — 9 золотых флоринов. Если наследники Якопо были в числе 46 наибо-

[53] *Malanima P.* I Riccardi di Firenze. Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1978. P. 3—32 ecc.

лее богатых семей Флоренции, то в 1457 г. Риккарди находились уже среди 544 семей, поимущественный налог которых составлял немногим более 5 золотых флоринов. В 1442 г. они продали Козимо Медичи за 300 золотых флоринов земли, в числе которых и виноградники, в Сан Стефано ин Пане. Имущество семьи было еще достаточно весомо, Риккарди по-прежнему принадлежали два дома во Флоренции, два подере в Карецжи и парцеллы в Сан Джюсто а Петроньяно.

Вместе с тем семья была должником городской коммуны на значительную сумму — 1200 золотых флоринов, так как задолжала уплату налогов за ряд лет. Это обстоятельство, очевидно, оказало влияние на решение братьев Антонио и Риккардо переселиться в недавно (в 1406 г.) завоеванную Флоренцией Пизу, где флорентийцы (а Риккарди продолжали сохранять флорентийское гражданство) пользовались налоговыми льготами. К тому же в 1443 г. Риккарди заключили краткосрочный договор-аффикт на земельные участки в Капанноли размером 150 стайора. В Пизе они сняли в аренду дом за 30 золотых флоринов. Однако переселение в Пизу не сразу улучшило экономическое положение семьи. Лишь в 60-е годы XV в. начался взлет в земледельческой активности Риккарди: земельные владения расширялись, а их географические рамки смещались в контадо Пизы.

Повсюду в Италии в XIV—XV вв., в том числе и в Тоскане, церковная земельная собственность сильно сократилась. Нередко церкви раздавали свои земли в либеллярную и эмфитевтическую аренду представителям городской верхушки на условиях, благоприятных для съемщика. Так нередко было в Пизе в XV в. В 1461 г. чертоза в Кальчи сдала Риккарди в аренду большой земельный комплекс в Алике (один из двух наиболее значительных комплексов, которые чертоза получила после смерти Лотто Гамбакорта, не оставившего наследников). Условия договора были следующие: выплатив вступительный взнос в 700 золотых флоринов, Риккарди обязывались вносить незначительный чинш — 25 фунтов воска ежегодно, фактически почти полностью распоряжаясь замком Алика и 154 парцеллами, площадью 1107 стиора (стайора) (или около 6 тыс. акров).

В 1469 г. выгоды от заключения либеллярного договора с чертозой сказывались еще недостаточно, так как над Риккарди тяготел долг в 200 золотых флоринов (из 700) за невыплаченный полностью вступительный взнос. Для погашения долга им пришлось продать дом во Флоренции.

Полученные в 1469 г. Риккарди в либеллярную аренду земли составили значительную часть их общего земельного фонда: из 1915 золотых флоринов (стоимостная оценка земель) на долю либеллярных владений приходилось 700 флоринов; подере в Кареджи и Сан Джюсто (Монтелупо) оценивались в 1177 флоринов 16 солидов 2 денария.

В кадастре 1469 г., однако, не отражены *существенные перемены*, которые произошли в *структуре* земельных владений Рик-

карди: либеллярные участки они стали раздавать в испольную аренду. Компактность либеллярных земель в Алике облегчила эту задачу. В контракте, заключенном 15 февраля 1466 г. с Пьеро ди Джулиано, который получил в аренду подере, среди условий, кроме дележа пополам полученной продукции, названо обязательство (весьма существенное, так как оно реализовывалось не всегда!) «проживать на участке вместе с семьей, доставлять в качестве дополнения» пару каплунов и поднимать ежегодно новь на площади от 10 до 12 стиора. Важным последствием превращения либеллярных земель в Алике в испольщину было изменение их продуктивности, очевидно за счет корчевки и распашки лесных угодий. Так, если в 1469 г. с них поступало 92 стайя пшеницы, то в 1480 г.— 140 стайя (рост на 52%). Правда, несколько уменьшилось поступление низших зерновых (30 стайя вместо 35) и вина — 30 баррелей вместо 34. Поскольку в 60-е годы XV в. цены на пшеницу стали расти после относительно низкого их уровня на протяжении 100 лет, Риккарди, как видим, могли выгодно использовать увеличение сборов зерновых со своих владений. Семья начала прикупать и новые земли, преимущественно в той же Алике и в соседних коммунах — Капанноли и Форколи.

Риккарди становятся одним из наиболее могущественных домов в Тоскане. Их имущество в 1480 г. оценивалось в 2228 золотых флоринов против 1915 флоринов в 1469 г. и 1536 в 1457 г. При этом, если в 1469 г. городская недвижимость во Флоренции составляла 62% всей их недвижимости, то в 1480 г.— только 53%, стоимость же недвижимого имущества в Пизе соответственно возросла с 38 до 47%. В 1480 г. Риккарди получали со своих владений 290 стайя пшеницы, к 1517 г. сборы возросли уже до 927 стайя, не считая владений в Алике, т. е. более чем в 3 раза; сборы низших зерновых выросли более чем в 2 раза, вина — примерно в 1,5 раза.

В 1480 г. помимо земель, находившихся в аренде по либеллярному договору в Алике, Риккарди заключили договор о срочной аренде-аффикте — относительно еще 1200 стиора земельных угодий, из которых 600 принадлежало той же чертозе в Алике и Сан Бартоломео, а 600 стиора — трем частным лицам.

В 1482 г. они получили в аффикт от епископа Лукки некоторые земли опять в той же Алике, в 1488 г. в либеллярную аренду на четыре поколения Риккарди сняли земли епископства в Капанноли. В 1486—1491 гг. фамилия приобрела ливеллы и аффикты от монастыря св. Марии, госпиталя сирот в Пизе и других церковных корпораций.

Распродав земельные владения в контадо Флоренции, Риккарди сосредоточили их в пизанском контадо, главным образом в зоне между Палайей и Аликой, особенно в Вилле Салитте, которая стала центром их наиболее крупной фактории. Рост земельных богатств стимулировал торговлю сельскохозяйственными продуктами, в том числе и скотом. Разведение скота на продажу

(скот сдавался в аренду типа сочиды) в последующие годы стало важной отраслью деловой активности Риккарди. За период с 1491 по 1510 г. сохранились 33 долговых обязательства в связи с покупкой в кредит у Риккарди различными лицами пшеницы, скота, оливкового масла, главным образом жителями окрестных поселений в Палайе. С начала XVI в. сыновья Риккардо активно занялись торговлей кожами, одновременно продолжая торговать пшеницей и сыром.

Любопытно отметить, что рост состоятельности семьи Риккарди зависел не только от скупки ими новых земель и скота: он был связан и с переменами в эксплуатации земель. Полученные практически в наследственную (либеллярную) аренду от церковных корпораций земли нередко передавались в субаренду на условиях испольщины, позволявшей восполнять уплачиваемый ими церковным учреждениям чинш, а к тому же получать немалые доходы в виде земельных рент, и от продажи сельскохозяйственных продуктов. Поскольку не одни Риккарди стремились «урвать кусок пирога» от земель в пизанском контадо после присоединения Пизы к Флорентийской республике, в округе Пизы стали все больше распространяться своего рода «вторичные», сданные исполу подере под прикрытием ливелл от церковных учреждений, росли и доходы от эксплуатации этих земель их новыми собственниками — флорентийскими горожанами [54].

Как развивались рентные и арендные отношения на землях других крупных пополанских семей Тосканы на протяжении XV в.? Описи имущества, в том числе в значительной своей части недвижимости, контракты купли-продажи земли, хранящиеся в Государственном архиве Флоренции, позволяют осветить немало важных черт хозяйственной деятельности на землях крупнейших торговых и банковских домов Тосканы — Датини, Строцци и Медичи.

Франческо ди Марко Датини

Франческо ди Марко Датини был крупнейшим купцом, банкиром и промышленником в Прато и Флоренции в конце XIV — начале XV в. Ему принадлежали сукнодельческое производство и мастерская по окраске сукон, он был членом шести крупных торговых компаний с их многочисленными филиалами в Пизе, Генуе, Авиньоне, Барселоне, Валенсии и других городах. Архив Датини в городе Прато — ценнейшее собрание торгово-банковской документации ренессансной Италии — содержит богатейшую коллекцию «Памятных книг», приходно-расходных регистров, тысячи писем купцов и многие другие документы, отражающие широкие международные связи и активную торгово-промышленную дея-

[54] *Malanima P.* La proprietà fiorentina e la diffusione della mezzadria nel contado pisano nei secoli XV e XVI // Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Atti del Convegno di studi in onore di Giorgio Giorgetti. Dal Medioevo all'età moderna. Firenze, 1979. Vol. 1. P. 345—376.

тельность компании Датини. Среди документов архива — «Книга владений», составленная в начале XV в. и содержащая разнообразные сведения о структуре городской недвижимости и земельных владений Датини, типах арендных отношений, платежах арендаторов и доходах собственника [55].

Земельная собственность Франческо Датини в начале XV в. была не велика: она оценивалась всего несколько более чем в 12 тыс. золотых флоринов, что составляло лишь 12% всего его состояния, которое достигало 100 тыс. золотых флоринов, т. е. приближалось по своим размерам к состоянию знаменитого Козимо Медичи в середине XV в. (см. ниже). Земли Датини общей площадью 250 га располагались в непосредственной близости от Прато, на плодородной равнине, вдоль р. Бизенцио, и на окружающих город высоких холмах. Там же, в нескольких километрах от Прато, на холме, возвышающемся над р. Бизенцио, находилась его семейная вилла, прежде принадлежавшая родителям его жены Маргариты. В письмах, отосланных своему патрону нотарием Лапо Маццеи, последний подробно рассказывал о том, как он подыскивал и покупал для Датини небольшие подере, часто состоявшие из нескольких парцелл, а еще чаще — отдельные парцеллы в наиболее удобных и благоприятных для ведения хозяйства местах контадо Прато — Гриньяно, Фалько, Филеттоле и др. Ряд писем посвящен выбору участка для виллы самого Франческо [56]. В письме от 3 января 1406 г. нотарий с удовлетворением отмечает, что помещение капиталов в землю — более надежный способ, чем «хождение по морям» [57].

Основная часть земель Датини представляла собой пахотные участки. Виноградники высаживались обычно по краям поля, так же как и плодовые деревья: яблони, груши, сливы, гранаты, айва, а также фиговые деревья и орешники. Отдельно расположенные виноградники занимали лишь 2,4% всей земельной площади (6 га). Однако в составе поступавшей от арендаторов земельной ренты по стоимостной оценке в ряду других продуктов вино занимало до 35 и даже 50% всего объема поступлений, в то

---

[55] Archivio Datini. Prato. N 356: Libro di Francesco di Marco da Prato sul quale si scriveranno tutti coloro che stanno a pigione nelle case, e i lavoratori che tengono le terre a mezzo e a fitto, a. 1408—1410: *Melis F.* Aspetti della vita economica medievale (Studi sull'Archivio Datini di Prato). Siena. 1962. Vol. 1. P. 51—52. 61—71. 192—193. 514—519. 527: *Origo I.* Il mercante di Prato. Milano. 1958. P. 207—218. При статистической обработке материалов «Книги владений» нами были использованы некоторые подсчеты доходности отдельных комплексов владений, сданных в аренду, и материалы генеалогий отдельных арендаторов, содержащиеся в неопубликованной диссертации К. Гори. См.: *Gori C.* I poderi di F. Datini e il detto produttivo negli anni 1408—1410. Tesi di laurea/Relatore prof. F. Melis. Firenze. 1970—1971.

[56] *Ser Lapo Mazzei.* Lettere di un notaro a un mercante del sec. XIV con altre lettere e documenti/Per cura di C. Guasti. Firenze. 1880. Vol. 1. P. 24, 29. 108—109. 131. 132—133. 200. 276; Vol. 2. P. 71—72. 84. 94. 122. 206.

[57] Lettere... Vol. 2. P. 72.

время как зерновые — 50—60%. В уже упомянутых нами письмах нотария Лапо Маццеи довольно часто встречаются описания разных сортов вина (белое, вермильо, треббьяно, вернпо), получаемых с виноградников Датини, и о продаже вина. Нотарий подробно информирует Франческо, куда, какого сорта вино и в каком количестве отправлено — в дом самого ли патрона, или его жене Маргарите, либо же на рынок[58].

Олив было мало — они занимали лишь полгектара, 4 га приходилось на кустарники. Непосредственно доменнальное хозяйство Датини было незначительно. Оно включало лишь 1,2% всех земельных угодий. Вместе с тем Датини владел значительной городской недвижимостью: в Прато, Флоренции, Пистое, Пизе ему принадлежало более 20 домов с примыкавшими небольшими участками земли. Их арендовали булочник и сапожник, цирюльник и портной, чиновники коммуны, уплачивавшие в качестве арендной платы от 2,5 до 8 золотых флоринов в год. Датини принадлежали также собственные и снятые в аренду магазины во Флоренции на виа Порта Росса, виа Парноне и виа Пор Санта Мария, в центре города.

Почти вся земельная собственность Датини сдавалась им в испольную аренду и лишь менее 1% ее — в аффикт. Географически выгодное, особенно для интенсивных культур, расположение земель Датини способствовало тому, что ежегодные доходы его от земельной собственности были выше доходов от сдаваемой в городе в аренду недвижимости: последние равнялись 5,44%, в то время как доходность от земель, сданных в аффикт и медзадрию, колебалась в 1408—1410 гг. от 6 до 9%, составляя в среднем 7,6%. Весьма высоким было и обложение 1 стайора земли, сданного в испольщину: на парцеллах — 0,85 флоринов.

Впрочем, обложение различных хозяйств арендаторов было далеко неодинаковым: оно колебалось от 0,5 до 0,9 золотых флоринов, а в непосредственной близости от города достигало подчас 1 флорина и даже превышало его. Аффикт приносил в среднем 6,9% со сданных в аренду земель и 7,5% — с домов, за которые платили испольщики, проживавшие на участках. Собственно испольщина приносила Датини еще более высокие доходы: в среднем за три года ежегодно 7,6% (от 9,2% в 1408 г. до 5,9% в неурожайном 1410 г.). В целом сдаваемые в испольную аренду участки были невелики: к классическому подере можно отнести лишь один из них. Размеры парцелл в их совокупности у более чем половины арендаторов не достигали и 5 га, и только треть арендаторов владела участками от 10 до 15 га. Проживали испольщики постоянно обычно в Прато или его ближайших окрестностях, а на парцеллы ходили «как на работу». Очевидно, многие из арендаторов наряду с сельским хозяйством на снятой исполу парцелле занимались ремесленным трудом либо приарендовывали другие участки, возможно, имели частично и собственные

[58] Ibid. Vol. 1. P. 112—113, 114, 395.

клочки земли, засаженные садовыми и огородными культурами и виноградниками. Ф. Мелис показал, что 80% пряжи для суконодельческих мастерских, принадлежавших Датини, поступало из окрестностей Прато, а не вырабатывалось в городе, а из 991 работника 460 проживали в 96 населенных пунктах контадо Прато и Флоренции: от Черрето Гвиди до Карминьяно и Камии Бизенцио, от Понтассьеве до Муджелло и Пратолино, а также в Эмполи и других местах, т. е. в радиусе до 25 км и более от города [59].

На взятых в аренду участках испольщики Датини, как правило, не имели рабочего скота, обрабатывая землю с помощью мотыги и заступа. За пользование плугом им приходилось вносить собственнику дополнительную плату. Последний принимал незначительное участие в издержках производства в хозяйствах арендаторов: лишь иногда он давал ссуду на приобретение волов, предоставлял половину семян люпина, используемого в качестве зеленого удобрения на занятом пару, половину семян льна; иной раз участвовал в расходах по доставке навоза — дорогостоящего удобрения из-за редкости стойлового содержания скота.

Семенами всех основных культур, в первую очередь пшеницы, хозяйство должен был обеспечивать сам арендатор. На нем же лежали расходы по доставке господской части урожая к дому Франческо Датини, в Прато. Испольщики Датини должны были выполнять немало дополнительных работ: размножать черенками и сажать новые виноградники, прорывать оросительные и дренажные каналы и канавки, высаживать оливковые деревья, изготовлять вино для патрона, доставлять ему помимо «половины» в качестве дополнительных приношений обусловленное договором количество домашней птицы, сушеных олив и фиг. Уже И. Имберчадори [60] отмечал, что недостаточная площадь зерновых посевов и, главное, невысокие урожаи этих земель (сам-5) приводили к тому, что примерно половина испольщиков Датини не могла доходом с арендованного участка обеспечить существование своей семьи в течение года. Без дополнительных доходов с виноградников, оливковых деревьев, очевидно, не всегда учитываемых собственником, а также разного рода приработков «не мог существовать самый лучший арендатор».

Используя данные о ценах на сельскохозяйственные продукты, содержащиеся в «Книге владений» Франческо Датини, мы, со своей стороны, попытались определить соответствие реальных доходов его испольщиков, т. е. их личного фонда потребления (ФЛП), и минимального уровня потребностей их семей в обеспечении самыми необходимыми продуктами: хлебом, вином, оливковым маслом, мясом, одеждой и обувью. В рассматриваемый

[59] *Melis F.* Industria, commercio, credito // Un'altra Firenze. L'epoca di Cosimo di Vecchio. Riscontri tra cultura e società nella storia fiorentina. Firenze. 1971. P. 206—207.

[60] *Imberciadori I.* Proprietà terriera di F. Datini e parziaria mezzadrile nell' 400 // Economia e storia. 1958. Fasc. 3. P. 254—272.

период времени семье испольщика из пяти человек требовалось ежегодно как минимум не менее 60 стайя зерновых (обычно ³/₄ их составляла пшеница, что, как уже говорилось, обусловливалось структурой зерновых посевов, а не было «роскошью»), 900 л вина, 144 л оливкового масла[61].

В денежном выражении минимальный уровень потребления продуктов питания в начале XV в. для семьи указанного размера, исходя из уровня цен в округе Прато[62], равнялся соответственно 37,15 золотых флорина. Если же прибавить к этой сумме 18—20 флоринов (минимальную стоимость одежды и обуви), величина ФЛП в денежном выражении достигла бы 55—57 флоринов. Результаты произведенной нами стоимостной оценки в золотых флоринах «доли» испольщиков, т. е. продуктов питания, остававшихся у них после расчета с собственником, показывают, что около 70% арендаторов в действительности располагали ФЛП, равным *менее половины необходимого*: их доли не достигали и 25 флоринов. Немногим более 20% арендаторов имели в своем распоряжении от 26 до 50 флоринов и только 8% — 51 флорин и выше. Ясно, что дополнительные заработки, будь то аренда соседних участков, сезонная работа по найму в том же селении или поблизости, совмещение труда в сельском хозяйстве с работой на городскую промышленность, были здесь суровой необходимостью.

В своих письмах нотарий Лапо Мацци, разумеется, не мог не затронуть и положение арендаторов на сданных в аренду участках, принадлежавших Франческо Датини. Он с удовлетворением говорит об одном из испольщиков, Кайо ди Пиппо ди Лотто, которому с 1 стайора земли удается получить 7 флоринов годового дохода, т. е. гораздо выше, чем средняя доходность земель Датини, и при этом испольщик не просит в долг ни волов, ни семян, ни корову[63]. В то же время нотарий с возмущением говорит о том, что, по его мнению, лишь «немногим, действительно бедным» испольщикам надо помогать, так как многие «плохие» арендаторы просто напросто «не хотят работать» и в помощи им нет никакой необходимости. Показательно описание положения одного из испольщиков, которому Лапо «счел возможным» помочь. Когда Лапо посетил жилище этого арендатора, то увидел, что у того большая семья, несколько взрослых детей, но в доме нет вина и почти нет хлеба, сам же хозяин не имел ни рубашки, чтобы при-

---

[61] О методике исчисления прожиточного минимума и ФЛП испольщиков в изучаемый период подробнее см. нашу статью: *Котельникова Л. А.* Экономическое положение крестьян-испольщиков в Тоскане в XV в. // СВ. 1975. Вып. 39. С. 135—143.

[62] Средние цены по данным нашего источника в 1408—1410 гг. составляли: 1 стайо пшеницы (24 кг) — 25 солидов, 1 стайо ячменя — 12 солидов, 1 стайо бобовых — 14 солидов, 1 стайо гороха — 48 солидов, 1 либбра льна (339,54 г) — 1 солид, 1 пара каплунов — 1 лира, 1 баррель (45,6 л) вина — 30 солидов, 1 баррель (1 орчо), т. е. 39,5 л, оливкового масла — 160 солидов.

[63] Lettere... Vol. 2. P. 82—83.

крыть тело, ни чулок, чтобы прикрыть ноги, а его плащ был весь рваный[64].

Мы смогли использовать некоторые материалы из хозяйственного архива Благотворительного общества, которому Датини завещал все свое состояние, в том числе и недвижимость[65]. Описание расходов и доходов за 1493 г. позволяет кратко охарактеризовать некоторые особенности агрикультуры и землевладения на прежних землях Датини к концу XV столетия. Главной посевной культурой оставалась пшеница (40,78% стоимости всей продукции). Бобовые и лен приносили незначительную часть доходов — соответственно 4,7 и 2,17%.

Возросла роль интенсивных культур: виноградные лозы приносили 25,25% валового дохода, причем 52,78% полученного вина шло на продажу. На семена арендаторам ассигновывалась ¼ господской «доли» бобовых и 1,3% общего сбора всех культур по их стоимости. Семена всех основных культур по-прежнему и даже в еще большей мере доставлял сам арендатор из своей доли урожая либо покупал на рынке.

В хозяйстве использовалось четверо слуг, в том числе две домашние рабыни, затраты на содержание которых были вдвое меньше, чем на содержание свободных слуг. Во время уборки урожая зерновых, сбора винограда и других работ на виноградниках, а также для приготовления вина в собственном хозяйстве землевладельца привлекались окрестные крестьяне, возможно, те же испольщики, труд которых оплачивался натурой — зерном или вином. На это шло 7,9% всех расходов хозяйства.

Постоянные наемные работники нанимались за сравнительно небольшую сумму — 120 лир, составлявшую 2,02% всех расходов, что свидетельствует об очень небольшом и спорадическом использовании наемного труда. Невелики были доходы хозяйства от эксплуатации городской недвижимости — зданий и сооружений. От сданных в аренду домов, винодавильни, помещений, где растягивали готовые сукна, получали 5,3% всех поступлений, от ростовщических операций — 4,52%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что и после смерти Франческо Датини собственное хозяйство землевладельца на этих землях не получило сколько-нибудь значительного развития, хотя, возможно, оно было крупнее существовавшего в начале XV в. Незначительными оставались масштабы применения наемного труда. Работниками по преимуществу были окрестные крестьяне.

---

[64] Ibid. P. 143—144. ...i quali sono pochi, ma i cattivi, che non vogliano lavorare, sono molti...; Io ve ne vo'ricordare uno, che è buono, a mio parere, e penso non abbi calze nè camiscia in dosso, la gonne luccia in sulle carni, e uno capperone tutto rotto; e ha parecchie fanciulle grandi, ma una forse d'anni 18 e appariscente; sanza vino in casa e poco pane.

[65] ASF. Medici avanti il Principato. Filza 83. N 48. C. 297—298. Nota della entrata del Cieppo di Francesco di Marco del comune di Prato e prima per quest'anno 1493.

Строцци

Крупнейшие банкиры и торговцы-предприниматели Флоренции Строцци в XIV—XV вв. распространили свою деятельность далеко за пределы Тосканы. Они осуществляли банковские операции во Франции и в Англии, им принадлежала одна из ведущих банковских контор при папском дворце в Авиньоне. Филиалы торговой компании Строцци находились в Риме, Неаполе и других городах. Члены фамилии фигурировали в списках ведущих старшин цехов Калимала, Лана, Камбио. Они занимали должности приоров и гонфалоньеров, были неизменными влиятельными участниками гвельфской партии.

Во флорентийском кадастре 1427 г. перечислены 53 представителя этой семьи, в руках которой было сосредоточено 2,6% всего богатства горожан. Банкир-гуманист Палла ди Нофри Строцци (1372—1462) по размерам своего богатства занимал второе место в кадастре 1427 г., «обогнав» основателя знаменитого банка Медичи — Джованни ди Биччи, а первое место там принадлежало семейству Панчиатики.

В конце XV в. Филиппо Старший (Филиппо Джованни Батиста) был одним из богатейших людей в Европе[66]. Главной сферой деловой активности Строцци была кредитно-банковская и торговая деятельность, тесно связанная и с промышленным предпринимательством. Вместе с тем, при всей значимости инвестиций отдельных представителей фамилии Строцци в торговлю, кредитно-банковскую деятельность и промышленное производство, недвижимость составляла весомую часть их имущества. Приведем лишь несколько примеров. Так, в составе имущества Симоне ди Филиппо в 1424 г. стоимость недвижимости составила 4500 золотых флоринов, или 63,7% всего имущества, в то время как стоимость оборудования мастерских, товарные запасы, вложения в кредитно-банковские операции равнялись 1650 золотых флоринов (23,3%). Недвижимость Симоне — это и его собственный дом во Флоренции, и сдаваемые им в аренду здания и торговые помещения. Из общей оценки недвижимости в 4500 флоринов собственно земельные владения оценивались в 2500 флоринов. Среди них — подере и парцеллы, расположенные в основном вблизи Флоренции, к западу от нее, в приходе Сан Пьеро Кваракки (теперь — коммуна Кампи Бизенцио).

Еще более весомую часть (71,8%) занимала в 1425 г. недвижимость в составе имущества сына Симоне — Маттео ди Симоне

---

[66] *Goldthwaite R. A.* Private Wealth in Renaissance Florence: A Studies of four Families. Princeton, 1968. P. 32—61; *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes... P. 251—252; *Jones Ph. J.* Florentine Families and Florentine Diaries in the Fourteenth Century // Papers of the British School at Rome. 1956. Vol. 24. P. 183—205; *Brucker G. A.* Florentine Politics and Society, 1343—1378. Princeton, 1962. P. 16; *Spallanzani M.* Una grande azienda fiorentina del Trecento: Carlo Strozzi e compagni // Ricerche storiche. 1978. N 2. P. 417—436.

(1397—1436), члена цеха Лана, занимавшего высокие административные должности в республике до прихода Медичи. У других представителей семьи Строцци — Филиппо и его сыновей, Филиппо и Лоренцо, их активность в торговле и кредитно-банковских операциях в 80—90-х годах XV в. значительно «подавляла» их инвестиции в недвижимость, да и среди последней огромные и все возраставшие суммы выделялись на постройку дворца во Флоренции, знаменитого Палаццо Строцци, расположенного на улице того же названия [67].

Нас будут прежде всего интересовать особенности ведения сельского хозяйства на землях Строцци в XV в. Что представляло наибольший интерес для Строцци как сельских хозяев на их подере и парцеллах? Какая форма аренды там практиковалась, какие культуры высаживались, каков был уровень эксплуатации их работников, как часто прибегали здесь Строцци к найму «посторонней» рабочей силы? Небезынтересный материал содержат письма Алессандры Мачинги Строцци (1408—1471 гг.), жены Маттео ди Симоне Строцци [68]. Наряду с многочисленными сведениями о политической обстановке во Флоренции в 30—60-х годах, в «Письмах» наличествуют и некоторые (любопытные, на наш взгляд) данные о состоянии хозяйства (скорее, об упадке хозяйственной деятельности) во владениях некогда богатой семьи знаменитого банкира и торговца-предпринимателя.

Дочь Филиппо Мачинги и Катерины Альберти Алессандра была изгнана из Флоренции в 1434 г. после установления власти Козимо Медичи. Муж ее умер в изгнании. В 1436 г. Алессандра возвратилась из Пезаро, похоронив там мужа, и поселилась во Флоренции в приходе Санта Мария дельи Уги, в «фамильном квартале», на корсо дельи Строцци. Алессандра владела также городским домом в приходе Сан Лоренцо (виа Сан Галло), который сдавала в аренду барабанщику синьории Чилиано. Алессандра Мачинги была собственником сравнительно немногочисленных земель в западных и южных окрестностях Флоренции, в уже упомянутом выше приходе Сан Пьеро Кваракки и неподалеку от него в местечке Кампи, а также в Поццолатико (5—10 км к югу от города) и Мачиоли (северо-восточные окрестности Флоренции).

Продолжая предпринимательскую деятельность мужа, Алессандра была участницей суконодельческой компании Леонардо Строцци. Тем не менее в целом она уже не была столь богата,

---

[67] *Goldtwaite R. A.* Op. cit. P. 26—50. См. также: *Котельникова Л. А.* Некоторые особенности социальной природы итальянских пополанов в XIV—XV вв.: (Землевладение торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы) // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 148—149; *Котельникова Л. А.* Сельское хозяйство на землях Строцци — крупной пополанской семьи Тосканы XV в.: (По материалам Государственного архива Флоренции) // СВ. 1984. Вып. 47. С. 29—45.

[68] *Macinghi negli Strozzi Alessandra.* Lettere di una gentildonna fiorentina del sec. XV ai figliuoli esuli/Pubbl. da C. Guasti. Firenze, 1877.

как в те времена, когда был жив ее муж; общая доходность ее имущества не превышала 4000 золотых флоринов (в 1431 г. Маттео имел доход более 7 тыс. золотых флоринов).

В 30—50-х годах XV в. вдова продала вдобавок большую часть принадлежавших ей земель. В письмах своим сыновьям Филиппо и Лоренцо, которые остались в изгнании, Алессандра жалуется на «непомерную тяжесть» чрезвычайных налогов со стороны властей, на невозможность для нее уплачивать их регулярно, в установленные сроки. В 1437 г. она продала небольшой подере в Сан Креши (Кампи), в 1466 г.— дом во Флоренции на виа Сан Галло. В 1454 г. она продала Отто Никколини за 850 золотых флоринов подере в приходе Санта Мария Антелла (около 10 км к юго-востоку от города). В «Заявлении» в кадастр 1469 г. Алессандра среди принадлежавших ей земель называет только подере в приходе Сан Стефано в Поццолатико и несколько парцелл в других местах. Вырученные деньги она, как правило, высылала сыновьям в Неаполь для ведения торговых дел. В 1463 г. муж ее дочери, Джованни Бонси, купил за 365 золотых флоринов подере в коммуне Борго Сан Лоренцо в Муджелло (около 25 км к северу от города). В состав подере входили участки пахотной земли, виноградники, фруктовые деревья, луг, кустарник и пустошь, т. е. это был типичный «поликультурный» подере. Джованни Бонси приобрел также два дома для проживания на подере испольщиков и хозяйственный инвентарь (бочки на 60 баррелей вина, закрома для зерна и т. п.).

В 1465 г.— неурожайный год, «тяжелый для бедняков», по словам Алессандры, она тем не менее получила с подере в Поццолатико довольно большое количество пшеницы — 275 стайя, но мало вина, всего 8 баррелей. 9 баррелей вина ей удалось получить с парцелл в приходе Кваракки. Если бы не было недорода, писала она, баррель вина стоил бы 1 большой флорин, но теперь за него платят лишь 3 лиры. Очевидно, спрос на вино уменьшился. 1465 год был не только неурожайным. Новая вспышка эпидемии чумы унесла много жизней [69].

Представляют интерес некоторые детали хозяйственной деятельности Алессандры Строцци на упомянутом подере в Поццолатико. В письме от 19 декабря 1465 г. она сообщает, что сменила арендатора и поэтому работы на подере только начинаются, а все хозяйство на нем в беспорядке, к тому же немалый урон нанес сильный ураган. Алессандра делится с сыновьями своим намерением оказать помощь арендатору в приобретении скота («тогда был бы и навоз, а подере нуждается в удобрении, и впоследствии расходы были бы возмещены»). Если бы эти затраты были сделаны раньше, отмечает Алессандра, иным был бы и урожай, и тогда можно было бы сделать новые инвестиции. Сейчас же совсем другое дело. Алессандра высказывает далее сомнение в том, сможет ли оказать помощь арендатору из своих на-

[69] Ibid. P. 62—63, 150, 173, 205, 275, 278, 317—319, 507.

личных денег, не снимая со счета в банке. К тому же совершенно неотложны другие работы на подере, также требующие немалых расходов, в которые, приходит она к выводу, очевидно, и придется вложить деньги в первую очередь [70].

В письме от 5 января 1465 г. Алессандра снова возвращается к вопросу о покупке рабочего скота для арендатора, сообщая, что решилась на его приобретение, так же как и на покупку подставок для виноградных лоз, и на покупку навоза. На все это, по ее словам, уйдет 16 флоринов, и все эти деньги она запишет на счет испольщика. Как видим, даже минимальная эвентуальная «помощь» собственника арендатору носит лишь характер ссуды, подлежащей возврату. Впрочем, волы так и не были куплены. В письме к сыну Филиппо от 30 января 1465 г. она признается, что пока скотину не купила, но сделает это, если найдет что-либо подходящее. Оправдывая необходимость хозяйственных затрат на подере, Алессандра уповает на то, что они должны принести «хорошие плоды» [71].

В письмах сыновьям Алессандра жалуется не только на тяжесть многочисленных правительственных налогов и сборов, но и на то, что ей приходится тратить деньги для покупки продуктов, которые необходимы для ее пропитания и для обеспечения слуг, так как она не получает этих продуктов в достаточном количестве со своего подере. В письме Филиппо от 14 апреля 1470 г., за год до смерти, Алессандра сетует на то, что зерно подорожало: она купила 18 стайя полбы по 9 солидов за стайо и 1200 снопов ячменной соломы (очевидно, на корм скоту) по 10 солидов за сотню. Пшеница же подорожала еще значительнее: цена за 1 стайо подскочила до 20 солидов. «Такова наша судьба,— жалуется мать сыну,— что приходится покупать, когда все дорожает... Придется купить,— продолжает она,— и немало баррелей вина». Алессандра высказывает также опасение, что вино может подорожать, так как большие холода могли повредить виноградники [72]. Таким образом, утратив большую часть земельных богатств своей семьи, к концу жизни Алессандра Строцци не смогла наладить рентабельного хозяйства на оставшемся подере, несмотря на предпринимавшиеся ею усилия.

От литературного источника, которому свойственна непосредственность и субъективность восприятия действительности его автором, мы обратимся к источникам иного рода— налоговым описям, бесстрастно перечисляющим цифры расходов и доходов налогоплательщиков.

Анализ налоговых описей мы начнем с описания недвижимости Бенедетто ди Пьеро дельи Строцци, составленного для флорентийского кадастра 1427 г. [73] Семья Бенедетто ди Пьеро со-

[70] Ibid. P. 525.
[71] Ibid. P. 543, 565.
[72] Ibid. P. 604.
[73] ASF. Carte strozziane. III serie. Filza 121. C. 44 r—46 rv.

стояла из 10 человек: сам Бенедетто, 38 лет, его жена Джиневра, 32 года, мать Изабелла, 62 года, и 7 детей в возрасте от 5 месяцев (сын Франческо) до 12 лет (дочь Маргерита). Бенедетто владел домом во Флоренции на виа дельи Строцци («в фамильном квартале»), который оценивался в 700 золотых флоринов. Ему принадлежал также дом в коммуне Капрайя и небольшой садик размером в 2 стайора, оцененный в 150 флоринов в приходе Санто Квирико а Капалле (около 10 км к северо-востоку от Флоренции). В этом же приходе располагалась и вся остальная недвижимость Бенедетто: 6 подере (из них 2 в том же приходе, но в местечке Томерелло) и множество мелких парцелл, обычно примыкавших к тому или иному подере, но порой расположенных отдельно и хозяйственно с подере не связанных. Часто парцеллы были заняты монокультурой: виноградником, фруктовыми деревьями, зерновыми. Общая площадь земель Бенедетто — свыше 750 стайора. Так как величина некоторых участков, в том числе подере, не указана, размеры его земельных владений, очевидно, были намного больше.

Земельные богатства Бенедетто Строцци оценены в кадастре общей суммой в 3 тыс. золотых флоринов. Принадлежавшие Строцци два дома — во Флоренции и в Капрайе — по их стоимости (850 флоринов) составляли примерно 22,8% всей недвижимости. Земельные владения приносили ежегодно 170,16 флоринов дохода (5,75%) [74]. Расходы на ведение хозяйства на подере и парцеллах составляли около четверти валового дохода. Бенедетто оплачивал половину расходов арендаторов на обеспечение своих подере семенами люпина — «зеленого удобрения», который обычно смешивали с зеленой массой бобовых. Семена главной посевной культуры (пшеницы) поставляли полностью сами арендаторы-испольщики, лишь на подере в Томерелло Бенедетто предоставлял арендатору Квирико ди Донато $^{2}/_{3}$ семян пшеницы, а арендатору другого подере в том же местечке Томерелло, Доменико ди Бартоломео, Бенедетто оплачивал половину расходов на содержание волов; вероятно, это было вызвано бедностью испольщика, долг которого был выше всех остальных, а $^{1}/_{5}$ подере являлась пустошью. Всем остальным испольщикам собственник должен был предоставлять половину семян для посева «низших зерновых» (полбы, проса, сорго), бобовых и льна. Бенедетто брал также на себя обязательство доставлять на свои средства половину навоза, необходимого для удобрения подере и парцелл [75]. Землевладелец оплачивал также 20-дневные работы по укреплению почвы от разрушений р. Бизенцио (очевидно, выполняемые теми же арендаторами). С двумя арендаторами мать

---

[74] Здесь и далее подсчеты по описи имущества Бенедетто Строцци и других представителей этой семьи сделаны нами. Подробные статистические данные, сведенные в таблицы, см.: *Котельникова Л. А.* Сельское хозяйство на землях Строцци... С. 37; 40—41.
[75] ASF. Carte strozziane. III serie. Filza 121. C. 46 r—46 v.

и жена Бенедетто заключили договор сочиды на совместное выращивание трех телят.

Арендаторы подере и парцелл, входивших в состав подере, были испольщиками, проживавшими на самом подере. Они уплачивали собственнику половину полученного урожая всех выращиваемых на подере культур: пшеницы, низших зерновых и бобовых, винограда, льна. В качестве «дополнительных даров» они доставляли домашнюю птицу: одну-две пары каплунов и цыплят. Как видим, собственник принимал здесь довольно активное участие в издержках производства. Но насколько весомо это участие в рамках реальных доходов и расходов того или иного арендатора? В какой мере остававшихся в распоряжении арендаторов продуктов после уплаты «половины» было достаточно для обеспечения необходимыми средствами существования семьи испольщика и для осуществления воспроизводства его хозяйства? Ответив на эти вопросы, мы тем самым приблизимся — в той или иной степени — и к ответу на вопрос об уровне эксплуатации на подере Бенедетто Строцци. Нам известна рента арендатора, шедшая собственнику с каждого подере и примыкавших к нему парцелл, в абсолютных цифрах, а имеющиеся данные о ценах на отдельные сельскохозяйственные продукты позволяют вычислить размеры этой ренты в стоимостном отношении с подере в целом и отдельными продуктами сельского хозяйства. Эти же данные позволяют установить распределение сельскохозяйственных продуктов в составе ренты на тех или иных подере и на землях Бенедетто Строцци в целом.

Какие заключения становятся здесь возможными? Хозяйство Строцци было по преимуществу зерновым: доля зерновых и в абсолютных цифрах (в стайя зерна) повсеместно преобладает, причем не менее $^2/_3$, а порой и $^3/_4$ посевов были заняты пшеницей; в стоимостном отношении пшеница еще более преобладает, но это объясняется низкими ценами на низшие зерновые (просо, сорго, полбу), которые обычно были в 2 раза ниже цен на пшеницу.

Виноградники имелись почти на всех подере, за исключением одного, где вместо вина арендатор дополнительно вносил пшеницу[76]. Нередко, однако, виноградники представляли собой отдельно расположенные парцеллы, примыкавшие к подере. Несколько виноградников в составе владений Строцци были расположены вне подере, один из них, небольшой, площадью 4 стайора обрабатывался наемными работниками. На многих отдельно расположенных участках, так же как и на самих подере (вероятно, по краям зерновых посевов и в междурядьях), выращивались фруктовые деревья, хотя плоды и не фигурируют в составе ренты. Лен высевался на четырех из шести подере в сравнительно небольших количествах (всего 32 додичины,

[76] Ibid. C. 44 r.

т. е. 384 либбры)[77]. Уже говорилось о поставке каждым арендатором домашней птицы.

Каковы были реальные доходы отдельных арендаторов? Размеры подере вместе с примыкавшими к ним и хозяйственно объединенными с ними парцеллами были сравнительно велики — от 90 до 200 стайора, в среднем 110—120 стайора. Величину остававшейся в распоряжении арендатора доли урожая после расчетов с собственником и выделения семенного фонда (не забудем, что семена главной культуры — пшеницы, занимавшей большую площадь, полностью доставляли сами арендаторы, за исключением одного — Квирико ди Донато) мы сравним в ее стоимостном выражении и в абсолютных цифрах с той минимальной величиной так называемого фонда личного потребления (ФЛП) испольщиков, которая была необходима для обеспечения существования самого испольщика и его семьи, средний состав которой (из данной описи он неизвестен) мы принимаем за 5 человек. Минимальную величину ФЛП для семьи испольщика мы выводим, исходя из следующих величин: годовая потребность семьи испольщика в пшенице 45 стайя ($^{3}/_{4}$ всего зерна); в низших зерновых и бобовых 15 стайя, в вине 20 баррелей (0,5 л на человека в день); в действительности вина — разбавленное вино было основным напитком — потребляли значительно больше — до 2 л в день[78].

Общая величина минимального ФЛП семьи испольщика в стоимостном отношении, исходя из указанных выше расчетов, составляла на землях Строцци 15,5 золотого флорина только на продукты питания, а добавив к этой сумме 20 флоринов (приблизительную стоимость одежды и обуви), мы получаем цифру в 35,5 флорина как минимальный ФЛП. Арендаторы Строцци в большинстве своем (5 из 6) располагали ФЛП, ненамного превышающим вычисленную нами его минимальную величину.

Один арендатор — Доменико ди Бартоломео, житель того же прихода Капалле, значительно «недотягивал»: его ФЛП был равен 11,09 флорина. Обращение к другим, подсобным занятиям, возможно, выполнение тех же работ на виноградниках, не входящих в систему подере или каких-либо иных, для семьи этого арендатора было неизбежным и необходимым для обеспечения пропитания ее членов.

Правда, следует учитывать одно дополнительное обстоятельство. Невысокие доходы (в стоимостном исчислении) в большой мере обусловливались сравнительно низкими ценами на зерновые и вино в районе прихода Сан Квирико, в коммуне Капрайя в 1427 г. Можно предположить (и, как увидим, не без основания),

---

[77] Ibid. 44 rv, 46 rv.

[78] Нами использованы при подсчетах следующие цены на продукты питания, указанные в анализируемом фрагменте налоговой описи: 1 стайо пшеницы стоит 15 солидов, 1 стайо низших зерновых — 8 солидов, 1 баррель вина — 16 солидов, лен (1 либбра) — 2 солида, пара каплунов — 20 солидов.

что основными продуктами питания арендаторы обеспечивали себя непосредственно из «оставшейся доли» урожая (после выделения семенного фонда), не прибегая к рынку. В какой мере они могли удовлетворить свои необходимые потребности этой «оставшейся долей»? В распоряжении семей четырех арендаторов из шести оказывается значительно больше необходимых для пропитания 45 стайя пшеницы и у 5 семей — более 15 необходимых стайя низших зерновых. Обеспеченность вином у двух арендаторов чуть более половины минимальной, у двух — чуть выше минимума, у одного — более чем в два раза выше. В то же время арендатору Доменико ди Никколо, на подере которого нет виноградников, вино надо было покупать (как и испольщикам Кririко ди Донато и Доменико ди Бартоломео, которым недоставало почти половины необходимого вина). Цены на вино, однако, были достаточно высокими, и, для того чтобы купить 10—15 баррелей вина, надо было продать 10—15 стайя пшеницы или 20—30 стайя низших зерновых, чего не мог себе позволить наиболее бедный из наших арендаторов — Доменико ди Бартоломео, так как он не располагал таким «избытком» сверх необходимого количества пшеницы или низших зерновых. Не случайно и то, что величина его задолженности Бенедетто (42 флорина) почти в 1,5 раза больше, чем у других арендаторов, и собственник вынужден оплачивать половину его расходов на содержание волов. Остальные испольщики имели возможность продать некоторую часть зерновых для обеспечения своих необходимых потребностей в питании (мы не знаем, держали ли арендаторы мелкий скот — поросят, овец; скорее всего нет, так как в кадастре они не упоминаются). Что же касается потребностей арендаторов в обуви и одежде, то и продажа части зерна практически не могла или могла лишь в незначительной степени удовлетворить их потребности. Не случайна хроническая задолженность всех арендаторов, которая в 1,5 раза, а у Доменико ди Бартоломео — в 4 раза превышает величину их ФЛП.

Известно, что нередко задолженность продолжала тяготеть над арендаторами из года в год, но в счет ее они были обязаны выполнять работы в пользу собственника, объем которых, естественно, возрастал с ростом задолженности. В этой связи неудивительны и заявления Бенедетто Строцци о том, что его арендаторы «бедны» и не имеют достаточных средств к существованию [79], хотя в интересах снижения его налогообложения он мог допустить и некоторое преувеличение.

Данные о структуре земель Строцци в начале XV в. мы сможем дополнить теми сведениями, которые содержит фрагмент кадастра XV в. (более точная дата его составления не указана), содержащий опись имущества другой ветви многочисленной фамилии Строцци — Смеральдо Строцци и его жены Катерины, проживавших вместе с братом Смеральдо — Строцца во Флорен-

[79] ASF. Carte strozziane. Filza 121. C. 46 a (bis): Miei lavoratori sono poveri.

ции, в приходе Санта Мария дельи Уги и Санта Тринита. Семье Смеральдо и Строцца принадлежало также 2 небольших дома, сдававшихся ими в аренду (один из них оценивается всего в 14 флоринов и 5 солидов)[80].

Земельные владения братьев располагались вблизи владений Бенедетто Строцци, в приходах Сан Лоренцо и Сан Стефано ин Кампи (Кампи Бизенцио), в 10—12 км к северо-западу от Флоренции. Они состояли из 2,5 подере в испольной аренде и нескольких парцелл, сданных в аффикт и занятых виноградником, а частично необработанных. Арендаторы подере жили на участках. Леонардо ди Бартоло, арендовавший парцеллы, очевидно, пришелец, так как о его жилище на участке не говорится. На подере в Сан Стефано находилось и жилище сеньора, куда он мог наведываться время от времени или даже проводить там некоторое время (возможно, летом или в период дележа урожая).

В отличие от земель Бенедетто, подере Смеральдо и Строцца, вероятно, представляли собой комплексы, где хозяйство велось по типу поликультуры (виноградники здесь не были обособленными участками, примыкавшими к подере, а, по-видимому, перемежались зерновыми посевами на том же подере).

На подере в Сан Лоренцо преобладали зерновые посевы, а среди зерновых — пшеница. Низшие зерновые составляли около $^1/_3$ ренты зерновых в абсолютных величинах и около 14% в стоимостном выражении (принимая во внимание их низкую стоимость в этом географическом районе). Вино на подере Сан Лоренцо составляло лишь незначительную часть ренты, как и лен (около 7%).

Несколько иной набор сельскохозяйственных культур был на подере Сан Стефано, неподалеку от Сан Лоренцо. Зерновые там не превышали 36% ренты (также при абсолютном преобладании пшеницы). Однако виноградники занимали гораздо бóльшую площадь, так как в стоимостном выражении достигали почти 21% ренты. С этого же подере собирали и оливки, и фиги. Их доля в составе ренты была довольно велика — 22,47%.

Как соотносились на подере Смеральдо и Строцца необходимые для существования и реальные доходы испольщиков? Размеры подере в описи не указаны, но дается оценка их доходности (капитализированная из 7%). Судя по ней, а также по стоимостному выражению ренты, наиболее состоятельным был арендатор на подере в приходе Сан Стефано (доход с подере оценивался в 675 золотых флоринов), наименее состоятельным — арендатор, снимавший половину подере в приходе Сан Лоренцо — Лоренцо ди Маццоккьо (его доход — 214 флоринов).

Применив тот же способ вычисления фонда личного потребления испольщиков (ФЛП), какой мы использовали примени-

[80] Ibid. Filza 122. C. 73—74.

тельно к испольщикам Бенедетто Строцци[81], мы получили величину минимального ФЛП, равную 16,72 золотых флорина, а присовокупив к ним возможные затраты на одежду и обувь — 36,72 флорина, что немного превышает сумму, вычисленную нами на подере Бенедетто Строцци.

Каков же был реальный ФЛП отдельных арендаторов на подере Смеральдо Строцци? К сожалению, в данной описи собственник не указывает столь же точно, как Бенедетто Строцци, форму и долю своего хозяйственного участия по обеспечению земельных участков семенами или субсидированию покупки и содержанию рабочего скота. Поэтому мы можем лишь предположить, что собственник и здесь предоставлял половину семян низших зерновых. В этом случае размеры ФЛП арендаторов таковы: Лоренцо ди Бартоло располагал примерно 29 золотыми флоринами, т. е. выше минимального ФЛП, Лоренцо ди Маццоккьо — около 13 флоринов, т. е. на 3,72 флорина меньше минимальной суммы. Это и понятно, так как он арендовал половину подере и должен был для того, чтобы обеспечить свою семью даже минимумом необходимых средств существования, иметь либо в аренде либо в собственности дополнительный земельный участок. Возможно, что он прибегал и к сторонним заработкам. Антонио, арендатор в приходе Сан Стефано ин Камин, арендовавший наиболее доходный участок, располагал и наиболее высокой суммой ФЛП, позволявшей ему обеспечить свою семью не только необходимыми продуктами, но и одеждой, обувью, хозяйственным инвентарем. Вероятно, важной статьей дохода для него была реализация на рынке части вина, плодов смоковниц и оливкового масла.

В какой мере подере обеспечивали арендаторов зерном и вином в натуральном виде из оставшейся доли урожая? Лоренцо ди Бартоло имел в достатке пшеницу и низшие зерновые, но должен был прикупать половину необходимого вина (очевидно, реализуя часть «излишков» зерна или продав часть льна). Лоренцо ди Маццоккьо, если бы оставлял часть пшеницы на семена, не имел достаточного ее количества для питания семьи в течение года; в том случае, если собственник предоставлял ему половину семян «низших зерновых», арендатор мог бы частично заменить ими в питании недостающую пшеницу. Однако, не имея виноградников на своей части подере, он вынужден был выискивать дополнительные средства для покупки вина, возможная продажа льна могла бы возместить недостающую сумму лишь наполовину. В то же время Антонио на подере Сан Стефано имел меньшую в процентном отношении долю зерновых посевов и виноградников на своем подере, чем его соседи, но общие размеры тех и других на этом подере были вполне достаточны для того,

[81] Здесь мы, разумеется, учитывали иные цены на основные сельскохозяйственные продукты, указанные в самом кадастре: цена 1 стайо пшеницы 19 солидов, низших зерновых 8 солидов, 1 барреля вина 18 солидов.

чтобы обеспечить полностью потребности семьи Антонио и оставить часть зерна и вина для продажи (помимо оливкового масла, фиг и льна).

Как видим, среди арендаторов Смеральдо Строцци существовало значительное неравенство, и один из них по необходимости вынужден был постоянно сочетать обработку своей части подере с другими занятиями в городе и деревне. Два других подере в целом обеспечивали арендаторам воспроизводство лишь необходимых для их существования продуктов. С целью же обеспечения семей предметами одежды или хозяйственного обихода, арендаторы должны были обращаться за кредитами к патрону либо продавать часть продукции на рынке (кстати, эта продажа была необходимой и для мало-мальски сбалансированного питания) или прибегать к сторонним заработкам.

В данном случае мы не касаемся необходимых сумм для покупки волов (они всегда приобретались на рынке), так же как и необходимости иных заработков и занятий для Леонардо ди Бартоло — арендатора парцеллы, часть которой была занята монокультурой — виноградником. Задолженность арендаторов подере Смеральдо Строцци достаточно велика, причем она значительна и у состоятельного Антонио (возможно, он не считал нужным возвращать долг собственнику, немалая часть которого обычно состояла из кредита на покупку волов).

Некоторое представление о характере хозяйства упомянутого выше Палла ди Нофри Строцци, главы богатейшей пополанской семьи во Флоренции по кадастру 1427 г., мы можем составить по «Тетради владений» [82], в которой содержатся сведения о поступлениях различных продуктов в 1423—1425 гг. с подере, принадлежавших ему в различных географических районах флорентийского контадо. Источник позволяет представить набор продуктов и размеры продажи отдельных из них во Флоренции. Продается в основном вино: с подере в окрестностях Флоренции — 42,05% полученного в хозяйстве, в Эмполи — 71,73%, в округе Прато — 34,55%, в Камии Бизенцио — 28,64%. Вино составляет (в стоимостной оценке, исходя из рыночных цен, указанных в «Тетради...») бóльшую часть поступлений с подере в окрестностях Флоренции (78,37% всех продуктов), но значительно уступает зерновым в других районах: Эмполи (10,92%), Прато (12,39%), Камии (7,12%).

Таким образом, вино преобладало лишь в непосредственной близости от Флоренции (хотя на продажу оно шло и из Эмполи, и из Прато, и из Камии Бизенцио). В большинстве же географических зон преобладающими являлись зерновые посевы, а среди зерновых — пшеница. Она господствовала среди зерновых культур повсеместно: в ближайших окрестностях Флоренции — 95,84% по

[82] ASF. Carte strozziane. IV serie. F. 344. Quaderno di possesioni di ms. Palla di Nofri di Palla Strozzi del 1423 e 1424. Entrate de poderi 1423—1425. C. 1 v—6 r, 17 v—22 r; 24 v—28 r; 56 v—62 v. Все подсчеты произведены нами.

количеству зерна в стайя и 97,5% по стоимостной оценке, в Кампи Бизенцио (10—15 км к северо-западу от Флоренции) — 80,88% по количеству в стайя и 86,22% по стоимостной оценке; в Прато — 82,49% по количеству в стайя и 87,63% по стоимости, в Эмполи (в 10—15 км к западу от Флоренции) — 95,57% по количеству в стайя и 95,99% по стоимостной оценке. Среди низших зерновых чаще встречались полба (60,5 стайя вблизи Флоренции), бобовые, иногда рожь (7 стайя в Кампи, 37,5 стайя в Эмполи), вика, просо, овес, сорго (62,5 стайя в Кампи). Низшие зерновые продавались исключительно редко и не более чем 10—20% получаемых с подере (полба, бобовые, просо). Пшеница из названных географических зон не шла на продажу.

Опись имущества (городской недвижимости и земельных владений) сыновей Лоренцо ди Франческо ди Бенедетто Строцци, составленная в 1495 г.[83], позволяет представить структуру хозяйства, несколько отличавшуюся от рассмотренных выше хозяйств Бенедетто и Смеральдо Строцци (а также, очевидно, и Палла ди Нофри Строцци).

В составе владений сыновей Лоренцо дом в той же Флоренции в приходе Санта Тринита, на виа Леньяуоли, но этот дом уже не являлся полностью фамильной резиденцией: нижний этаж сдавался сапожнику за арендную плату в 50 лир. Семья располагала для своего проживания половиной и другого дома; она имела также торговый склад в приходе Сан Миниато (совместно с Леонардо ди Якопо ди Гвидо Строцци) и дом в приходе Фьезоле, к которому примыкал сад и небольшой виноградник (13 стайора), для их обработки привлекались наемные работники. Еще два небольших дома, отчасти пришедших в ветхое состояние, с участками пашни и садами принадлежали наследникам Лоренцо в контадо Пизы. Остальные владения сыновей Лоренцо — это многочисленные мелкие и мельчайшие парцеллы, участки пашни и виноградники, расположенные в различных районах флорентийского контадо: Кварантола (10—20 км к юго-западу от города), Броцци (6—9 км к западу от Флоренции, по соседству с землями других Строцци), наконец, в контадо Пизы и небольшой подере — в Борго Фьезоле. Все земельные участки в контадо Пизы были переданы в денежный аффикт на условиях уплаты чинша в размере 18,5 флорина в год. Небольшой подере во Фьезоле обрабатывал исполу некий Паголо, а позже, очевидно, его сын Джованни ди Паголо, доставлявший собственникам 20 стайя пшеницы, 21 баррель вина и 11,5 барреля оливкового масла. Во многих случаях указаны прежние владельцы участков, земли которых перешли к Строцци. Это — горожанин Вероны, многочисленные монастыри Пизы, пизанские семьи Буонконти, Гварниери, Каппони и др.

Итак, в целом структура землевладения крупнейшей пополанской семьи Флоренции в XV в. практически не отличалась от той,

[83] ASF. Carte strozziane. III serie. Filza 121. C. 63 r—74 v.

которая установилась на землях других пополанов Тосканы: повсеместно, где этому не препятствовали географические или иные условия и традиции, основной ячейкой хозяйственной организации были крупные комплексы — подере, занятые поликультурой. Впрочем, у Строцци эти подере всегда были окружены многочисленными парцеллами (хозяйственно связанными или не связанными с подере) занятыми монокультурой — зерновыми, виноградниками или фруктовыми деревьями. Парцеллам в их совокупности подчас принадлежит даже бóльшая часть земельных угодий, чем собственно подере. Возможно, что особенности географической зоны расположения земель Строцци (в контадо Пизы, где не существовало больших равнинных пространств, в непосредственной близости от Флоренции) обусловили то обстоятельство, что подере всегда здесь сочетались с парцеллами, поликультура — с монокультурой, подеральная испольщина — с арендой парцелл исполу или аффиктом натурой. Особенности структуры земельных участков в значительной степени обусловили и специфику размеров и состава земельной ренты испольщиков и аффиктариев. Среди них мы встречаем семьи довольно состоятельных людей, но одновременно вырисовывается и характерная для окрестностей крупнейших городов Тосканы фигура арендатора, который не имел возможности обеспечить себя и свою семью даже минимальными средствами существования лишь доходом с данного арендуемого подере. Приарендование других участков, сторонние заработки, в том числе, возможно, и в близлежащем городе — черты, присущие такого рода арендаторам, частично сочетавшим в одном лице и ремесленника, и наемного работника (а порой и являвшегося горожанином). Наемный труд в собственном смысле слова встречается на землях Строцци исключительно редко, обрабатываются наемным трудом (возможно, тех же соседей арендаторов) лишь небольшие участки.

По характеру сельскохозяйственных культур хозяйство Строцци — зерновое с преобладанием пшеницы, которая, очевидно, полностью потреблялась членами многочисленного клана и их обслуживающим персоналом, а также шла частично и на корм скоту (например, волам). В то же время подере на землях, непосредственно примыкавших к городу, уже практически специализируются на производстве вина, которое занимает, например, около 80% всей продукции подере Палла ди Нофри Строцци.

В других же географических зонах вино занимает не более 10—13% всей продукции (по ее стоимости), но на продажу идет вино отовсюду, причем немалое его количество — от 30 до более чем 70% полученного в хозяйстве (Эмполи).

Конечно, бóльшую роль играли географические и почвенно-климатические условия, но тем не менее же приходится констатировать тот факт, что и во владениях Строцци, которые относительно больше уделяли внимания, чем другие пополанские семьи, хозяйству на своих подере, делали бóльшие инвестиции, направленные на подъем или улучшение агрикультуры, интенси-

фикация хозяйств или перестройка под влиянием рыночного спроса были выражены еще слабо.

Может быть, иначе обстояло дело во владениях Медичи? К анализу их хозяйственной и прежде всего сельскохозяйственной деятельности в XV в. мы сейчас и перейдем.

V Медичи

Крупнейшие банкиры — кредиторы Флорентийской республики и папской курии, английской короны, неаполитанского короля и бургундского герцога, имевшие филиалы своего знаменитого банка во Фландрии и Испании, Англии и Авиньоне, Риме и Венеции, Неаполе и Пизе, Медичи принимали активное участие в крупной международной торговле, владели суконодельческими и шелкоткацкими мануфактурами, являясь членами цехов менял, Лапа, Сэта, Калимала. Если в 1427 г., согласно налоговой описи Флоренции — знаменитому «Кадастру», Джованни ди Биччи был третьим по богатству среди флорентийских граждан, то через 30 лет согласно новому кадастру (1457 г.) Медичи возглавляли список налогоплательщиков, оставив далеко позади соперников (их имущество оценивалось в 576 флоринов 15 сольди 1 денарий, в то время как занимавшие 2-е место наследники Джованни д'Америго Бенчи владели лишь 132 флоринами 10 сольди и 8 денариями, т. е. почти в 4,5 раза меньшим имуществом).

Фамильной собственностью Медичи были десятки жилых домов во Флоренции и вилл за ее пределами, среди которых — знаменитый дворец на виа Ларга, прекрасно сохранившийся до сих пор, часть которого используется под организацию многочисленных постоянных выставок по истории Медичейской Флоренции.

Собственностью семьи Медичи были сотни подере и парцелл, расположенных в районе Муджелло (к северу от Флоренции), откуда, как полагают, и происходила семья знаменитых банкиров. В течение XV в. семья Медичи сделала немало земельных приобретений в окрестностях Прато и Флоренции (см. ниже). Занимавшие высшие государственные должности во Флоренции (приоров и гонфалоньеров) в течение многих лет, в 1434 г. Медичи в лице Козимо стали фактическими правителями города, а с 1532 г. представители этой семьи возглавили Тосканское герцогство[84].

Недвижимое богатство Медичи и прежде всего их земельные владения пока еще не стали предметом сколько-нибудь присталь-

---

[84] *De Roover R.* Il banco Medici. Dalle origini al declino (1397—1494). Firenze, 1970; *Idem.* Cosimo di Medici come banchiere e mercante // ASI. 1965. N 448. P. 467—479; *Martines L.* The Social World of the Florentine Humanists (1390—1460). Princeton, 1963; *Da Bisticci Vespasiano.* Vite di uomini illustri del sec. XV. Firenze, 1938; *Rubinstein N.* Il governo di Firenze sotto i Medici (1434—1494). Firenze, 1971; *Brucker G. A.* Firenze nel Rinascimento. Firenze, 1980.

ного и углубленного анализа при существовании огромной литературы, посвященной жизни и торгово-банковской и политической деятельности семьи. В лучшем случае дается сводка их земельных приобретений и расположения земель по географическим районам флорентийского контадо [85].

Основными источниками для нас послужили опись имущества в кадастре 1433 г. влиятельных представителей дома Медичи — Аверардо ди Франческо ди Биччи (1373—1434), племянника основателя знаменитого банка Джованни ди Биччи (1360—1429), двоюродного брата Козимо, и сына Аверардо — Джулиано, а также опись имущества (в кадастре 1457 г.) самого Козимо и его племянника Пьерфранческо.

Отец Аверардо, Франческо ди Биччи, был основателем одного из филиалов известного банка Вьери ди Камбио в 1392 или 1393 г.

Этот новый банк был не столь знаменитым, как банк брата Франческо, Джованни ди Биччи (основанный в 1397 г.), но тем не менее просуществовал до 1443 г.; спустя 9 лет после смерти Аверардо банк имел свои отделения в Авиньоне, Барселоне, Валенсии, Болонье, Брюгге, Риме, Генуе, Лондоне, Пизе и других городах. Аверардо был верным защитником интересов своей фамилии, и в 1433 г. подвергся изгнанию вместе с кузенами Козимо и Лоренцо. Вновь возвратился во Флоренцию он уже больным и умер в декабре 1434 г. Его сын Джулиано пережил отца ненадолго: он скончался в июне 1436 г., 40 лет от роду. После смерти в 1443 г. внука Аверардо Франческо прекратилась ветвь Франческо ди Биччи и вся земельная собственность этого клана в Муджелло, включая обнесенную мощными стенами виллу в Кафаджоло, перешла к Козимо и его племяннику Пьерфранческо, сыну брата Козимо Лоренцо. Упомянутая кадастровая опись 1433 г. содержит перечень земельных владений Аверардо и его сына Джулиано [86]. Общая доходность имущества (в соответствии с принятой в кадастре шкалой капитализации из 7% годового дохода) составляет 8690,64 флорина. Наибольшая часть земель сдана в испольную аренду (93,44% стоимости земель и 82,36% хозяйств). В испольщине преобладала аренда подере (91,25%) стоимостной оценки земель и 75% хозяйств арендаторов).

В аффикт, удельный вес которого не достигал и 2% стоимости земель и охватывал лишь около 9% хозяйств, сдавались только парцеллы за натуральный чинш (см. табл. 1). Как и все Медичи, Аверардо имел ряд собственных домов и торговых помещений во Флоренции (5% всей недвижимости).

---

[85] *Franchetti Pardo V., Casali G.* I Medici nel contado fiorentino. Ville e possedimenti agricoli tra Quattrocento e Cinquecento. Firenze. 1978.

[86] ASF. Carte strozziane. I ser. Filza X. C. 291—296. Рукопись не датирована. В дальнейшем при описании отдельных видов имущества называется дата составления кадастра — 1433 г. Все подсчеты по описи сделаны нами.

ТАБЛИЦА 1

Типы аренды на землях Аверардо и Джулиано Медичи по доходности владений во флоринах (1433 г.)

Аренда	Район						Итого
	Флоренция и окрестности	Барберино (Муджелло)	Гальяно, Кафаджоло (Муджелло)	Скарперия (Муджелло)	Монтекарелли (Муджелло)	Пратолино, Понтассьеве	
Вся аренда							
флорины	400	4840,34	3171,04	32	157,04	90,22	8690,64
% к итогу	4,6	55,7	36,49	0,37	1,81	1,04	100
В том числе:							
испольщина							
флорины	—	4702,09	3171,04	—	157,04	90,22	8120,39
%	—	97,14	100	—	100	100	93,44
из нее:							
подеральная							
флорины	—	4501,94	2750,97	—	157,04	—	7409,95
%	—	95,74	86,75	—	100	—	91,25
парцеллярная							
флорины	—	200,15	420,07	—	—	90,22	710,44
%	—	4,26	13,25	—	—	100	8,75
аффикт парцеллярный натуральный							
флорины	—	96,1	—	32	—	—	128,1
%	—	1,99	—	100	—	—	1,47
аренда городской недвижимости							
флорины	400	42,15	—	—	—		442,15
%	100	0,87	—	—	—		5,09

ТАБЛИЦА 2

Соотношение хозяйств арендаторов-испольщиков на подере Аверардо и Джулиано Медичи в Муджелло по их доходности в % к общему числу хозяйств (1433 г.)

Доходность, флорины	Район			Итого
	Барберино	Кафаджоло	Монтекарелли	
50—100	—	—	—	—
101—200	16,67	25	100	23,81
201—300	16,67	12,5	—	14,29
301—400	33,33	25	—	28,57
401—500	8,33	37,5	—	19,04
501—700	25	—	—	14,29
Вся аренда на подере, % к итогу	57,14	38,1	4,76	100

ТАБЛИЦА 3

Соотношение доходности хозяйств испольщиков-арендаторов во флоринах на подере Аверардо и Джулиано Медичи в Муджелло (1433 г.)

Доходность, флорины	Район			Итого
	Барберино	Кафаджоло	Монтекарелли	
50—100				
флорины	—	—	—	—
%	—	—	—	—
101—200				
флорины	309,07	334,33	157,04	800,44
%	6,87	12,15	100	10,8
201—300				
флорины	501,28	299,16	—	800,44
%	11,13	10,87	—	10,8
301—400				
флорины	1404,38	687,12	—	2091,5
%	31,19	24,98	—	28,23
401—500				
флорины	420	1430,36	—	1850,36
%	9,33	51,99	—	24,97
501—700				
флорины	1867,21	—	—	1867,21
%	41,48	—	—	25,2
Вся аренда на подере				
флорины	4501,94	2750,97	157,04	7409,95
% к итогу	60,76	37,13	2,12	100

ТАБЛИЦА 4

Соотношение хозяйств испольщиков-парцелляриев на землях Аверардо и Джулиано Медичи по их доходности в % к общему числу хозяйств арендаторов (1433 г.)

Доходность, флорины	Район			Итого
	Барберино (Муджелло)	Гальяно, Кафаджоло (Муджелло)	Понтассьеве	
До 50	14,28	—	14,29	28,57
51—100	28,56	—	14,29	42,85
101—200	—	14,29	—	14,29
201—300	—	14,29	—	14,29
Вся парцеллярная аренда, % к итогу	42,84	28,58	28,58	100

ТАБЛИЦА 5

Соотношение доходности хозяйств испольщиков-парцелляриев на землях Аверардо и Джулиано Медичи в 1433 г. во флоринах

Доходность, флорины	Район			Итого
	Барберино (Муджелло)	Гальяно, Кафаджоло (Муджелло)	Понтассьеве	
До 50				
флорины	32,12	—	25	57,12
%	16,05	—	27,71	8,04
51—100				
флорины	168,03	—	65,22	233,25
%	83,95	—	72,29	32,83
101—200				
флорины	—	180,07	—	180,07
%	—	42,87	—	25,35
201—300				
флорины	—	240	—	240
%	—	57,13	—	33,78
Вся парцеллярная аренда				
флорины	200,15	420,07	90,22	710,44
% к итогу	28,17	59,13	12,7	100

Остановимся кратко на социальном и имущественном статусе арендаторов Аверардо и Джулиано. Более половины арендаторов на подере (по числу хозяйств и по доходности их земель) принадлежали к числу мелких и средних по меркам кадастра (их доходность не превышала 400 золотых флоринов). Имелись и более богатые съемщики: 14,3% хозяйств, располагавших имуществом свыше 500 флоринов, владели 25,2% всех земель (см. табл. 2, 3).

Арендаторы парцелл были гораздо менее обеспечены землей; доходность 70% хозяйств не превышала 100 флоринов, и лишь

ТАБЛИЦА 6

Распределение сельскохозяйственных продуктов в составе ренты на землях Аверардо и Джулиано Медичи, сданных в испольную аренду на подере в Муджелло (1433 г.)

Продукты в натуре и по стоимости	Район			Итого
	Барберино	Кафаджоло	Монтекарелли	
Вся рента				
флорины	292,3	170,57	12,45	475,32
%	61,49	35,89	2,62	100
В ее составе:				
зерновые и бобовые				
стайя	1074	734	40	1848
флорины	220,15	124,3	8,6	353,05
%	75,32	72,87	69,08	74,28
В том числе:				
пшеница				
стайя	907	520	28	1455
флорины	202,89	104,42	7,21	314,52
%	92,16	84,01	83,84	89,09
низшие зерновые				
стайя	133	172	4	309
флорины	13,06	15,31	0,4	28,77
%	5,93	12,32	4,65	8,15
бобовые				
стайя	34	42	8	84
флорины	4,2	4,57	0,99	9,76
%	1,91	5,72	11,51	2,76
Вино				
баррели	184	109	12	305
флорины	62,64	32,42	3,85	98,91
%	21,43	19,01	30,92	20,81

14,3% арендаторов имели доход от 200 до 300 флоринов (но не 400 и не 500, как испольщики на подере!). Им принадлежало 34% всех парцелл. Выше 300 флоринов здесь доходов не было (см. табл. 4—5). Таким образом, среди арендаторов парцелл поляризация имущества была выше, чем среди испольщиков на подере, но, если можно так сказать, «на более низкой отметке».

Как уже говорилось, земельные владения Аверардо и Джулиано сосредоточивались преимущественно в области Муджелло (Барберино, Кафаджоло, Скарперия, Монтекарелли), всего около 90% хозяйств и примерно 95% стоимости всей недвижимости. Распределение сельскохозяйственных культур на землях Аверардо и Джулиано было традиционным для семей пополанов. На подере повсеместно преобладали зерновые (более 70% всей продукции в стоимостной оценке), а среди зерновых основное место принадлежало пшенице (она составляла более 80% стоимости всех зерновых). Вино обычно не превышало 1/5 стоимости всей сельскохозяйственной продукции, хотя в районе Монтекарелли его доля поднималась до 1/3 (см. табл. 6).

ТАБЛИЦА 7

Распределение сельскохозяйственных продуктов в составе ренты на землях Аверардо и Джулиано Медичи, сданных в испольную (парцеллярную) аренду (1433 г.)

Продукты в натуре и по стоимости	Районы			Итого
	Барберино (Муджелло)	Кафаджоло (Муджелло)	Понтассьеве	
Вся рента				
флорины	16,37	29,06	6,29	51,72
%	31,65	56,19	12,16	100
В ее составе:				
зерновые и бобовые				
стайя	12	106	30,5	148,5
флорины	2,67	22,96	6,29	31,92
%	16,31	79,01	100	61,72
В том числе:				
пшеница				
стайя	12	92	25,5	129,5
флорины	2,67	21,43	5,67	29,77
%	100	93,33	90,14	93,26
низшие зерновые				
стайя	—	14	—	14
флорины	—	1,53	—	1,53
%		6,67		4,79
бобовые				
стайя	—	—	5	5
флорины	—	—	0,62	0,62
%	—	—	9,86	1,95
Вино				
баррели	35	19	—	54
%	83,69	21	—	38,28

На парцеллах зерновые встречались реже (немногим более 60% стоимости продукции). Здесь также преобладала пшеница (93,26%). Виноградники, однако, занимали гораздо бо́льшую площадь и соответственно значительно возрастала доля вина в стоимости всей продукции — до 38,28% в целом во всех владениях (против 20,81% на подере). В Барберино вино составляло даже около 84% стоимости всей продукции, а в Кафаджоло — 1/5 (см. табл. 7).

Каков был уровень эксплуатации испольщиков на землях Медичи в 30-х годах XV в. и соответственно их потребительские возможности? Содержащиеся в описи детальные сведения о составе ренты с каждого сданного в аренду комплекса, будь то подере или парцелла либо же их совокупность и в абсолютных величинах, и по стоимости, позволяют произвести соответствующие вычисления [87]. Как и при подсчетах необходимого миниму-

[87] 1 стайо пшеницы стоил 18 солидов, 1 стайо проса — 10 солидов, полбы — 6 солидов, 1 баррель вина — 26 солидов, в 1 золотом флорине содержался 81 солид «мелкой монеты».

ТАБЛИЦА 8

Фонд личного потребления подеральных испольщиков на землях Аверардо и Джулиано Медичи в Муджелло в 1433 г. в % к общему числу хозяйств испольщиков

Фонд личного потребления	Район			Итого
	Барберино	Кафаджоло	Монтекарелли	
Флорины				
до 20	36,36	44,44	100	42,86
21—40	63,64	55,56	—	57,14
41 и более	—	—	—	—
Стайя пшеницы				
до 20	9,1	—	—	4,76
21—30	—	22,22	100	14,29
31—40	18,18	11,11	—	14,28
41—50	—	33,33	—	14,28
51 и более	72,73	33,34	—	52,39
Стайя низших зерновых и бобовых				
до 10	45,45	44,45	100	47,62
11—20	55,55	22,22	—	38,1
21—30	—	22,22	—	9,52
31—40	—	—	—	—
41 и более	—	11,11	—	4,76
Баррели вина				
до 10	36,37	33,33	—	33,33
11—20	18,18	55,56	100	38,1
21—30	45,45	11,11	—	28,57

ма фонда личного потребления арендаторов (ФЛП) на землях Датини и Строцци, мы, включив в него те же компоненты, получаем цифру в 18,32 флорина в качестве стоимости продуктов питания и 36—38 флоринов с включением стоимости одежды и обуви.

Большинство испольщиков на подере обладали доходами, позволявшими им удовлетворять лишь *самые минимальные потребности*, а более 40% арендаторов располагали денежными суммами, достаточными для покрытия расходов лишь на приобретение продуктов питания. Величина ФЛП в абсолютных цифрах свидетельствует о том, что более $^1/_3$ арендаторов *не имели в своем распоряжении* необходимого количества пшеницы, а более половины — низших зерновых. Они по существу не могли, таким образом, из собственных запасов восполнить недостаток пшеницы похлебкой из полбы или сорго. Что же касается вина, то более 70% не располагали необходимым минимумом (см. табл. 8).

Но если были бедны испольщики на подере в Муджелло, то испольщики на парцеллах просто не могли прожить, не прибегая к сторонним заработкам, так как более 70% их обладали лишь денежными средствами в размере до 10 флоринов (т. е. почти вдвое меньше минимума ФЛП). Необходимым минимальным ко-

ТАБЛИЦА 9

Фонд личного потребления испольщиков на землях Аверардо и Джулиано Медичи, сданных в парцеллярную аренду в % к общему числу хозяйств испольщиков (1433 г.)

Фонд личного потребления	Район			Итого
	Барберино (Муджелло)	Кафаджоло (Муджелло)	Понтассьеве	
Флорины				
до 10	100	—	100	71,43
11—20	—	100	—	28,57
21 и более	—	—	—	—
Стайя пшеницы				
до 10	100	—	50	40
11—20	—	—	50	20
21—30	—	—	—	—
31—40	—	50	—	20
41—50 и более	—	50	—	20
Стайя низших зерновых				
до 10	—	100	100	100
Баррели вина				
до 10	66,67	50	—	60
11—20	33,33	50	—	40

личеством пшеницы располагали не более 40%; низших зерновых на их участках было так мало, что ни у кого не было даже такого минимума, как 15 стайя в год на семью (т. е. не более чем по 200 г на человека в день. См. табл. 9).

На специализированных по выращиванию виноградных лоз парцеллах доля «собственного вина» у арендаторов была, естественно, несколько выше, чем у съемщиков подере, но и здесь все арендаторы тем не менее не располагали необходимым минимумом «собственного вина», так что они не могли продажей части вина восполнить недостаток зерновых. Не случаен тот факт, что более 90% хозяйств на подере на землях Аверардо и Джулиано было должниками, а более чем у половины из них сумма долга превышала 25 флоринов, фактически приближаясь к их годовому доходу или даже превышая его.

Среди испольщиков на парцеллах должники встречались реже (около 60% хозяйств) и сумма их долга была ниже. Для обработки мелких и мельчайших участков реже применялась упряжка крупного рогатого скота, ссуда на покупку которого составляла основную часть долга (см. табл. 10).

Наш источник для изучения земельных владений Козимо Медичи (1389—1464), сына уже упомянутого Джованни Биччи, а также племянника Козимо Пьерфранческо (1430—1476), сына брата Козимо Лоренцо,— опись имущества в кадастре 1457 г., хранящаяся в Государственном архиве Флоренции[88]. Основную

[88] ASF. MAP. Filza 82. N 182. C. 559—597. Portata al Catasto di Cosimo di Medici e di Pierfrancesco di Lorenzo suo nipote.

ТАБЛИЦА 10

Задолженность испольщиков-арендаторов на землях Аверардо и Джулиано Медичи в % к общему числу хозяйств испольщиков (1433 г.)

Аренда	Район				Итого
	Барберино (Муджелло)	Кафаджоло (Муджелло)	Монтекарелли (Муджелло)	Понтассьеве	
Испольщина в целом					
всего хозяйств	53,57	35,72	3,57	7,14	100
с задолженностью	80	100	100	100	89,29
В том числе:					
подеральная испольщина					
всего хозяйств	80	80	100	—	75
с задолженностью	91,67	100	100	—	95,24
задолженность					
до 25 флоринов	45,45	12,5	100	—	35
26—50 флоринов	45,45	37,5	—	—	40
51—100 флоринов	9,5	50	—	—	25
парцеллярная испольщина					
всего хозяйств	20	20	—	100	25
с задолженностью	33,33	100	—	50	57,14
задолженность					
до 25 флоринов	100	50	—	100	75
26—50 флоринов	—	50	—	—	25

часть кадастра составляет описание земельных владений и иной недвижимости (домов, мастерских, торговых складов), принадлежавших названным представителям семьи Медичи, «согласно их заявлению».

Опись 1457 г. состоит как бы из двух частей: описания части имущества, которой владел Джованни Биччи и которая перешла по наследству Козимо и Пьерфранческо (эта часть была включена в кадастр 1427 г., в данной же описи отмечаются все изменения, которые произошли за 30 лет), и вновь приобретенное имущество (прежде всего земли и прочая недвижимость) за период с 1427 по 1457 г. И здесь отмечаются происшедшие к январю 1457 г. изменения: продажа, смена арендаторов, снос жилых домов, объединение или разукрупнение участков и т. п. Подробно описывается каждый земельный комплекс: указывается время его приобретения, прежние и настоящие арендаторы, количество получаемых собственником сельскохозяйственных продуктов (зерновые — в стайя, вино и оливковое масло — в баррелях и т. д.), сумма задолженности арендатора, наличие или отсутствие рабочего и иного скота, иногда — характер участия собственника в расходах по ведению хозяйства на данном комплексе.

Согласно кадастру 1457 г. все имущество Козимо и Пьерфранческо оценивалось в 122 669 флоринов 14 солидов 8 денариев. Из них более половины приходилось на вложения в кредитно-

ростовщические и торговые операции. В описи приведен длинный перечень должников Козимо и Пьерфранческо. Среди них многие горожане Флоренции, арендовавшие у них жилые дома и здания под мастерские и задолжавшие за несколько лет арендную плату в несколько тысяч флоринов.

Ветвь клана Козимо Медичи насчитывала 14 человек: сам Козимо, его жена Контессина, сыновья Пьеро и Джованни, племянник Пьерфранческо (имущество которого было неразделенным с Козимо), их жены и дети. В заявлении в кадастр Козимо назвал еще 50 своих служащих, управляющих и домашней прислуги, которым выплачивалось ежегодно в качестве жалованья 400 флоринов, но налоговые чиновники не включили расходы на их содержание в сумму расходов, «необходимых» на содержание семьи, которая изымалась из суммы, подлежащей обложению.

Недвижимость в целом по кадастру оценивалась в 59 741 флорин 18 солидов 8 денариев. В эту сумму не включалась стоимость собственных домов Козимо и Пьерфранческо, которые предназначались «для проживания их самих», стоимость знаменитого дворца на виа Ларга во Флоренции, который был построен на месте нескольких небольших домов, часть из которых вошла как бы в его состав, домов в Пизе и Милане, вилл и замков в окрестностях Флоренции и Муджелло (Кареджи, Каффаджоло, Треббьо). Денежные средства же, выделяемые на содержание этих и ряда других названных в описи домов, хозяйственных сооружений и других зданий, не сданных в аренду, были достаточно велики. На содержание мельниц, постоялых дворов и иных хозяйственных сооружений (включенных в кадастр) ассигновалось 2895 флоринов, т. е. 5% всей стоимости недвижимости. К 1457 г. стоимостная оценка всей недвижимости Медичи (за исключением домов и вилл, предназначенных «для проживания») возросла на 36 тыс. золотых флоринов, а к 1468 г.— на 45 тыс. флоринов, т. е. практически вдвое по сравнению с тем недвижимым богатством, которым владел отец Козимо Джованни ди Биччи (см. табл. 11). При этом стоимость жилых домов и зданий, переданных в аренду под мастерские и торговые склады, увеличилась на 4 тыс. флоринов; на приобретение же домов, в которых непосредственно проживали члены семьи Козимо, было потрачено 5023 флорина (к моменту составления кадастра 1457 г.— 3367 флоринов).

Однако наибольшие вложения были сделаны непосредственно в приобретение земельной собственности (за период с 1427 по 1457 г. стоимость земель возросла почти на 32 тыс. флоринов, а с 1427 по 1468 г.— почти на 37 тыс. флоринов, что составило 80,8% всей суммы приобретений). Продавали земли представители известных пополанских семей: Строцци, Камби, Джинори, Ручеллаи, Адимари, Ингирами (управляющий банком Медичи во Флоренции), магнатские семьи Кавальканти, Делла Стуфа и др.; церковные учреждения: госпитали Санта Мария Нуова и Сан Галло во Флоренции, монастыри Сан Джованни Евангелиста в

ТАБЛИЦА 11

Структура недвижимости, приобретенной Козимо ди Джованни, Пьеро ди Козимо и Пьерфранческо ди Лоренцо Медичи в 1427—1468 гг.

Доходность недвижимости	Район Тосканы				Итого
	Флоренция и окрестности	Округа Прато	Муджелло	Фьезоле—Казентино	
Вся недвижимость					
флорины	16 357,73	6185,94	22 388,44	403	45 335,01
% к итогу	36,08	13,64	49,38	0,8	100
В том числе:					
земли					
флорины	9 139,98	5298,84	21 995,76	203	36 637,58
%	55,8	85,6	98,25	50,37	80,82
сданные в аренду дома, мастерские					
флорины	3 281,75	—	392,68	—	3674,43
%	20,1	—	1,75	—	8,1
дома и другие здания, использовавшиеся для нужд семьи					
флорины	3936	887	—	200	5023
%	24,1	14,4	—	49,63	11,08

Валламброза, св. Елизаветы в окрестностях Флоренции, Сан Микеле Висдомини и др. Герцог Миланский, подаривший семье Медичи дом в г. Милане, сделал это не бескорыстно: в награду с его счета было снято 1800 флоринов долга. Среди продавцов — многочисленные рядовые пополаны Флоренции: золотых дел мастер, красильщик, каменщик, старьевщик и др.

Часть приобретенных земель за этот же период была снова продана (к сожалению, их стоимость установить невозможно, так как таких данных относительно проданных земель нет). Среди покупателей недвижимости Медичи — те же Адимари, Каппони, Ингирами, Делла Стуфа, госпиталь Санта Мария Нуова, церкви Сан Томмазо, Санта Репарата, Сан Лоренцо во Флоренции и др. Лишь в виде исключения покупателями были арендаторы — рядовые ремесленники. Особенно часто среди продавцов и покупателей недвижимости встречаются представители разных ветвей семейства Медичи: Орландо, Бернардо и Леонардо, Никола и Камбио де мессер Бари, Джованни д'Антонио, Бартоломео ди Бартоломео; Джованни Ванни и Бернардо д'Андреа. У них Козимо купил недвижимости на 15 тыс. золотых флоринов, т. е. почти на $^{1}/_{3}$ стоимости всей недвижимости, приобретенной в 1427—1468 гг. Часть недвижимости, как уже говорилось, была получена по наследству от внука двоюродного брата Аверардо — Франческо ди Джулиано ди Аверардо Медичи (см. выше).

Больше всего земель было закуплено на довольно далеком

от Флоренции расстоянии — 20—30 км и более к северу и северо-западу — в Муджелло (60%); немало приобрел Козимо и в непосредственных окрестностях Флоренции (в Сан Пьеро Кареджи, Сан Стефано ин Пане). Из сумм, затраченных на покупку домов во Флоренции, половна была выделена на расходы, связанные с приобретением зданий, находившихся в пользовании семьи и не сдававшихся в аренду. В округе Прато было куплено земель на сумму 5 тыс. флоринов, но два дома в Прато, предназначавшиеся для «нужд семьи», стоили тоже немало — 887 флоринов. В ряде принадлежавших Козимо и Пьерфранческо строений, находившихся в их непосредственном ведении, помещались разного рода хозяйственные службы: зерновой и винный склад, винодавильня в замке Скарперия, в уже упомянутом доме в Прато, зерновой и винный склад вместе с домом в коммуне Гальяно (Муджелло) и т. п. В доме с садом и пристройкой на площади в Барберино (Муджелло) помещалась винная лавка, которая в 1457 г. была продана Пьеро Каппони. В одном из строений на той же площади находилось зернохранилище, куда ссыпали зерно, поступавшее из северных областей (Мангоне и др.). Собственное домениальное хозяйство Медичи было крайне незначительно: это небольшие участки виноградников в Муджелло (42 флорина при капитализации из 7% годового дохода) и в Казентино (140 флоринов дохода). С виноградников поступало лишь немногим более 41 барреля вина в год, т. е. около 2000 л. Отметим для сравнения, что со сданных в аренду земель Козимо получал в год около 2100 баррелей вина, т. е. более 95 760 л. Возможно, что для обработки этих виноградников привлекались наемные работники. Из описи не известны точные размеры продаваемых Медичи продуктов, которые они получали от арендаторов. Известно лишь о продаже пшеницы на сумму 1510 флоринов. По нашим подсчетам, со сданных в аренду земель поступало около 10 тыс. стайя пшеницы, которая стоила около 2 тыс. золотых флоринов. Тем самым на продажу шло примерно 75,5% пшеницы, поступившей со сданных в аренду земель.

Как уже говорилось, подавляющая часть недвижимости Медичи была роздана в аренду: земли — в испольщину и аффикт, дома и иные постройки — в pigione (аренда городской недвижимости; см. табл. 12). Многочисленные строения, используемые под мелкие ремесленные мастерские и торговые заведения (доходность до 300 флоринов), составляли половину подобной недвижимости. Арендная плата взималась в денежной форме. Чаще всего в арендованном доме помещались и ремесленная мастерская, и лавка по продаже произведенных изделий, там же жил и арендатор. Но иногда он проживал по соседству (также во взятом в аренду доме). Среди ремесленников — арендаторов Медичи встречаются шерстяники и шелковщики, чулочники и плотники, ветошник[89]. Некоторые ремесленники арендовали

[89] ASF. MAP. Filza 82. N 182. C. 559 v, 569 v, 570 rv, 589 v.

ТАБЛИЦА 12

Типы аренды на землях Козимо и Пьерфранческо Медичи в середине XV в. по доходности владений во флоринах

Аренда	Район Тосканы				Итого
	Флоренция и окрестности	округа Прато	Муджелло	Фьезоле — Казентино	
Вся аренда					
флорины	13 152,46	9340,13	36 880,5	784,8	60 157,89
% к итогу	21,86	15,53	16,31	1,3	100
В том числе:					
аренда зданий					
флорины	53 246,48	—	1 771,18	200	7 295,66
%	40,48	—	4,8	30,07	12,13
аффикт					
флорины	—	132,2	373,2	—	505,4
%	—	1,42	1,01	—	0,84
испольщина					
флорины	7 827,98	9207,93	34 736,12	584,8	52 356,83
%	59,52	98,58	94,19	69,93	87,03
Из нее:					
подеральная					
флорины	5 951,54	8117,83	31 477,78	381,8	45 928,95
%	76,03	88,16	90,62	65,29	87,72
парцеллярная					
флорины	1 876,44	1090,1	3 258,34	203	6 427,88
%	23,97	11,84	9,38	34,71	12,28

лишь жилые дома (суконщик, кузнец, цирюльник, портной, сапожник). Вероятно, там же помещалась и мастерская, поэтому о ней специально не говорится [90]. Некоторые из арендаторов не могли заплатить и сравнительно невысокую плату. Так, суконщик, не имея возможности заплатить 2 флорина в год, вынужден был покинуть дом и маленькую пристройку к нему в крепости Скарперия. Опись называет его «бедным» [91].

Из трех типов аренды, распространенных на землях Козимо и Пьерфранческо, несомненно преобладала испольщина. На ее долю приходилось 87,8% всех арендных договоров и 87, 03% земель (по их доходности). При этом 93,8% договоров исполу и 94,19% земель по их доходности принадлежали арендаторам в Муджелло. В округе Флоренции (включая и город) соотношение, естественно, иное: испольщина составляла около 65% по числу договоров и 59,52% по доходности недвижимости, а 35% по числу договоров и 40,48% по доходности недвижимого имущества принадлежит уже бывшей предметом нашего рассмотрения аренде город-

[90] Ibid. С. 560 rv, 570 r, 590 v.
[91] Ibid. С. 560 r.

ТАБЛИЦА 13

Соотношение доходности земель Козимо и Пьерфранческо Медичи, сданных в подеральную аренду в середине XV в.

Аренда	Район Тосканы				Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Муджелло	Фьезоле Казентино	
Вся подеральная аренда					
флорины	5951,54	8117,83	31 477,78	381,8	45 928,95
% к итогу	12,96	17,67	68,54	2,83	100
В том числе на землях с доходностью, флорины					
50—100					
абс. величина	122,54	—	264	—	386,54
%	2,06	—	0,84	—	0,84
101—200					
абс. величина	435,17	—	2 916,5	—	3 351,68
%	7,31	—	9,27	—	7,3
201—300					
абс. величина	1562,65	836,98	5 311,87	—	7 711,5
%	26,26	10,31	16,87	—	16,79
301—400					
абс. величина	652,85	3115,24	9 766,29	381,8	13 916,18
%	10,97	38,38	31,03	100	30,3
401—500					
абс. величина	1851,03	448,6	4 917,84	—	7 217,47
%	31,1	5,53	15,62	—	15,71
501—1000					
абс. величина	1327,3	2612,41	7 158,41	—	11 098,12
%	22,3	32,18	22,74	—	24,16
свыше 1000					
абс. величина	—	1104,6	1 142,86	—	2 247,46
%	—	13,6	3,63	—	4,9

ской недвижимости. В округе Прато также преобладали земли в испольщине (95,35% договоров и 98,58% земель по их доходности).

✓Аффикт денежный и натуральный, иногда аренда мельниц фигурируют повсюду крайне редко (в 5 из 245 договоров об аренде). Среди земельных комплексов, находившихся в испольной аренде, преобладали довольно значительные участки — подере, занятые, как правило, поликультурой. В целом по числу договоров испольщина на подере составляла 62,04% всех договоров исполу (в том числе в округе Флоренции — 64,52%, в округе Прато — 46,34%, в Муджелло — 66,67%). Однако по доходности находившихся в аренде земельных участков ее преобладание выглядит более внушительно: 76,03% — в округе Флоренции, 88,16% — в округе Прато, 90,62% — в Муджелло (см. табл. 12). Менее распространенным был другой тип испольщины — сдача в аренду небольших парцелл пашни, а чаще виноградника или луга.

ТАБЛИЦА 14

Соотношение доходности земель Козимо и Пьерфранческо Медичи, сданных в парцеллярную аренду в середине XV в.

Доходность	Район				Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Муджелло	Фьезоле, Казентино	
Вся парцеллярная аренда					
абс. величина, флорины	1876,44	1090,1	3258,34	203	6427,88
% к итогу	29,19	16,96	50,69	3,16	100
В том числе на землях с доходностью, флорины					
до 25					
абс. величина	21,43	117,48	168,75	—	307,66
%	1,14	10,78	5,18	—	4,79
26—50					
абс. величина	—	235,67	459,81	33	728,48
%	—	21,62	14,11	16,26	11,33
51—100					
абс. величина	347,92	361,86	592,5	—	1302,28
%	18,54	33,19	16,19	—	20,26
101—200					
абс. величина	553,05	375,09	1564,28	170	2662,42
%	29,47	34,11	48	83,74	41,42
201—400 и выше					
абс. величина	954,04	—	473	—	1427,04
%	50,85	—	14,52	—	22,2

Естественно, что стоимость этих небольших участков была гораздо меньше, чем относительно крупных подере. Если в подеральной испольщине только 8% приходилось на земли доходностью до 200 флоринов, а 74% занимали земли доходностью от 300 флоринов и выше, то в парцеллярной испольщине основная масса участков (78%), за исключением парцелл в округе Флоренции, имела доходность до 200 флоринов (см. табл. 13, 14). Основное местожительство 71 из 82 испольщиков на парцеллах было за пределами арендованного участка, среди них чаще встречаются ремесленники. Сравнительно невелика при такой аренде и задолженность испольщика (см. табл. 15). В целом по трем районах Тосканы испольщики-должники встречаются в 9% договоров на парцеллах, хотя в округе Флоренции несколько чаще (в 18% договоров). При этом в 71,4% договоров относительно парцелл задолженность невелика — до 25 флоринов, в то время как среди испольщиков, арендовавших подере, должников в целом по Тоскане было 93,23%, а в Муджелло почти 96%. Сумма задолженности здесь также выше: у 78% арендаторов она составляла от 26 до 100 флоринов и более (в число это обычно входит денежная ссуда, предоставляемая собственником на покупку волов).

ТАБЛИЦА 15

Задолженность испольщиков-арендаторов на землях Козимо и Пьерфранческо Медичи в середине XV в. в % к общему числу хозяйств испольщиков

Аренда	Район: окрестности Флоренции	Район: округа Прато	Район: Муджелло	Итого
Испольщина в целом				
всего хозяйств	31	41	141	213
% к итогу	14,55	19,25	66,2	100
с задолженностью	19	17	95	131
%	61,29	41,46	67,37	61,5
В том числе:				
подеральная				
всего хозяйств	20	19	94	133
%	64,52	46,34	66,67	62,44
с задолженностью	17	17	90	124
%	85	89,47	95,74	93,23
с задолженностью, флорины				
до 25	8	1	18	27
%	47,06	5,88	20	21,77
26—50	4	13	36	53
%	23,53	76,47	40	42,74
51—100 и более	5	3	36	44
%	29,41	17,65	40	35,49
парцеллярная				
всего хозяйств	11	22	47	80
%	35,48	53,66	33,33	37,56
с задолженностью	2	—	5	7
%	18,18	—	10,64	8,75
с задолженностью, флорины				
до 25	2	—	3	5
%	10	—	60	71,43
26—50	—	—	2	2
%	—	—	40	28,57

Какие еще специфические черты можно было бы отметить в подеральной аренде на землях Медичи? Прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие каких-либо инвестиций хозяев с целью улучшений агрикультуры, введения лучших сортов злаковых или бобовых культур, применения зеленого удобрения — люпина и занятого пара. Лишь в трех договорах идет речь о том, что хозяин предоставлял посевной материал для «зеленого клина», а люпин встречается исключительно редко (лишь в районе Петройо в Муджелло). Его доставляют арендаторы всего в количестве 36 стайя, т. е. в размере 0,26% всей стоимости продукции с подеральных земель (см. табл. 16).

Как земельные собственники Медичи лишь финансировали покупку арендаторами рабочего скота, записывая эту сумму в

ТАБЛИЦА 16

Распределение сельскохозяйственных продуктов в составе ренты на землях Козимо и Пьерфранческо Медичи в середине XV в.

Продукты в натуре и по стоимости	Районы: окрестности Флоренции	окрестности Прато	Каленцано	Гальяно, Барберино (Муджелло)	Петройо, Спуньоле, Борго, Сан Лоренцо (Муджелло)	Итого
Пшеница						
стайя	697	1179	618	2714	4491	9699
флорины	139,4	235,8	123,6	542,8	853,29	1894,89
%	50,72	67,36	62,66	70,34	70,91	67,75
Низшие зерновые и бобовые						
стайя	133	343	214	759	987	2436
флорины	13,3	34,3	21,4	75,9	98,7	243,6
%	4,84	9,8	10,85	9,89	8,2	8,7
Вино						
баррели	380	263	125	510	814	2092
флорины	114	52,6	37,5	153	244,2	601,3
%	41,48	15,02	19,01	19,83	20,29	21,5
Оливковое масло						
баррели	6,5	1,5	1	—	—	9
флорины	8,12	1,87	1,25	—	—	11,24
%	2,96	0,54	0,64	—	—	0,4
Лен						
додичины	—	51	27	—	—	78
флорины	—	25,5	13,5	—	—	39
%	—	7,28	6,84	—	—	1,39
Люпин						
стайя	—	—	—	—	36	36
флорины	—	—	—	—	7,2	7,2
%	—	—	—	—	0,6	0,26
Общая доходность						
флорины	274,82	350,07	197,25	771,7	1203,39	2797,23
% к итогу	9,82	12,52	7,05	27,5	43,02	100

качестве долга. Они предоставляли также в долг арендаторам на подере денежные суммы и для покрытия иных хозяйственных расходов. В большинстве случаев этот долг, очевидно, испольщики возвратить были не в состоянии и он постоянно тяготел над ними.

Произведенные нами подсчеты размеров ФЛП испольщиков на землях Медичи в середине XV в. (при этом нами не учитывалась задолженность арендаторов) свидетельствует о том, что подавляющее большинство испольщиков — арендаторов подере (от 60 до 75%) в окрестностях Флоренции, округе Прато и Муджелло располагали чрезвычайно низким ФЛП в стоимостном выражении — всего до 20 флоринов годового дохода на семью, т. е. его величина едва достигала вычисленного нами минимума, покры-

ТАБЛИЦА 17

Величина фонда личного потребления подеральных испольщиков на землях Медичи в середине XV в. в % к общему числу арендаторов хозяйств

Фонд личного потребления	Районы		
	окрестности Флоренции	округа Прато	Муджелло
Флорины			
до 20	61,9	56,25	74,75
21—40	33,33	31,25	23,23
41 и более	4,77	12,5	2,02
Стайя зерновых			
до 30	85	20	25,51
31—60	15	33,33	34,69
61—80	—	20	24,5
81—100	—	6,67	8,16
100 и более	—	20	7,14
Баррели вина			
до 10	21,05	17,65	25,64
10—19	31,58	35,29	47,43
20—30	36,84	35,29	23,08
31 и более	10,53	11,77	3,85

вавшего лишь потребность семьи в продовольствии (18,5—20 флоринов). У большинства испольщиков не оставалось каких-либо средств для удовлетворения из дохода с арендуемого участка других (также необходимых) потребностей. Лишь $^{1}/_{4}$ от общего числа арендаторов на подере в окрестностях Флоренции и около $^{1}/_{3}$ в округе Прато и в Муджелло могли иметь доход, который позволял им покупать также и одежду, и обувь, и другие предметы первой необходимости. Мы сделали попытку и иным образом определить величину ФЛП испольщиков, а именно, исходя из определения размеров остававшихся в их непосредственном распоряжении (после уплаты господской части урожая и взносов на семена) продуктов питания — зерновых и бобовых и вина, употребляя принятые нами выше критерии определения минимума потребностей семьи испольщика из 5 человек в главных продуктах питания.

Результаты подсчетов (см. табл. 17) показывают, что все испольщики на подере в окрестностях Флоренции не имели в своем распоряжении минимума зерновых, а минимальным количеством вина располагали лишь 43% арендаторов. В округе Прато соотношение было несколько иное: 53% не могли удовлетворить свои потребности в зерновых и 56% в вине. В Муджелло — не хватало зерновых примерно 60% арендаторов, вина — 70%.

Излишки в зерновых и бобовых культурах мы можем встретить лишь у сравнительно небольшой части испольщиков — у 47% арендаторов в Прато и у 40% арендаторов на подере в Муджелло, в вине — у 44% арендаторов в Прато и приблизи-

ТАБЛИЦА 18

Величина фонда личного потребления испольщиков-парцелляриев на землях Козимо и Пьерфранческо Медичи в середине XV в. в % к общему числу хозяйств арендаторов

Фонд личного потребления	Район		
	окрестности Флоренции	округа Прато	Муджелло
Флорины			
до 20	100	100	100
21—40	—	—	—
Стайя зерновых			
до 30	90	95	93,55
31—50	10	5	6,45
Баррели вина			
до 10	60	50	52,94
11—20	20	50	47,06
21—30	20	—	—

тельно у 30% — в Муджелло. Но если считать, что эти продукты в действительности продавались и могла существовать взаимозаменяемость, т. е. продав зерно, можно было купить вино или обувь и т. д., то вырученные за них небольшие суммы денег могли пойти, как уже отмечалось, на покупку самых необходимых предметов потребления.

Что же касается доходов испольщиков на парцеллах (см. табл. 18), то доходы с их небольших участков, занятых монокультурой, были настолько малы, что все арендаторы (во всех трех районах Тосканы) не могли доходами с этих участков удовлетворить даже минимум потребностей в продуктах питания (как в денежном выражении доходов, так и в натуре — злаковыми, бобовыми и вином). Лишь доходы с виноградников в Муджелло и в округе Прато в своих размерах несколько приближались к минимуму потребностей. Вдвое меньше принятого нами за минимум в 60 стайя зерновых получали 90% арендаторов-парцелляриев в окрестностях Флоренции и 94% в Муджелло, 95% — в округе Прато. Парцеллярная аренда и здесь требовала постоянных дополнительных занятий испольщиков в городе и на селе. Да и при подеральной испольщине арендаторы должны были не только постоянно брать у хозяина денежную ссуду, которую они практически не могли возвратить, но и нередко «прирабатывать на стороне». Очевидно, не случаен тот факт, что арендаторами ряда подере были ремесленники и даже горожане[92], а из 134 семей испольщиков на подере лишь 37 имели дома на участках (т. е. большинство их проживало вне подере): у парцелляриев, как мы видели выше, эта цифра еще меньше.

[92] ASF. MAP. Filza 82. N 182. C. 562 r, 563 r, 579 r.

К сожалению, характер нашего источника таков, что мы не знаем, кто из арендаторов являлся в то же время собственником соседних или более дальних участков, за исключением нескольких случаев[93]. Весьма редко наблюдается и такое явление, как сосредоточение в руках одной семьи двух или трех арендованных подере[94]. Несколько чаще мы сталкиваемся с такими случаями, когда арендатор подере одновременно заключает договор об аренде расположенных неподалеку нескольких небольших земельных участков, т. е. с подеральной арендой сосуществует парцеллярная[95].

Обычно срок испольной аренды был кратким — 2—3 года, испольщики сменялись часто. Однако некоторые арендаторы Козимо и Пьерфранческо оставались на своих участках продолжительное время — до 25—30 лет (хотя подобные случаи лишь в 17,2% договоров). Порой в описи указывается, что участок продолжает арендовать сын прежнего испольщика или его брат[96]. Наследственные или долгосрочные договоры исполу встречаются только в подеральной аренде в Муджелло. Арендаторы на парцеллах, как и арендаторы на подере в округах Флоренции и Прато, за одним-двумя исключениями, покидали свои участки спустя непродолжительное время.

Естественно, что кадастр, в отличие от «Памятных книг», не тот источник, из которого мы могли бы извлечь более или менее точные сведения об агрикультуре, о распространении тех или иных культур и тем более о системах севооборота. И все же некоторые заключения удается сделать. Повсеместно преобладали посевы пшеницы (эта культура давала около 70% дохода; см. табл. 16). Низшие зерновые и бобовые (вика, ячмень, просо, полба) составляли от $^1/_4$ до $^1/_5$ урожая пшеницы в стайя. В силу низких цен на них они приносили только около 9% дохода.

Виноградники были распространены на землях Медичи повсюду, но особенно в окрестностях Флоренции, в округе Прато и на холмах в Муджелло. Пользуясь предложенной Э. Конти методикой вычисления плотности виноградников на подере[97], мы получили следующие показатели относительно земель Медичи: в окрестностях Флоренции она исключительно велика — 545,19, в непосредственной близости к Прато — 223,07, в Каленцано — 202,26, в Гальяно и Барберино — 187,91, в другой зоне — Муджелло — 181,25. Эти цифры соответствуют в целом и месту вина по его доходности среди других сельскохозяйственных культур: в округе Прато эта доходность соответственно 15,02 и 19,01%,

---

[93] Ibid. C. 590 v.

[94] Ibid. C. 563 v, 564 r, 567 v, 575 v, 576 r, 587 r.

[95] Ibid C. 560 v, 566 r, 568 v. 572 v, 574 r. 581 r. 586 v.

[96] Ibid. C. 561 rv, 563 rv, 564 rv, 565 r, 576 r, 587 v, 578 r, 580 r, 584 v, 586 r, 588 v.

[97] *Conti E.* La formazione della struttura agraria... Vol. 3, pt. 2. P. 28, 66, 84, 222—223.

в Муджелло — 19,83 и 20,29%, но в окрестностях Флоренции она резко возрастает — до 41,48%.

Показатели густоты оливковых деревьев следующие: в окрестностях Флоренции — 9,32, в округе Прато — 1,39. Среди культур в Муджелло оливковые деревья не упомянуты. Оливковое масло среди поступлений с подере встречается исключительно редко и только в близких окрестностях Прато и Флоренции.

В анализируемой нами описи 1457 г. не указаны дополнительные поставки испольщиков собственникам, сверх «половины». Характер источника, естественно, предполагает и умолчание о каких-либо дополнительных работах арендаторов в хозяйстве собственника или на арендуемых участках, выполняемых помимо обычных обязательств. Однако в сводке поступлений с восьми подере Медичи в округах Флоренции, Прато и Муджелло, составленной в конце XV в., с каждого подере уже шли дополнительные поставки в пользу хозяев (vantaggi). Если в среднем на землях Медичи в рассматриваемых трех зонах они составляют 13% стоимости всей господской части урожая, то на отдельных подере Муджелло и Прато эти поставки возрастают до 15.5; 16,8 и даже 20%, причем речь идет не о каких-либо символических приношениях пары кур и десятков яиц, а о доставке мяса рогатого скота или свинины [98].

Обложение (средняя рента) с единицы площади (1 стайоро) на землях Козимо Медичи (мы смогли установить его размеры лишь в 28 хозяйствах испольщиков на парцеллах, т. е. там, где был известен точный размер сданного в аренду участка) было более чем вдвое ниже обложения земель Ф. Датини (см. выше). Даже в округе Прато, где почти по соседству располагались земли Датини, с 1 стайоро площади взималось в денежном выражении 0,33 золотого флорина, т. е. более чем в 2 раза меньше обложения парцелл, сданных в аренду Датини. В округе Флоренции обложение земель Медичи было чуть выше: 0,4 флорина с 1 стайоро площади, но также меньше, чем у Датини.

Данные о ценах, по которым продавались или покупались те или иные земли Козимо Медичи на протяжении 1427—1457 гг. и известные цифры доходности этих земель, содержащиеся в кадастре 1457 г., позволяют сделать некоторые заключения о доходности отдельных комплексов на протяжении от 8 до 25 лет, в зависимости от давности приобретения. Результаты сравнения неоднозначны. Если на 40% земель (в основном в Муджелло и на подере) доходность возросла и составляла 12—14% и более, то на других 40% участков доходность, наоборот, понизилась, достигнув менее 7%, т. е. являлась ниже средней, принятой за «эталон» в кадастре.

Итак, «обратившись к земле» в период, когда деятельность медичейского банка была еще в полном расцвете, Медичи ко вре-

[98] ASF. MAP. Filza 83. N 87. C. 471—472. Prospetto dei redditi di vari poderi dei Medici.

мени постепенно прогрессировавшего упадка их банковской деятельности располагали весьма внушительными доходами от их земельных владений (равными доходами от иных деловых операций), не прилагая, однако, больших усилий и не вкладывая больших средств в какие-либо «преобразования» в аграрной сфере. Львиную долю приобретенных ими земель составляли владения к северу и северо-западу от Флоренции и на значительном расстоянии от города — от 20—25 до 35—40 км и более, в области Муджелло, прежде принадлежавшей в большей своей части крупным нобилям Убальдини — постоянным и грозным врагам Флоренции. Важное значение этого района, расположенного на торговых путях из Флоренции на север Италии, возрастало и от того, что сравнительно далеко находившиеся от города земли меньше подвергались риску опустошения и захвата противниками во время политических распрей в городе. К тому же приобретенные и построенные там крепости предоставляли возможность благополучного и спокойного выжидания «подходящего момента» для возвращения в город. В то же время немалые средства Медичи направляли и на покупку более плодородных и возделанных земель в окрестностях Флоренции и Прато. Не менее половины стоимости недвижимости составляли, как мы видели, жилые дома, ремесленные мастерские и торговые заведения, расположенные главным образом во Флоренции и лишь частично в некоторых коммунах Муджелло (Гальяно, Барберино, Скарперия). Содержание многочисленных домов для «нужд семьи», сдача в аренду большого числа жилых зданий, ремесленных мастерских и складов товаров были непосредственно связаны с основной областью деловой активности крупнейших банкиров и торговцев. Характер же эксплуатации земельных владений, розданных в испольщину — полукапиталистическую-полуфеодальную аренду, был таков, что нередко собственник лишь косвенно, как кредитор, участвовал в издержках производства, не производя каких-либо инвестиций в улучшение обработки почвы и интенсификацию сельского хозяйства. Медичи не применяли в сколько-нибудь значительных масштабах наемный труд и не практиковали посредническую фермерскую аренду, не «вносили» в принадлежавшие им земельные владения какой-либо «дух раннекапиталистического предпринимательства». Торговля зерном, которая имела немалые масштабы при огромных размерах земельных владений Медичи, тем не менее не послужила импульсом для прогрессивных перемен в их имениях. Банкиры и купцы мало задумывались и не хотели задумываться о будущем подере в далеком Муджелло, заботясь лишь о регулярном поступлении арендной платы натурой. Их интересовали иные предприятия, они строили и осуществляли иные планы — захвата и удержания политической власти в крупнейшем центре Тосканы и расширения границ синьории.

Подведем некоторые итоги сказанному о пополанском землевладении в XIV—XV вв. Мы можем с определенностью утверж-

дать, что широкое распространение испольщины имело место повсеместно в Тоскане, за исключением округ Пизы, Лукки, Пистои и некоторых других районов; к концу XV — началу XVI в. эта форма аренды заняла господствующее положение на землях горожан. Однако испольщина не однозначна. Пожалуй, именно в XV в. происходит более определенное отграничение испольщины на подере и на парцеллах. Парцеллы все чаще сдаются в аренду не как принадлежность близлежащего подере, а как самостоятельные объекты. В ряде районов возрастает и процент аренды парцелл среди договоров об аренде исполу. Тем самым мы можем наблюдать снова процесс дробления крупных земельных комплексов, т. е. процесс, обратный образованию подере, но не приводящий, конечно, теперь снова к раздаче земель в наследственные держания по либеллярному договору. Для Средней, да и Северной Италии это уже был пройденный этап. Мелкие участки, парцеллы, очевидно, становятся все более доходными для собственника-пополана еще и потому, что его участие в издержках производства здесь, как правило, минимальное, будь то аффикт или сдача парцелл исполу.

Арендатор парцеллы не получает обычно ни кредитов на покупку рабочего скота или орудий труда, ни хотя бы частичного возмещения расходов при выполнении некоторых дополнительных работ по улучшению участка. Не случайно о выгодности сдачи в аренду мелких парцелл по сравнению с подере писал еще в XIV в. флорентийский купец Паоло де Чертальдо.

Тем не менее на землях пополанов в XV в. в целом преобладает еще медзадрия на подере.

Аффикт занимает на пополанских землях скромное место: в такого типа аренду сдаются по преимуществу парцеллы на условиях фиксированного на время действия договора натурального чинша. Аффикт на подере (в отличие от земель церкви, см. ниже) в этот период во владениях пополанов практически не встречается.

В XV в. инвестиции собственников, направленные непосредственно на улучшение ведения хозяйства, по сравнению с XIV в. сократились. Впрочем, возможно, что здесь играла роль и личность землевладельца: так, Строцци сравнительно с Медичи выделяли в качестве инвестиций на своих подере значительно бо́льшую долю денежных средств, чаще ссужали арендаторов семенным зерном, в том числе и главной культуры — пшеницы, ее семена на посев на подере у других пополанов обычно должен был обеспечивать доставкой полностью сам арендатор. Немаловажным следует признать и социальный облик и имущественное положение собственника. При описании пополанских хозяйств XIV в. мы в большей степени анализировали хозяйства пополанов средней руки, в XV в. предметом нашего рассмотрения были преимущественно хозяйства богатых пополанских фамилий, занимавших по своему имущественному положению первые места среди горожан во Флоренции и Прато.

В то же время анализ землевладения ряда хозяйств средних пополанов Тосканы в XV в., проведенный Т. П. Гусаровой и В. В. Самаркиным[99], наглядно показал, что хотя вложения пополанов средней руки в хозяйственные «улучшения» на подере в начале XV в. были несколько выше, чем у наших крупных фамилий, но основные расходы в воспроизводственном процессе и в том, и в другом случае лежали на самих испольщиках, так как большей частью помощь собственника носила характер ссуды, подлежавшей возврату.

Вопрос о размере инвестиций собственника на том или ином подере, о характере «разделения обязательств» по приобретению семян, хозяйственного инвентаря, скота важен в срочной аренде, и прежде всего в аренде исполу, будучи обусловлен специфическим статусом арендатора. В отличие от наследственного феодально-зависимого держателя, крестьянина, ведущего самостоятельное хозяйство при помощи собственных орудий труда, хотя и на чужой земле, испольщик (как и иного типа срочный арендатор) был уже частично (хотя и не полностью) лишен средств производства, отделен от них и обычно без помощи собственника, своими средствами, не мог вести хозяйство, хотя на него и ложилась основная тяжесть работ по обработке участка, приобретению и воспроизводству орудий труда, семян и других атрибутов хозяйственной деятельности на подере.

В то же время арендатор был лишен каких-либо прав хозяйственного распоряжения участком и оказывался в силу краткосрочности контракта и неуверенности в завтрашнем дне, роста многочисленных дополнительных обязательств мало заинтересованным в прогрессе агрикультуры, улучшении плодородия земель, рациональном использовании земли и скота. Инвестиции собственников-горожан в воспроизводственный процесс в конце XV в. на подере сокращаются (на парцеллах они и раньше были едва заметны либо не существовали вовсе). Одновременно в хозяйствах как средних, так и крупных пополанов возрастает круг и объем работ, выполняемых арендаторами дополнительно, целиком своими силами и на свои средства. «Дополнительные обязательства» все более выделялись из круга обычных обязательств арендаторов, а в XVI в. работы по подъему нови, копка канав и проведение новых дренажных каналов, посадка новых виноградных лоз нередко становились *бесплатными* работами типа феодальной барщины.

Таким образом, уровень эксплуатации испольщиков на землях пополанов был достаточно высок уже в XIV в. и еще более вырос в XV в. Та часть продукции, которая оставалась в распоряжении арендаторов после уплаты «господской половины» и заготовки семенного материала, была в большинстве случаев *едва достаточна*

---

[99] *Гусарова Т. П.* Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. С. 96—105; *Самаркин В. В.* Тосканская испольщина в начале XV в. // СВ. 1971. Вып. 33.

для обеспечения необходимого прожиточного минимума семьи испольщика, а часто и недостаточна.

Мы уже отмечали, что одной из существенных черт медзадрии было то, что уплачиваемая испольщиком рента уже не тождественна прибавочной стоимости и прибавочному труду как их нормальная форма, подобно обычной феодальной ренте. Она включает в себя процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточную ренту, часть прибыли, хотя в издольном хозяйстве прибыль далеко еще не является границей ренты, а рента остается границей прибыли [100].

Тесно связан с этой спецификой испольщины еще один аспект: хотя в целом хозяйство продолжает носить натурально-воспроизводственный характер, полностью процесс воспроизводства уже, как правило, не осуществляется в хозяйстве самого испольщика или, вернее, на подере, даже с помощью собственника. Все чаще и обычней становится связь с рынком для восполнения необходимых потребностей этого хозяйства: прежде всего скота, а также орудий труда и другого хозяйственного инвентаря, нередко семян. Испольщик обращается к рынку и для покупки необходимых ему продуктов питания, которые он не получает даже в минимально необходимом наборе из своей доли. Он вынужден, например, продать часть пшеницы или бобовых культур для того, чтобы купить вино, или чаще — продать часть вина для покупки пшеницы или проса и полбы, так как оставшихся в составе «доли» очень часто не хватало до будущего урожая, и не всегда эти продукты можно было получить в долг от собственного патрона. Испольщик обращался на рынок и для того, чтобы купить необходимые ему одежду и обувь.

Наконец, порой сам испольщик (хотя и на деньги, частично полученные в долг от собственника) покупал рабочий скот (волы нещадно эксплуатировались и нередко использовались лишь один-два сезона). Тем самым неустойчивость статуса испольщика отягощалась зависимостью от рыночной конъюнктуры, колебаний цен на ближайшем городском или сельском рынке. Обычно, как мы видели, доля испольщика после расчета с собственником (даже не принимая во внимание неуплаченные долги) оказывалась настолько мала, что о продаже не рынке каких-либо излишков практически не было речи. В то же время пополаны — собственники десятков и сотен подере и парцелл нердко продавали на рынке до половины и более урожая, прежде всего главной продовольственной культуры пшеницы, частично бобовых, еще чаще вина. Мелкие же и средние пополаны — собственники одного-двух подере обычно использовали доходы с них для удовлетворения необходимых потребностей, самообеспечения продовольствием (учитывая тот факт, что около половины урожая за вычетом се-

[100] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 367, 375. Ср.; «Если прибыль действительно возникает наряду с этой (денежной) рентой, то не прибыль является границей ренты, а наоборот, рента является границей прибыли» (Там же. С. 362).

мян составляла доля арендатора, так как обычно подере сам горожанин не обрабатывал).

Возвращаясь еще раз к статусу испольщиков, мы хотели бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Испольщики на подере в силу недостаточности их «доли» для сколько-нибудь нормального существования, даже исходя из минимальных потребностей, вынуждены были весьма часто прибегать к дополнительным источникам дохода в близлежащем городе или населенном пункте, где они подчас и проживали, а также сочетая аренду подере с арендой соседних парцелл или сезонной работой по найму.

Для испольщиков парцелл (а подчас и срочных арендаторов-аффиктариев) такие сторонние источники дохода были просто необходимы, поскольку арендуемые ими парцеллы не могли, как правило, обеспечить их и половинной долей необходимых минимальных средств существования. Высокое обложение парцелл влекло за собой больший доход для хозяина, но неизмеримо низкий уровень жизни для арендатора, если он не имел других источников дохода. Разумеется, состоятельные ремесленники или торговцы, основные доходы которых лежали за пределами арендуемого ими участка, привлекали (во всяком случае, имели эту возможность) для обработки парцелл наемных работников, в том числе и арендаторов соседних подере или парцелл.

Невозможно согласиться с выводом, к которому пришли Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер[101], о том, что испольщики жили гораздо лучше либелляриев XII—XIII вв., плативших фиксированную ренту, потому что якобы получали значительные кредиты на ведение хозяйства. Подобный вывод о «значительных кредитах» авторы, к сожалению, никакими источниками не подтверждают. Мы уже не раз отмечали, сколь невелики были вложения собственников и их кредиты испольщикам.

Далеко не случайно в литературных произведениях мы наблюдаем отражение глубокой вражды испольщиков к их хозяевам-пополанам. В новелле сиенского писателя XV в. Дж. Сермини приводится запись разговоров, слышанных автором среди крестьян. «Посмотри на моих ребят, совсем раздетых и разутых,— говорит испольщик Ронконе другому крестьянину, Пьодже,— а он, патрон, все же требует половину всего — сыра, яиц, фруктов, овощей, льна, шафрана. Все надо делить пополам, а я падаю от усталости, добывая и обрабатывая его половину всего, так же, как и мою... При сборе овощей и дележе урожая они так требуют своей половины, как будто умирают с голоду, а я действительно сдыхаю и падаю от усталости, весь год обрабатывая его участок. А он палец о палец не ударит, а сидит целыми днями и играет, а меня жалеет не больше, чем собаку»[102].

---

[101] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes... P. 270—272.

[102] *Гуковский М. А.* К вопросу о положении народных масс в Италии XV в. // Итальянское Возрождение. Л., 1966. С. 8—10.

В одном из распространенных тогда сатирических произведений — «Сатире против виллана», составленной в кругах пополанов (рукопись хранится в Венеции и датируется концом XV или началом XVI в.) описывается ужасающая бедность и нищета вилланов, которые якобы «привыкли есть лишь корни и горькие травы». Все они, по словам автора,— «нищие и воры». Когда эти вилланы приходят в город, их внешний облик таков, что они вызывают лишь насмешки мальчишек. «Вы рабы, дети рабов, ослы, дети ослов, вас проклял господь во веки веков. Спаси нас, господь, от козней дьявола, от господства и ярости вилланов!» — заканчивает свой памфлет горожанин, ослепленный ненавистью к крестьянам и страхом перед возможным возмездием.

В другом произведении, принадлежащем горожанину Падуи (80-е годы XV в.), подробно рассказывается о том, как виллан всячески устраняется от своих обязанностей по обработке участка, обманывает собственника при дележе урожая, доставляет ему худшие продукты, присваивает себе значительную часть денег, вырученных от продажи части урожая сеньора на рынке. Автор памфлета рекомендует принять все меры к тому, чтобы заставить трудиться и выполнять свои обязанности этих «неверных собак, невежественных и жестоких» людей [103].

[103] *Merlini D.* Saggio di ricerche sulla satira contro villano. Firenze, 1881. P. 175—220.

Глава третья
ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

В ближайших окрестностях города и в более отдаленном дистретто, как мы видели, в XIV—XV вв. происходили глубокие перемены, базой которых стало городское землевладение. Возникает вопрос, сколь важны были процессы, складывавшиеся на «маргинальном» направлении развития, т. е. на землях, находящихся в том же городе или пригороде либо же на периферии, но принадлежавших иным социальным слоям — клирикам и церковным корпорациям в частности? В какой мере здесь отразились те структурные сдвиги, которые имели место на землях горожан, только ли «отраженным светом» городских преобразований светили те явления, которые можно наблюдать во владениях церковных собственников?

В настоящее время исследование церковного землевладения Центральной и Северной Италии в XIV—XV вв. по существу еще только начато [1]. Проблемы же сравнительного плана в характе-

[1] *Cipolla C. M.* Une crise ignorée. Comment est perdue la propriété ecclesiastique dans l'Italie du Nord entre le XIe et le XVIe siècle // Annales. Economie. Sociétés, Civilisations. 1947. Vol. 2; *Chittolini G.* Un problema

ристике отдельных аспектов структуры землевладения пополанов и церкви и социальных отношений применительно к этому времени практически историками еще не ставились.

В настоящей главе наш анализ основывается на отдельных коллекциях документов церковных учреждений конца XIV — XV вв., хранящихся в Государственном архиве Флоренции — монастырей Сан Панкрацио, Санта Мария дель Кармине, Сант'Аполлонио, госпиталя Санта Мария Нуова. Это — «книги контрактов», «чинши», «памятные записи», «книги владений» и т. п. Совпадение или близость территории географических зон, в которых были расположены земельные владения этих церковных учреждений, позволили нам провести сравнительные изыскания в хронологической последовательности и попытаться выявить специфику структуры церковного землевладения во Флоренции и ее округе в конце XIV — конце XV в., типы аренды и формы ренты, соотношение разных ее видов, наличие или отсутствие зависимости типов арендных контрактов и их условий от величины и географического расположения арендуемых участков. Ценные сведения по интересующим нас проблемам применительно к концу XIV — началу XV в. содержат «Книги контрактов и чиншей» и «Памятные записи»[2] флорентийского монастыря Сан Панкрацио, владения которого находились и в непосредственной близости от города, и в 10—20 км к западу от него. Результаты анализа этих документов и статистической обработки их данных рассмотрены подробно нами в другом месте[3]. Остановимся кратко на выводах, к которым мы пришли. И на церковных землях к концу XIV в.

---

aperto: la crisi della proprietà ecclesiastica tra Quattro e Cinquecento // Rivista storica italiana. 1973. A. 85. N 2. P. 353—393; *Pinto G.* Forme di conduzione e rendita fondiaria nel contado fiorentino: le terre dell'ospedale di San Gallo // Pinto G. Toscana nel tardo Medioevo. Ambiente, economia rurale, società. Firenze, 1982. P. 247—330; *Pampaloni G.* Vendemmie e produzione di vino nelle proprietà dell'ospedale della Misericordia di Prato nel Quattrocento // Studi in memoria di F. Melis. Firenze. 1978. Vol. 3. P. 349—365; *Idem.* Le trasformazioni dell'ambiente e delle colture nel territorio di Prato (sec. XIII—XV). Prato, 1979.

На материалах архивов церковных учреждений построены работы, посвященные роли наемного труда в XIV — начале XV в. и принадлежащие Дж. Пинто и Д. Баллестраччи, а также недавно вышедшая монография Г. Пиччинни, в центре внимания которой положение испольщиков и наемных рабочих на землях монастыря Монте Оливето Маджоре в Сиене в XIV—XV вв. См.: *Piccinni G.* Seminare, fruttare, raccogliere (1374—1430). Milano, 1982; *Ballestracci D.* Il memoriale di frate Angiuliere, granciere a Poggibonsi. Note sul salariato nel contado (1373—1374) // RSA. 1977. N 1. P. 79—128; *Pinto G.* Il personale, le balie e i salariati dell'ospedale di San Gallo di Firenze negli anni 1395—1406. Note per la storia del salariato nelle città medievali // Ricerche storiche. 1974. N 4. P. 113—168; см. также: *Lecce M.* I beni terrieri di un antico istituto ospitaliero veronese (sec. XII—XVIII) // Studi in onore di Amintore Fanfani. Milano, 1962. Vol. 3.

[2] ASF. CS. N 88. F. 76.

[3] *Котельникова Л. А.* Аренда на землях церкви в Тоскане в конце XIV — начале XV в. (по материалам Государственного архива Флоренции) // СВ. 1983. Вып. 46.

процесс образования и распространения подере сделал определенные успехи. Подере занимали большую часть территории церковных земель. Но преобладала здесь не медзадрия (хотя она также встречалась), а подеральный аффикт, прежде всего в географических районах, непосредственно примыкавших к Флоренции. В зонах же, удаленных от города на 15—20 км и более, господствующее место занимал аффикт на мелких участках пашни и виноградников. Основное место в аффикте занимали денежные платежи, но в самом конце XIV в. и особенно в XV в. вновь возрастает доля натуральных взносов. Были распространены и своего рода альтернативные чинши: в счет уплаты денежных взносов засчитывались поставки определенных продуктов с фиксацией их денежного эквивалента. «Дополнительные взимания» сравнительно невелики и ограничивались требованием поставок домашней птицы.

Изучение денежной ренты, поступавшей с подере, показывает, что она была подвержена значительным колебаниям, лишь частично связанным с изменением рыночных цен на продукты, входившие в состав натуральной ренты.

В еще большей степени колебания рентных взиманий наблюдаются на парцеллах. Наш анализ ФЛП испольщиков на подере Рифреди показал, что после расчета с собственником в их распоряжении оставалась столь небольшая доля основных продуктов питания, что ее не хватало даже на удовлетворение самых минимальных потребностей. Испольщик на подере, а еще чаще арендатор парцеллы исполу, как и на землях пополанов, были вынуждены прибегать к самым разнообразным сторонним заработкам.

Флорентийский монастырь Санта Мария дель Кармине, расположенный за Арно, на площади того же названия, вблизи городских ворот Порта Романа,— был основан в 1268 г. купцом и ростовщиком Скалья Тифи. В XV в. монастырь сдавал в аренду многие жилые дома, торговые помещения и ремесленные мастерские, находившиеся поблизости от церкви в Борго Сан Фридиано, на площади Сан Феличе перед одноименной церковью, на широкой виа Серральи, ведущей к Понте Каррайя, мосту через Арно, неподалеку от знаменитого Понте Веккьо, а также и на противоположном берегу Арно — на виа Фанья, в Борго Оньисанти.

Сдача в аренду жилых зданий и хозяйственных сооружений составляла около $^1/_3$ всех контрактов, зарегистрированных в составленной в сер. XV в. книге «Старые фикты» [4]. Договорам аффикта принадлежало более 70% контрактов о срочной аренде. В среде аффиктариев, однако, преобладали не съемщики крупных комплексов-подере, а арендаторы мелких парцелл (68,42%). Парцеллы располагались в непосредственной близости от Флоренции, и далее, в 20—25 км к западу и юго-западу от города (Скан-

[4] ASF. CS. N 115. F. 168. Fitti vecchi. Segn. «B». C. 1 v, 4 r, 9 rv, 10 r, 11 r, 20 r, 90 r, 115 r, 116 r ecc.

ТАБЛИЦА 19

Типы аренды и структура ренты на землях церкви Санта Мария дель Кармине в середине XV в. в стоимостном выражении ренты во флоринах и в %

Аренда	Районы				Итого
	пред-местья Флорен-ции	Броцци, Скандиччи, Ган-галанди	Эмполи, Монте-лупо	Анчиза, Палаццу-оло	
Вся аренда					
флорины	111,27	68,97	21,36	22,94	224,54
% к итогу	49,56	30,72	9,51	10,22	100
В том числе:					
испольщина	51,27	25,35	1,49	13,94	92,05
%	46,08	36,76	6,98	60,77	41
из нее:					
подеральная	13,55	24,1	—	13,94	51,59
%	26,43	95,07	—	100	56,05
парцеллярная	37,72	1,25	1,49	—	40,46
%	73,57	4,93	100	—	43,95
аффикт	60	43,62	19,87	9	132,49
%	53,92	63,24	93,02	39,23	59
из него:					
подеральный натуральный	—	—	11,25	—	11,25
%	—	—	56,62	—	18,49
денежный	59	9,25	—	—	69,25
%	98,33	21,21	—	—	51,51
парцеллярный натуральный	1	31	8,62	9	49,62
%	1,67	71,07	43,38	100	37,45
денежный	—	3,37	—	—	3,37
%	—	7,73	—	—	2,55

диччи, Броцци, Гангаланди, Эмполи). Аффикт на подере встречается лишь в нескольких контрактах заключенных в предместьях Флоренции (Сан Микеле а Кастелло, Сан Стефано ин Пане) и в Эмполи. Примерно ¹/₄ всех контрактов была наследственной. В испольщину (30% контрактов) сдавались подере, расположенные в предместьях Флоренции и в 10—18 км к юго-западу и юго-востоку от города (Скандиччи, Палаццуоло). К сожалению, отсутствие указаний на размеры подере не позволяет нам выявить соотношение разных типов аренды по площади сдаваемых в аренду земель. Содержащиеся же в контрактах данные о компонентах земельной ренты, относительно которой удается выявить ее стоимостное выражение на том или ином участке (подробнее на структуре ренты мы остановимся ниже), позволяют нам, используя эти данные, сделать некоторые заключения о соотношении типов аренды, исходя из *стоимостного выражения ренты в той или иной ее разновидности* (см. табл. 19). При этом способе расчетов господствующим оказывается *аффикт* (59%). Но если при

расчетах по числу хозяйств преобладал аффикт на парцеллах, то по стоимости продуктов ренты, поступавших со сданных в аффикт земель, преобладал (51,51%) аффикт на подере (в денежном выражении арендной платы). Денежный аффикт на подере преобладал (но в значительно большей мере) и на землях Сан Панкрацио в конце XIV в.

Немалыми были натуральные поступления и с парцелл (37,45%). Ренты с земель, сданных в испольную аренду, достигали 41% стоимости всей ренты. При некотором преобладании подеральной испольщины (56%) тем не менее велика роль и парцеллярной испольщины (44%). Парцеллярная испольщина преобладала во флорентийских предместьях, подеральная — во всех остальных районах. Преобладание натурального парцеллярного аффикта можно наблюдать на землях, расположенных к западу и югу от Флоренции, на расстоянии от 10 до 20 км.

Как и во владениях монастыря Сан Панкрацио, на землях Санта Мария дель Кармине нередки случаи *длительной фактической аренды* одной и той же семьей снимаемого ею участка в результате перезаключения договора. Так, арендатор-испольщик на подере в Сан Микеле а Кастелло (пригород Флоренции) Нальдо ди Франческо ди Нуто фактически был арендатором в течение 10 лет. Чекко ди Пьетро дельи Маччини да Эмполи арендовал на условиях аффикта небольшой участок пашни в 2 стайора недалеко от Эмполи на протяжении более чем 20 лет. Бьяджо ди Никколо также снимал в аффикт небольшой участок пашни в том же Эмполи 20 лет [5].

И здесь встречаются арендаторы, одновременно являвшиеся собственниками части подере либо какого-нибудь другого участка: так, некий Бенчивенни да Грацио подарил (или продал) церкви участок земли и затем стал ее арендатором (нераздельно с еще одним съемщиком), оставаясь в то же время собственником другой части этой парцеллы [6].

Вместе с тем имеется немало случаев действительно краткосрочной аренды, т. е. частой сменяемости аффиктариев и испольщиков, на подере и на парцеллах, иногда даже до истечения срока договора [7].

Особую группу договоров во владениях церкви Санта Мария дель Кармине, как уже отмечалось, составляют наследственные. Обычно это были участки, перешедшие церкви в результате вклада-завещания горожанина или нобиля. Часто тот же самый даритель оставлял за собой эти земли, но теперь уже в либеллярной или эмфитевтической аренде за денежный или — реже — за натуральный и смешанный чинш. Подчас наследственные арендаторы сдавали эти земли в субаренду, нередко тем же городским ремесленникам [8].

[5] Ibid. C. 98 r, 105 r, 67 r, 104 r, 58 r, 59 r, 65 r, 88 r ecc.
[6] Ibid. C. 107 r ecc.
[7] Ibid. C. 99 r, 66 v, 61 r, 102 v, 114 r.
[8] Ibid. C. 90 r, 84 r, 86 r, 97 r, 102 r, 103 r, 67 v, 76 r, 134—136 rv.

В книге «Старые фикты» редко упоминается наличие жилища арендатора на участке [9]. В то же время арендаторы-аффиктарии парцелл, очевидно, довольно часто не жили на участке, приходя туда лишь на время работы. Так, садовник Антонио по прозвищу Качча получил в аренду сад с условием уплаты ежегодно 28 лир в качестве аффикта. Питание ему предоставлял хозяин, вечером он возвращался к себе домой. Таким образом, его положение приближалось к статусу поденщика [10].

Источники позволяют привести лишь отдельные примеры, показывающие *динамику* ренты на землях монастыря. Так, аффиктарий на подере Лоренцо ди Якопо да Тоцци, вносивший в 1449—1453 гг. 28 лир в качестве фикта, в 1453—1461 гг. уплачивал 36 лир, а после 1461 г.— 40 лир и доставлял дополнительно пару каплунов [11]. Имевший в том же районе Скандиччи (приход Сан Мартино а Торри) Мазо ди Мартино да Бронци в аффикте участок земли размером 33 стайора, в 1432—1454 гг. вносил 30 стайя пшеницы, 2 стайя фасоли и пару каплунов. Новый арендатор Антонио ди Доннино да Сан Доннино платил в 1457—1460 гг. уже более высокий фикт: 40 стайя пшеницы и пару каплунов [12]. Вместе с тем при парцеллярном натуральном аффикте нередко величина чинша в натуре не изменялась на протяжении двух и более сроков аренды, т. е. 5—7 лет, даже и при частой (иногда через 1—2 года) смене арендатора [13].

«Дополнительные взимания» в собственном смысле слова, подобные тем, с которыми мы встречались в документах монастыря Сан Панкрацио, на землях монастыря Санта Мария дель Кармине фигурируют редко. В то же время среди обычных, «нормальных» обязательств арендаторов монастыря мы видим довольно трудоемкие работы по поднятию и распашке целины, уходу за виноградниками и посадками олив, которые в данном случае не считаются «дополнительными» и выполняются почти всецело за счет испольщиков или аффиктариев (монастырь Сан Панкрацио частично подобные работы оплачивал). Так, Доменико ди Чано, аффиктарий из Гангаланди, получил в аренду на 20 лет для разведения виноградника два участка — пустошь размером в 10 стайора и заброшенный виноградник в 1 стайоро. Помимо небольшого ежегодного денежного чинша (2 лиры), арендатор должен высадить «полностью на свои средства» на пустоши виноградник, который занял бы 4 или 5 стайора [14]. Джованни ди

[9] Ibid. С. 58 r, 98 r, 100 r: debe abitare al podere e lavorare.
[10] Ibid. С. 97 r (e debbe avere solo mangiare e bere lasciatanoi alla sera si debbe tornare a chasa sua).
[11] Ibid. С. 59 r.
[12] Ibid. С. 64 rv.
[13] Ibid. С. 64 rv, 59 r, 99 r, 100 r, 103 r; F. 191. С. 39.
[14] Ibid. F. 168. С. 104. По существу своему подобная аренда приближается к либеллярной, с тем, однако, отличием, что либеллярий после истечения даже и длительного срока договора не оставлял участок собственнику, а перезаключал договор, не говоря уже о наличии у либеллярия широких прав распоряжения землей.

Пиппо, испольщик на подере в приходе Сан Мартино а Торри, как и другие арендаторы, обязывался доставлять собственнику половину урожая, а в качестве «даров» пару каплунов и 72 яйца. Он должен был также рассаживать черенки виноградных лоз. Объем этих работ не устанавливался и всецело зависел от потребностей монастыря [15], причем, как видно из формулировки, подобные произвольные требования со стороны монастыря распространялись и на других арендаторов. Виноградник Джованни ди Пиппо получил в аренду на год. В качестве фикта он доставлял 8 баррелей вина и 5 стайя орехов. Затем аренда была возобновлена, но при этом в договоре обязательства съемщика уточнялись: он должен был посадить 2 оливковых дерева из саженцев, предоставляемых монастырем, насадить 25 виноградных лоз. В том же случае, если бы он посадил большее количество лоз, за каждую из них получил бы от монастыря по 4 денария. Любопытно, что через три года фикт с виноградника взимался уже не вином, а пшеницей (26 стайя): очевидно, пшеница высаживалась в междурядьях виноградника либо уже у арендатора был и другой участок-пашня, нам неизвестный.

Испольные контракты, заключенные в 60—70-е годы на землях монастыря Сант'Аполлонио (эти земли располагались в непосредственной близости от города — к юго-западу и юго-востоку), содержат предписания испольщикам, помимо доставки половины урожая, насаждать новые виноградники, поднимать новь под бобовые и интенсивные культуры, перевозить виноградные лозы и черенки в указанные монастырем места, доставлять навоз на подере полностью на свои средства. Помимо того, арендаторы должны были в качестве «дополнительных приношений» поставлять монастырю ежегодно несколько пар каплунов, до 150 яиц, от 30 до 150 кг свинины [16].

Из имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что помощь арендаторам монастыря Санта Мария дель Кармине, как правило, не была значительной. Все основные сельскохозяйственные работы съемщик выполнял на свои средства и своими силами (не говоря уже о «дополнительных приношениях»). Так, монастырь мог снабдить арендатора половиной семян ячменя или бобовых (но не основной культуры — пшеницы) или купить ему (в кредит) вола. Кстати, многие арендаторы монастыря имели перед ним неоплаченные долговые обязательства именно по кредитам на покупку волов [17]. В качестве дополнения к испольному договору нередко фигурирует договор соччиды, когда на условиях «дележа пополам расходов и доходов» собственник и испольщик содержали не только волов, но и мелкий рогатый скот и свиней, которые нередко покупались собственником [18].

---

[15] «A ogni nostra richiesta a uso del paese» (Ibid. C. 99 r).
[16] Ibid. N 82. F. 104. 30 giugno 1466, 29 ag. 1471, 7 magg. 1472, 15 sett. 1472, 5 nov. 1475.
[17] Ibid. N 113. F. 168. C. 99 r, 100 r, 112 rv.
[18] Ibid. C. 99 r, 100 r, 112 rv, 113 r.

Детальную картину арендных отношений в 1485—1486 гг. и частично в 1487—1488 гг. на землях госпиталя Санта Мария Нуова во Флоренции, основанного в 1286 г. и располагавшегося в квартале Сан Джованни, невдалеке от первого пояса стен, можно воссоздать на основе хорошо сохранившейся «Книги владений»[19], содержащей 320 поземельных контрактов (из них мы проанализировали 200) и более 300 контрактов аренды жилых зданий и помещений под мастерские, лавки и склады, расположенных во Флоренции на пьяцца Санта Мария Новелла, виа Пергола, Борго Оньисанти, в приходе Сан Якопо Ольтрарно, а также в ближайших окрестностях— Баньо ди Риполи, Кварто, Сесто, Перетола, Сан Пьеро Монтичелли, Сан Микеле Висдомини и на более далеком расстоянии (16—30 км) от города, в укрепленных городках Карминьяно, Сан Джиминьяно, Гавилле (Вальдарно), Эмполи и других местах[20].

По количественным данным привлеченных нами договоров во владениях Санта Мария Нуова аффикт и испольщина занимали примерно одинаковое место с небольшим преобладанием испольщины (51,85%). Подеральная испольщина составляла 65,48% (см. табл. 20). В то же время в аффикте в подавляющем большинстве находились не крупные комплексы-подере, а парцеллы пашни, виноградников, участки с посадками олив и т. п. (82,05% всех договоров аффикта). Впрочем, распределение разных типов аренды во владениях госпиталя было неодинаковым в различных районах контадо Флоренции и Прато. Так, в непосредственной близости от Флоренции аффикт составлял 56,06% всех договоров, из них 78,38% хозяйств арендовали парцеллы. Испольщина в этом районе уступила первенство аффикту (43,94%). В окрестностях Прато, напротив, испольщина была распространена больше (58,82% хозяйств), причем в 65% из них были договоры относительно подере. Аффикт встречался еще более часто в районах к западу и юго-западу от Флоренции (15—30 км): в Черрето Гвиди, Эмполи (82,35%), но и здесь господствовал аффикт не на подере, а на парцеллах. Отсутствие повсеместных указаний на величину сдаваемых в аренду участков не позволяет определить соотношение разных типов аренды по площади сдаваемых земель. В то же время мы можем определить это соотношение по величине *стоимостного выражения* входящих в ренту компонентов (в золотых флоринах. См. табл. 21). Общее соотношение разных типов аренды, которое мы наблюдали, сравнивая их по числу хозяйств, и при этом способе вычислений остается тем же самым, но с некоторыми уточнениями. Так, на землях госпиталя в целом можно констатировать более явное преобладание испольных договоров (75,51%). Причем в отдельных геогра-

[19] ASF. SMN. N 5797. На обложке книги надпись: Questo libro è dello spedale di Santa Maria Nuova di Firenze et che messe tutte di possessioni. Segn. «A» (1485—1488).

[20] Ibid. C. 10 v, 14 r, 19 v, 20 r, 21 v, 31 r, 32 v, 37 rv, 155 r ecc.

ТАБЛИЦА 20

Типы аренды и структура ренты на землях госпиталя Санта Мария Нуова во Флоренции в 1485—1486 гг. по числу договоров и в %

Аренда	Район								Итого
	предместья и округа Флоренции	округа Прато	Кьянти, Барберино (Вальдельса)	Монтеспертоли, Гамбасси	Скарперия (Муджелло)	Казентино, Фабрика, Биббьена	окрестности Пистои	Черрето Гвиди, Эмполи	
Вся аренда									
флорины	66	34	15	10	9	8	3	17	162
% к итогу	40,74	20,99	9,26	6,17	5,56	4,94	1,86	10,49	100
В том числе:									
испольщина	29	20	11	7	6	7	1	3	84
%	43,94	58,82	73,33	70	66,67	87,5	33,33	17,65	51,85
из нее:									
подеральная	18	13	7	6	3	5	—	3	55
%	62,07	65	68,64	85,71	50	71,43	—	100	65,48
парцеллярная	11	7	4	1	3	2	1	—	29
%	37,93	35	36,36	14,29	50	28,57	100	—	34,52
аффикт	37	14	4	3	3	1	2	14	78
%	56,06	41,18	26,67	30	33,33	12,5	66,67	82,35	48,15
из него:									
подеральный									
натуральный	1	2	—	—	—	1	1	1	6
%	2,7	14,29	—	—	—	100	50	7,14	7,7
денежный	7	—	—	1	—	—	—	—	8
%	18,92	—	—	33,33	—	—	—	—	10,26
парцеллярный									
натуральный	23	9	1	2	2	—	1	7	45
%	62,16	64,28	25	66,67	66,67	—	50	50	57,69
денежный	6	3	3	—	1	—	—	6	19
%	16,22	21,43	75	—	33,33	—	—	24,36	42,86

ТАБЛИЦА 22. Распределение сельскохозяйственных продуктов в составе ренты с земель госпиталя Санта Мария Нуова, сданных в парцеллярную испольную аренду в 1485—1486 гг.

Продукты в натуре и по стоимости	Район							Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса)	Монтеспертоли	Скарперия (Муджелло)	Казентино	Окрестности Пистои	
Зерновые								
стайя	388,75	198,5	—	8	43	23	100	761,25
флорины	48,16	29,64	—	0,72	6,29	3,59	17,96	106,36
% от всей ренты	58,68	83,59	—	26,67	76,8	66,85	100	67,84
В том числе:								
пшеница								
стайя	261,75	131,5	—	—	27	17	100	537,25
флорины	47,02	23,62	—	—	4,85	3,05	17,96	96,5
% дохода от всех зерновых	97,63	79,69	—	—	77,11	84,96	100	90,73
низшие зерновые								
стайя	127	67	—	8	16	6	—	224
флорины	1,14	6,02	—	0,72	1,44	0,54	—	9,86
% дохода от всех зерновых	2,37	20,31	—	100	22,89	15,04	—	9,27
Вино								
баррели	155	14	28	11	5	9	—	222
флорины	27,85	2,52	5,03	1,98	0,9	1,62	—	39,9
% дохода от всех продуктов	33,93	7,11	100	73,33	10,99	30,17	—	25,45
Оливковое масло								
баррели	4,13	7,56	—	—	0,5	—	—	12,19
флорины	1,11	2,04	—	—	0,13	—	—	3,28
% дохода от всех продуктов	1,35	5,75	—	—	1,59	—	—	2,09
Другие продукты и платежи, флорины	4,54	—	—	—	0,87	—	—	5,41
Дополнительные взимания, флорины	0,41	1,26	—	—	—	0,16	—	1,83
Вся рента								
флорины	82,07	35,46	5,03	2,7	8,19	5,37	17,96	156,78
% к итогу	52,35	22,62	3,21	1,72	5,22	3,43	11,45	100

ТАБЛИЦА 23

Распределение сельскохозяйственных продуктов в составе ренты с земель госпиталя Санта Мария Нуова, сданных в подеральную испольную аренду в 1485—1486 гг.

Продукты в натуре и по стоимости	Район							Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса)	Монтеспертоли	Скарперия (Муджелло)	Казентино	Черрето Гвиди	
Зерновые								
стайя	1336,55	2620,5	1022,5	1029,22	314	600	154	7076,77
флорины	209,03	386,95	158,27	149,24	45,99	99,34	21,47	1070,29
%	65,69	69,88	77,45	79,9	68,78	71,53	80,62	71,55
В том числе:								
пшеница								
стайя	990,55	1687,5	739,5	632,22	198	506	85	4838,77
флорины	177,95	303,15	132,85	113,58	35,57	90,9	15,27	869,27
% от всех зерновых	85,13	78,34	83,94	76,11	77,34	91,5	71,12	81,22
низшие зерновые								
стайя	346	933	283	397	116	94	69	2238
флорины	31,08	83,8	25,42	35,66	10,42	8,44	6,2	201,02
% от всех зерновых	14,87	21,66	16,06	23,89	22,66	8,5	28,88	18,78

ТАБЛИЦА 23 (окончание)

Продукты в натуре и по стоимости	Район							Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса)	Монтеспертоли	Скарперия (Муджелло)	Казентино	Черрето Гвиди	
Вино								
баррели	385,5	477,5	115	54,5	70	133	14	1249,5
флорины	69,25	85,78	20,66	9,79	12,58	23,89	2,52	224,47
% от всей ренты	21,76	15,49	10,11	5,24	18,81	17,2	9,46	15,01
Оливковое масло								
баррели	93,4	46	21,52	55,5	—	47,29	4	267,71
флорины	25,17	12,4	5,8	14,96	—	12,74	1,08	72,15
% от всей ренты	7,91	2,24	2,84	8,01	—	9,17	4,06	4,82
Лен								
либбра	199,5	1099	342	278	—	43	—	1961,5
флорины	5,97	32,87	10,23	8,32	—	1,29	—	58,68
%	1,88	5,94	5,01	4,46	—	0,93	—	3,92
Дополнительные взимания								
флорины	8,78	35,76	9,38	4,47	8,3	1,62	1,56	69,87
%	2,76	6,46	4,59	2,39	12,41	1,17	5,86	4,67
Вся рента								
флорины	318,2	553,76	204,34	186,78	66,87	138,88	26,63	1495,46
% к итогу	21,28	37,03	13,66	12,49	4,47	9,29	1,78	100

ТАБЛИЦА 24

Плотность насаждений виноградников на землях госпиталя Санта Мария Нуова, сданных в испольную аренду, в 1485—1486 г.

Испольщина	Район							Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса), Поджибонси	Скарперия (Муджелло)	Монтеспертоли, Гамбасси	Черрето Гвиди, Эмполи	Казентино	
Подеральная								
пшеница, стайя	990,55	1687,5	739,5	198	632,22	85	506	4838,77
вино, баррели	385,5	477,5	115	70	54,5	14	133	1249,5
плотность виноградников	389,17	282,96	155,51	353,54	86,2	164,71	262,85	258,23
Парцеллярная								
пшеница, стайя	261,75	131,5	—	27	—	—	17	437,25
вино, баррели	155	14	—	6	—	—	9	183
плотность виноградников	592,17	106,46	—	185,19	—	—	529,41	418,52

ТАБЛИЦА 25

Плотность насаждений оливковых деревьев на землях госпиталя Санта Мария Нуова, сданных в испольную аренду

Испольщина	Район						Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса), Поджибонси	Скарперия (Муджелло)	Монтеспертоли, Гамбасси	Черрето Гвиди, Эмполи	
Подеральная							
пшеница, стайя	990,55	1687,5	739,5	—	632,22	85	4134,77
оливковое масло, баррели	93,4	46	21,52	—	55,5	4	220,42
плотность олив	94,29	27,26	29,1	—	87,79	47,06	53,31
Парцеллярная							
пшеница, стайя	261,75	131,5	—	27	—	—	420,25
оливковое масло, баррели	4,13	7,56	—	0,5	—	—	12,19
плотность олив	15,78	57,49	—	18,52	—	—	29,01

Гамбасси (87,79), на парцеллах — в окрестностях Прато (см. табл. 25). Средний коэффициент плотности олив на подере был почти в 2 раза выше, чем на парцеллах. Заметим для сравнения, что интенсивность использования сдаваемого в медзадрию подере Рифреди в конце XIV в. была уже достаточно высока: плотность виноградников варьировала в зависимости от урожаев от 112,36 до 798,61, составляя в среднем 277.

Каковы были размеры сдаваемых в аренду земель Санта Мария Нуова? Там, где нам известны размеры подере, их площадь по сравнению с подере Сан Панкрацио сравнительно невелика: 60—100, лишь иногда 160—250 стайора, причем размеры подере, сданных в аффикт, были больше, чем находящихся в испольной аренде. Очень часто подере сдавались в аренду в комплексе с мелкими парцеллами, не расположенными, однако, компактно [23]. Впрочем, не менее часто арендаторами подере и примыкавших к ним парцелл были разные люди, даже в том случае, когда парцеллы вклинивались в расположение какого-либо подере [24].

Размеры парцелл бесконечно варьировали — от 1 до 25 и более стайора, нередко в аренду сдавалась совокупность парцелл — преза, величиной до 50—60 и даже 150 стайора, т. е. по существу это был своего рода небольшой подере [25].

Подере Санта Мария Нуова арендовала, как правило, малая семья одного арендатора, а порой же своего рода домовая община: несколько взрослых братьев, отец с сыном [26]. Лишь в качестве единичных случаев встречаются на подере две или три семьи арендаторов, родственные связи между которыми не просматриваются [27]. Источник позволяет нам обнаружить и арендаторов, снимавших в аренду одновременно несколько участков (обычно это подере и несколько парцелл) [28].

Многие испольщики жили на арендуемом ими подере, порой на подере находился и дом на случай приезда сеньора («гостя») или фактора — агента, которому поручался контроль за обработкой участка и правильным дележом урожая, а нередко и доставка господской части урожая с тех отдаленных подере, где арендатор не делал этого сам. Чаще же урожай сеньору отвозил сосед испольщика или аффиктария [29]. На парцеллах, как правило, испольщики на участке дома не имели. Они приходили туда «как на работу» либо посылали субарендатора или сезонного работника. При парцеллярном аффикте жилище арендатора на участке упоминается лишь в тех случаях, когда речь идет преимущественно не об аренде небольшого садика или виноградника, а преж-

[23] ASF. SMN. C. 75 r, 5 r, 76 v, 79 v, 13 v, 83 r, 24 r, 18 r, ecc.
[24] Ibid. C. 1 v, 67 r, 71 r, 71 v, 75 rv, 76 v, 90 v ecc.
[25] Ibid. C. 90 r, 104 r, 107 v ecc.
[26] Ibid. C. 1 v, 10 r, 11 v, 13 v, 71 v, 75 r, 77 rv, 79 v, 96 v, 90 rv, 89 rv, 91 rv, 107 v, 299 v, 300 r.
[27] Ibid. C. 92 r, 271 r.
[28] Ibid. C. 4 rv, 74 v, 257 v, 258 r, 243 r, 303 v—304 r.
[29] Ibid. C. 9 r, 10 r, 12 v, 13 r, 71 rv, 74 v, 75 rv, 77 rv, 78 rv, 79 v, 80 v, 83 v, 90 r, 93 rv, 97 r, 285 v, 286 r ecc.

де всего об аренде дома с прилегавшим участком сада, т. е. по существу своему перед нами в данном случае скорее аренда здания с клочком земли. В большей же части арендных договоров аффикта жилище арендатора на парцелле не упоминается[30].

Договоры арендаторов Санта Мария Нуова свидетельствуют о том, что большинство арендаторов по контрактам всех типов были жителями того же прихода, где находился арендуемый ими участок, и лишь изредка они приходили из отдаленных от арендуемых подере или парцелл местностей[31]. Порой испольщики и аффиктарии на подере были горожанами[32]. Социальный состав арендаторов по данным «Книги владений» установить трудно, но несомненно, что подере и парцеллы могли арендовать и мелкие собственники города и округи, и представители знатных фамилий и клира. Последние обычно сдавали свои подере или парцеллы в субаренду. Иногда все же источник раскрывает социальную принадлежность арендатора, порой это удается установить методом идентификации имен. Так, мы знаем, что испольщиками и аффиктариями были горожане Прато, в парцеллярном аффикте в Барберино (Муджелло) имела несколько парцелл вдова Франческо Каппони, дочь одного из представителей известной пополанской фамилии Портинари[33]. Среди арендаторов-клириков — монах аббатства Санта Мария Новелла, пресвитер Джованни Паголо да Казорезе, а также церковные корпорации — церковь Сан Джованни в Монтеманьо (Пистоя) и т. п.[34] Чаще среди арендаторов встречаются ремесленники, обычно арендовавшие помещения под мастерские и дома во Флоренции и других городах, либо же земельные участки на условиях аффикта: сапожник, чулочник, суконщик, мелкий торговец и др.[35]

Договоры об аренде земель, принадлежавших госпиталю Санта Мария Нуова, к сожалению, по своему характеру не позволяют проследить длительность фактического пребывания на участке того или иного арендатора, так как содержат перечень платежей арендаторов на протяжении лишь двух лет (1485—1486 гг.); редко частичные платежи указаны относительно 1487 г. Лишь в отдельных случаях при описании условий договоров парцеллярного и подерального аффикта отмечается, что данный участок после смерти арендатора будут наследовать его мужские потомки[36].

Дополнительные обязательства во владениях госпиталя Санта Мария Нуова встречаются более чем в половине всех договоров, а в округе Прато, Пистои, Казентино — более чем в 60% договоров. Чаще всего дополнительные обязательства сопровожда-

---

[30] Ibid. C. 6 r, 16 v, 470 v—471 r, 284 v ecc.
[31] Ibid. C. 6 r, 260 v, 261 r, 12 v ecc.
[32] Ibid. C. 80 v, 10 v, 18 r, 298 v—299 r.
[33] Ibid. C. 242 r.
[34] Ibid. C. 8 v, 16 v, 276 v ecc.
[35] Ibid. C. 17 r, 11 r, 14 r, 107 v, 282 v—283 r, 295 r ecc.
[36] Ibid. C. 11 r, 12 v, 13 v, 84 v, 268 v, 269 r ecc.

ТАБЛИЦА 26

Дополнительные взимания на землях госпиталя Санта Мария Нуова в 1485—1486 гг. по числу договоров, содержащих дополнительные взимания, и в %

Аренда	Район								Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса)	Монтеспертоли	Черрето Гвиди	Скарперия (Муджелло)	Казентино	округа Пистои	
Общее число договоров	66	34	15	10	17	9	8	3	162
% к итогу	40,74	20,99	9,26	6,17	10,49	5,56	4,94	1,85	100
Договоры с дополнительными взиманиями	36	22	7	5	3	3	6	2	84
%	54,55	64,71	46,67	50	17,65	33,33	75	66,67	51,85
Испольщина с дополнительными взиманиями	18	17	7	5	3	3	6	—	59
%	50	77,47	100	100	100	100	100	—	70,24
В том числе:									
подеральная	14	13	7	5	3	2	5	—	49
%	77,78	76,47	100	100	100	66,67	83,33	—	83,05
парцеллярная	4	4	—	—	—	1	1	—	10
%	22,22	23,53	—	—	—	33,33	16,67	—	16,95
Аффикт с дополнительными взиманиями	18	5	—	—	—	—	—	2	25
%	50	22,73	—	—	—	—	—	100	29,76
В том числе:									
подеральный									
натуральный	1	1	—	—	—	—	—	1	3
%	5,56	20	—	—	—	—	—	50	12
денежный	5	—	—	—	—	—	—	—	5
%	27,78	—	—	—	—	—	—	—	20
парцеллярный									
натуральный	11	4	—	—	—	—	—	1	16
%	61,11	80				—	—	50	64
денежный	1		—	—	—	—	—	—	1
%	5,56	—	—	—	—	—	—	—	4

ТАБЛИЦА 27

Дополнительные взимания во владениях госпиталя Санта Мария Нуова в 1485—1486 гг. в стоимостном выражении во флоринах и в %

Аренда	Район								Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса)	Ментеспертоли	Черрето Гвиди	Скарперия (Муджелло)	Казентино	округа Пистои	
Вся рента, флорины	699,86	714,64	210,9	229,71	55,4	77,62	168,68	31,67	2188,48
% к итогу	31,98	32,65	9,64	10,5	2,53	3,55	7,71	1,45	100
В том числе рента с дополнительными взиманиями	12,47	39,84	9,38	4,47	1,56	8,3	1,78	0,59	78,39
%	1,78	5,57	4,45	1,94	2,81	10,69	1,06	1,86	3,58
Испольщина с дополнительными взиманиями	9,19	37,02	9,38	4,47	1,56	8,3	1,78	—	71,7
%	73,7	92,92	100	100	100	100	100	—	91,47
В том числе:									
подеральная	8,78	35,76	9,38	4,47	1,56	8,3	1,62	—	69,87
%	95,54	96,6	100	100	100	100	91,01	—	97,45
парцеллярная	0,41	1,26	—	—	—	—	0,16	—	1,83
%	4,46	3,4	—	—	—	—	8,99	—	2,55
Аффикт с дополнительными взиманиями	3,28	2,82	—	—	—	—	—	0,59	6,69
%	26,3	7,08	—	—	—	—	—	100	8,53
В том числе:									
подеральный									
натуральный	0,53	1,83	—	—	—	—	—	0,43	2,79
%	16,16	64,89	—	—	—	—	—	72,88	41,7
денежный	0,64	—	—	—	—	—	—	—	0,64
%	19,51	—	—	—	—	—	—	—	9,57
парцеллярный									
натуральный	1,95	0,99	—	—	—	—	—	0,16	3,1
%	59,45	35,11	—	—	—	—	—	27,12	46,34
денежный	0,16	—	—	—	—	—	—	—	0,16
%	4,88	—	—	—	—	—	—	—	2,39

ют испольный договор на подере (83,05%), но они наличествуют и на подере, сданных не исполу, а в аффикт. Более того, подобные обязательства содержат 64% договоров натурального аффикта на парцеллах (см. табл. 26). Однако дополнительные обязательства на подере, сданных в медзадрию, и парцеллах, сданных в аффикт, значительно отличаются. Если с земель, сданных в испольную аренду, поступало 91,47% всех дополнительных обязательств (в стоимостном выражении), то с земель, находившихся в аффикте (почти половина из них принадлежала натуральному парцеллярному аффикту), поступало лишь 8,53% дополнительных платежей. В составе компонентов ренты дополнительные платежи занимали немного места: —3,58% (см. табл. 27).

Что входило в эти дополнительные обязательства? Доставка нескольких пар каплунов и нескольких десятков яиц, порой до 50 кг свинины и более. В дополнительные обязательства арендаторов на подере и парцеллах в окрестностях Прато включалась также доставка нескольких возов виноградного сусла или даже половины сусла, полученного в хозяйстве [37]. Дополнительные обязательства арендаторов в окрестностях Прато и особенно в отдаленном на 20—30 км от Флоренции Муджелло были значительнее, чем на ближайших к городу подере: 4—7 пар каплунов, до 200 яиц, 2—5 индеек, 100—160 кг свинины [38].

Работы арендаторов по превращению пашни в виноградник, насаждению новых виноградников, перевозке соломы, доставке на участок навоза (в том числе и переданного господином), как и во владениях других церковных учреждений в конце XIV — начале XV в., пока еще входили в повседневный круг обязанностей арендаторов по договору и считались обычными обязанностями, а не «дополнительными приношениями». Они целиком выполнялись самими арендаторами и за их счет (правда, из монастырских книг Сан Панкрацио и Санта Марии дель Кармине мы видим, что некоторые подобные работы частично оплачивались монастырями). Вместе с тем в некоторых договорах госпиталя Санта Мария Нуова и среди «дополнительных приношений» уже появляются обязательства вскопать или перекопать определенное число канавок в междурядьях виноградных лоз [39].

Итак, в конце XV в. церковный собственник все реже возмещал труд и расходы арендаторов по производству улучшений в агрикультуре, насаждению интенсивных культур, проведению и переустройству оросительных каналов на участке и т. п.

Каково было участие госпиталя Санта Мария Нуова в поставке семян арендаторам? К сожалению, сведения об этом содержат лишь около 60 договоров. Менее половины арендаторов вносили половину семян всех культур (остальную половину семян или средства на их приобретение должен был дать госпиталь). *Чаще*

[37] Ibid. C. 71 rv, 75 v, 76 v, 80 r ecc.
[38] Ibid. C. 81 v, 73 r, 87 rv, 92 r, 78 v, 93 r, 107 r.
[39] Ibid. C. 72 rv, 83 v, 89 r, 91 v, 92 v, 95 rv, 98 r, 105 r, 243 rv, 244 r, 246 r, 249 r, 270 r ecc.

испольщик обязан был *полностью* обеспечить участок семенами пшеницы, занимавшей наибольшую площадь. Собственник обычно поставлял треть или все семена под *вновь* распаханные земли, под зеленый клин, половину семян низших зерновых и бобовых. Госпиталь часто выступал кредитором, ссужавшим арендаторам деньги для покупки волов (96,43% семей). Примерно в 1/4 части договоров расходы по приобретению волов делились пополам между церковным учреждением и арендатором (см. табл. 28).

Сочида (аренда скота) нередко сочеталась со сдачей того или иного участка в медзадрию (чаще всего подеральную). В аренду сдавался рабочий и мелкий скот; прибыль и убытки делились пополам между собственником скота и арендатором, а все расходы по содержанию скота нес арендатор[40].

Специфика арендных договоров госпиталя Санта Мария Нуова далеко не всегда позволяет произвести подсчеты *обложения* арендаторов, т. е. определить величину средней ренты с единицы площади, так как нам часто неизвестна вся площадь сданного в аренду данному испольщику или аффиктарию участка. Там, где это сделать оказалось возможным, мы видим значительные колебания в величине обложения арендаторов в разных районах контадо Флоренции и Прато. Наибольшая высота обложения — при денежном аффикте подере, денежном аффикте парцелл, а также при парцеллярной испольщине в окрестностях Флоренции. В Гамбассии более высокое обложение при натуральном аффикте парцелл, в Прато — при натуральном аффикте парцелл и парцеллярном денежном аффикте (см. табл. 29).

Об уровне эксплуатации арендаторов церковных земель в конце XV в. мы можем в значительной мере судить по величине «фонда личного потребления арендаторов» (ФЛП) госпиталя Санта Мария Нуова. В каждом договоре исполу нам известна величина ежегодного фактического поступления продуктов, входящих в ренту со сдаваемого в испольщину подере или парцеллы. В ряде договоров нам известна урожайность на арендуемом участке. Там, где прямых сведений об этом нет, мы брали за среднюю урожайность пшеницы сам-6, низших зерновых и бобовых сам-5[41]. При этом мы принимали во внимание различные для разных арендаторов пропорции поставки семенного материала с того или иного участка. Нередко в договоре прямо указывалось, сколько семенного зерна поставлял монастырь. Соответственно, можно вычислить, сколько поставлял семян тех или иных культур арендатор.

В качестве средних цен, фигурирующих в договорах госпиталя в 1485—1487 гг., нами были использованы следующие (сознательно мы взяли наименьшие): 1 стайо пшеницы стоил 20 солидов, 1 стайо низших зерновых — 10 солидов, 1 баррель вина — 20 солидов, 1 баррель оливкового масла — 30 солидов. При пере-

[40] Ibid. C. 83 v. 97 r. 95 rv, 96 rv, 92 v, 93 v. 97 v. 103 r ecc.
[41] Ibid. C. 95 v. 100 r. 105 r. 107 r. 72 r, 88 v. 101 r. 89 r ecc.

ТАБЛИЦА 28

Обязанности испольщиков и их участие в издержках производства на землях госпиталя Санта Мария Нуова в 1485—1486 гг. в % к числу хозяйств испольщиков

Обязанность	Район							Итого
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдельса)	Монтеспертоли, Гамбасси	Черрето Гвиди	Скарперия (Муджелло)	Казентино	
Приобретение волов								
на средства испольщика	—	—	14,29	—	—	—	—	3,57
в кредит от собственника	88,89	66,67	57,14	100	—	—	50	71,43
$1/2$ средств испольщика и $1/2$ собственника	11,11	33,33	28,57	—	—	—	50	25
Покупка семян								
на средства испольщика	5,88	—	—	16,67	—	—	—	3,08
$1/2$ средств испольщика и $1/2$ собственника	41,18	6,3	42,86	50	66,67	66,67	83,33	40
пшеница на средства испольщика; собственник $1/2$ низших зерновых	5,88	75	50	—	33,33	33,33	16,67	35,38
$1/2$ семян собственника для посева на нови	41,18	12,4	—	—	—	—	—	13,65
все семена собственника для посева на нови	5,88	6,3	7,14	33,33	—	—	—	7,69
Дополнительные работы								
посадка олив испольщиком	25	—	—	—	—	—	25	17,65
посадка виноградника испольщиком	50	33,33	100	100	—	—	75	58,82
посадка виноградника — $1/2$ оплачена собственником	12,5	—	—	—	—	—	—	5,88
копка канавок испольщиком	12,5	33,33	—	—	—	—	—	11,77
копка канавок — $1/2$ оплачена собственником	—	33,34	—	—	—	—	—	5,88

ТАБЛИЦА 29

Средняя величина обложения в испольной аренде и аффикте на землях госпиталя Санта Мария Нуова в 1485—1486 гг. во флоринах с 1 стайоро площади

Тип аренды	Район						
	окрестности Флоренции	округа Прато	Барберино (Вальдэльса)	Монтеспертоли, Гамбасси	Черрето Гвиди	Казентино	Скарперия (Муджелло)
Испольщина							
подеральная	0,24	0,24	—	—	0,27	—	—
парцеллярная	0,33	0,23	0,21	—	—	0,09	0,23
Аффикт							
подеральный							
натуральный	0,36	0,18	—	—	—	—	—
денежный	0,41	—	—	0,18	—	—	—
парцеллярный							
натуральный	0,31	0,33	—	0,41	0,3	—	—
денежный	0,38	0,45	—	—	0,09	—	0,2

воде мелкой монеты, в которой взимались платежи, в золотые флорины, мы исходили из соотношения: 1 золотой флорин = 5 лир 11 солидов 4 денария [42].

Произведя соответствующие подсчеты, мы определили, что минимальная величина ФЛП семьи испольщиков на землях госпиталя Санта Мария Нуова в 1485—1487 гг. должна была составлять около 12 флоринов. Тем самым были бы удовлетворены лишь самые необходимые ее потребности в хлебе, вине и масле. С учетом же удовлетворения минимальных потребностей в одежде и обуви эта величина должна была равняться примерно 32 золотым флоринам.

В какой мере арендаторы земель госпиталя располагали подобными средствами? Отметим при этом, что наши подсчеты не учитывают задолженность испольщиков, а она была у многих — до 90% арендаторов. Последние получали долговую ссуду на приобретение волов. Нередки были также кредиты собственника на покупку пшеницы, бобов и других продуктов (см. выше).

Но даже без учета задолженности результаты наших расчетов свидетельствуют о том, что более 60% арендаторов на подере в окрестностях Флоренции, и Муджелло и 100% в районе Эмполи располагали таким невысоким ФЛП (в денежном выражении), который едва покрывал потребности семьи в продовольствии (см. табл. 30). Если же говорить о возможности удовлетворения и других потребностей испольщиков, то следует признать, что

[42] Ibid. N 40. Ricordanze. C. 275 r, 277 r, 238 rv, 244 v, 326 r; N 5797. C. 68 r, 75 v, 91 r, 339 r, 270 r, 246 r, 251 v, 300 r, 301 v.

ТАБЛИЦА 30

Величина фонда личного потребления семей подеральных испольщиков на землях госпиталя Санта Мария Нуова в 1485—1486 гг. в % к общему числу их хозяйств

Фонд личного потребления	Район							Итого
	окрестности Флоренции	окрестности Прато	Казентино	Барберино (Вальдельса)	Черрето Гвиди, Эмполи	Монтеспертоли, Гамбасси	Скарперия (Муджелло)	
Доходность хозяйства, флорины								
до 20	64,29	38,46	60	42,86	100	20	66,67	52
21—30	28,57	15,38	—	28,57	—	40	—	20
31—40	—	23,08	40	28,57	—	20	33,33	18
41—50	7,14	—	—	—	—	—	—	2
более 50	—	23,08	—	—	—	20	—	8
Обеспеченность пшеницей, стайя								
до 30	7,14	38,46	—	—	66,67	20	33,33	20
31—40	14,29	—	20	—	33,33	—	33,33	10
41—60	50	15,38	20	42,86	—	20	—	28
более 60	28,57	46,16	60	57,14	—	60	33,34	42
Обеспеченность низшими зерновыми и бобовыми, стайя								
до 30	61,54	7,7	100	42,86	50	40	66,67	45,83
31—60	30,77	46,15	—	42,86	—	20	—	29,17
более 60	7,69	46,15	—	14,28	50	40	33,33	25
Обеспеченность вином, баррели								
до 10	14,29	—	20	28,57	50	80	66,67	24,49
11—20	50	15,38	40	42,86	50	—	—	30,61
21—30	14,29	30,77	—	28,57	—	20	—	18,37
31—50	—	30,77	20	—	—	—	—	10,21
51—70	7,14	7,7	20	—	—	—	33,33	8,16
более 70	14,28	15,38	—	—	—	—	—	8,16

необходимым минимумом, т. е. суммой 32 золотых флорина *не располагали все* испольщики на подере в Эмполи, более 90% арендаторов в окрестностях Флоренции, более 70% в Барберино (Вальдельса), 60% и более арендаторов в Казентино, Гамбасси, Муджелло. Практически только в Прато этот процент был несколько ниже — немногим более 50. Но и там более 77% испольщиков имели доход, лишь чуть превышавший минимальную величину ФЛП. Если же исходить из наличия в распоряжении испольщиков тех или иных продуктов в их *абсолютных величинах*, то обнаруживается, что около 70% семей испольщиков на подере в Муджелло не могли или едва могли удовлетворить свои потребности в пшенице и других зерновых, которые составляли в среднем 60 стайя. В Эмполи же к этой группе принадлежали все испольщики. Более 70% арендаторов исполу на подере в окрестностях Флоренции не имели в своем распоряжении минимального количества злаковых культур. В то же время, очевидно, более обширные площади, занятые зерновыми на подере в округе Прато, в Казентино, Барберино и Гамбасси обусловили то обстоятельство, что после расчета с госпиталем у испольщиков здесь оставалось количество зерновых, несколько превышавшее указанный выше минимум: примерно у половины испольщиков в округе Прато, у 60% арендаторов в Казентино, Барберино и Гамбасси.

Что же касается удовлетворения потребностей испольщиков на подере в вине (а оно относилось в то время к основным напиткам), то достаточный минимум вина был лишь у 36% арендаторов в окрестностях Флоренции (т. е. чуть больше того количества съемщиков, которые имели минимум зерна, так что о продаже сколько-нибудь значительного количества одних продуктов для покупки других здесь едва ли можно говорить), у 40% арендаторов в Казентино, у 20% в Гамбасси, 30% в Муджелло. Испольщики в Эмполи получали вина меньше необходимого минимума (как и зерна). И в этом случае фактически только арендаторы из округи Прато располагали бóльшим количеством вина, но и здесь почти у половины испольщиков запасы вина едва превышали минимум. Сознавая всю неточность и приблизительность наших подсчетов на основе средних данных об урожайности и ценах, которые могли варьировать на землях госпиталя в разных районах округи Флоренции и соответственно корректировали величину ФЛП испольщиков в денежном выражении, мы тем не менее полагаем (и это доказывают результаты подсчетов абсолютных величин сельскохозяйственных продуктов, остававшихся в распоряжении арендаторов), что существа и основных положений наших выводов эта корректировка не изменила бы.

Обратимся теперь к подсчетам ФЛП испольщиков при парцеллярной аренде. В окрестностях Флоренции *около 90%*, а в других районах *все* арендаторы не располагали минимумом денежных средств, их размер обычно держался на отметке 10—

дами и виноградниками, имела широкое распространение. Вместе с тем необходимо отметить, что и подере очень редко предстают перед нами «в чистом виде», т. е. как отдельные изолированные крупные комплексы. Как правило, их окружают либо к ним примыкают разбросанные по довольно обширной территории на десятки километров мелкие виноградники, сады и пахотные участки.

Таким образом, характерный для пополанских земель процесс образования подере самым непосредственным образом сказался и на землях церкви. Вместе с тем арендным отношениям на церковных землях были присущи и специфические особенности по сравнению с таковыми во владениях пополанов. Они проявлялись в соотношении основных типов срочной аренды — медзадрии и аффикта и в своеобразии условий этих контрактов, реального экономического и социального статуса арендаторов. На землях церковных учреждений главенствующая роль принадлежала чаще всего не медзадрии, а аффикту. В конце XIV — начале XV в. аффикт преобладал над медзадрией (по числу контрактов хозяйств-арендаторов и по доходности сдаваемых в аренду земель). При этом основное место в аффикте занимали денежные платежи и в окрестностях таких крупных городов, как Флоренция или Прато, и в районах, более удаленных от Флоренции — в Эмполи, Кьянти, Барберино (Вальдельса) и др. Впрочем, в XIV в. аффикт имел немалое распространение во владениях крупных фамилий (Строцци, Кавальканти и др.) и на землях, расположенных вблизи Флоренции.

С конца XIV в. и особенно к середине XV в. вновь возрастает доля натуральных платежей в составе ренты, что было связано, несомненно, с возросшей потребностью в продуктах питания и сырьевых материалах для начинавшего постепенно после десятилетий неурожаев, эпидемий и кризисной демографической ситуации возрастать городского населения [43].

Уже к середине XV в. во владениях монастыря Санта Мария дель Кармине денежные платежи играли сколько-нибудь значительную роль лишь на городской окраине и на землях, непосредственно примыкавших к Флоренции. На более отдаленных территориях позиции натуральной ренты были весьма прочны.

На церковных землях Тосканы в XIV—XV вв. натуральная рента выступала не только в обличии испольщины, но и весьма часто в форме аффикта натурой с небольших парцелл. При этом важно подчеркнуть, что эволюция арендных отношений на землях церковных корпораций происходила до конца XV в. не в направлении поглощения (вернее замены) медзадрией всех прежних видов аренды и держаний, при оттеснении на «задний план»

[43] Ср. высказывания Маркса о том, что «рента, а вместе с ней и стоимость земли развиваются вместе с рынком для продукта земли и, следовательно, с ростом неземледельческого населения, с его потребностью и спросом отчасти на продукты питания, отчасти на сырые материалы» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 187).

аффикта, как это было характерно для пополанского землевладения. По числу контрактов аффикт и медзадрия шли почти «на равных» при некотором преобладании медзадрии на более удаленных от города территориях и при возрастании числа контрактов аффикта на парцеллах. Но почему аффикт именно на церковных землях упорно не сдавал своих позиций и даже приходил на смену медзадрии (чаще парцеллярной)? Вероятно, причины этого явления кроются в целой системе факторов:

1. Особенности приобретения земель церковными учреждениями, в результате завещаний и дарений лиц самого различного социального статуса, когда в руки церкви попадали большей частью многочисленные мелкие изолированные участки, а не компактные комплексы-подере, в отличие от пополанов, которые имели бóльшую возможность приобретения компактных комплексов-подере.

2. Традиционность ведения хозяйства многими церковными корпорациями путем сдачи в аренду либелляриям и другим наследственным держателям большей части земель и небольшой или даже незначительной роли собственной доменнальной запашки. Будучи срочной арендой по юридическим условиям контракта, де-факто аффикт на землях церкви нередко становился долгосрочной, а порой и наследственной арендой, хотя и существенно отличной от прежнего либеллярного держания.

3. И, наконец, еще одно, пожалуй, наиболее важное обстоятельство. Для крупных церковных собственников, уделявших немало внимания интенсификации сельскохозяйственного производства и вообще аграрной сфере своей хозяйственной активности (в отличие от многих пополанов), аффикт был более удобной формой аренды, которая, требуя меньших вложений со стороны собственника, позволяла нередко получать больший доход с единицы площади, давала больше возможностей целенаправленно изменять распределение сельскохозяйственных культур. Различен был и социальный состав арендаторов-испольщиков на подере и испольщиков и аффиктариев-парцелляриев. Первые значительно чаще (хотя и не всегда) — крестьяне, жители того же поселения. Арендаторы парцелл — по преимуществу «пришельцы», жители соседнего села или мелкого либо крупного города, собственники или арендаторы других подере либо парцелл, нередко торговцы и ремесленники. Сказанное выше вовсе не исключает справедливости заключения о значительной имущественной и социальной дифференциации арендаторов, особенно среди арендаторов парцелл, существования наряду с представителями богатых пополанских фамилий или церковных учреждений массы бедных людей, едва сводивших (или не сводивших) концы с концами.

Как мы не раз уже отмечали, уровень эксплуатации большинства арендаторов-испольщиков на подере, принадлежавших и пополанам, и церковным учреждениям, был таким, что не обеспечивал их даже необходимым минимумом средств существования. Бедность испольщиков, их неспособность осуществлять

сколько-нибудь значительные хозяйственные улучшения была характерной чертой системы медзадрии, что препятствовало существенному прогрессу в агрикультуре. Наши материалы не подтверждают тезиса о «самообеспечении» семьи испольщика из его дохода с подере в подавляющем большинстве случаев, хотя положение арендаторов не было одинаковым в разных зонах даже одного контадо, а в еще большей степени зависело от размеров и плодородия подере. Что же касается испольщиков на парцеллах, то для всех них (как и для многих арендаторов подере) сторонние заработки, прнарендовывание участков, ремесленные или торговые занятия были и необходимыми, и неизбежными.

Анализируя соотношение сельскохозяйственных продуктов, составлявших «набор» поликультуры на подере, тип хозяйства, доходность участков, величину обложения (средней ренты), мы считаем возможным сделать вывод о том, что и в экономическом и в социальном аспекте крупные подере, сдаваемые в испольщину (отчасти и в аффикт), не смогли обеспечить в значительной мере интенсификацию агрикультуры и прогрессивные сдвиги в отношениях между собственниками и арендаторами, несмотря на наличие полукапиталистических элементов в самой основе договора испольщины.

Испольщина и особенно аффикт на парцеллах на землях церковных учреждений (во владениях пополанов все эти виды аренды, особенно аффикт были распространены слабо) *в большей мере содержали возможность прогрессивного развития аграрных отношений* и самостоятельности крестьянского хозяйства. В то же время *преобладание испольщины на подере на землях пополанов* и, соответственно, на большей части территории Тосканы в изучаемые столетия приводило к тому, что отмеченные прогрессивные потенции, содержавшиеся в аффикте на парцеллах (в меньшей степени в испольщине на парцеллах) реализовывались очень слабо и на небольшой сравнительно площади сданных в аренду земель, а потому и не смогли оказать сколько-нибудь решающего влияния на тенденцию развития аграрных отношений в Тоскане в XIV—XV вв. «Переходный» характер испольщины в конкретных условиях Тосканы XIV—XV вв. не стал ступенькой к развитию предпринимательской аренды.

Глава четвертая

ФЕОДАЛЬНАЯ ЗНАТЬ

Господство пополанского землевладения в сельских округах крупнейших городов Центральной Италии и значительные преобразования в структуре землевладения и землепользования, арендных отношениях, от которых не остались в стороне и хозяйства церковных собственников,— как все эти перемены сказались на

специфике землевладения феодальной знати? Нам уже приходилось не раз отмечать широко распространенное явление сближения и слияния многих пополанских и нобильских фамилий в городах Центральной и в меньшей степени Северной Италии, несмотря на сокрушительные удары, которые нанесла нобилям пополанская коммуна. Означало ли это исчезновение всякой специфики землевладения нобилей и идентичность или сходство его эволюции с пополанским?

Как обстояло дело во многом переломные XIV—XV столетия? Может быть, так называемые «кризисные явления», в той или иной степени способствовавшие замедленности прогрессивных преобразований, в то же время явились одной из причин усиления тенденций к феодальной реакции последующих столетий?

Ответить на эти вопросы не так просто, ввиду еще недостаточной разработанности проблемы нобилитета в итальянской исторической литературе, а также пока еще редкие и во многом случайные публикации отдельных архивных источников, относящихся к XIV—XV вв.

В данном случае мы не имеем в виду семейства тех нобилей, которые уже давно проживали в городе и занимались по преимуществу торгово-промышленной деятельностью. Ведь и предки знаменитых Медичи когда-то были феодальными сеньорами, и не случайно ядром земельных владений клана была область Муджелло, где позже те же Медичи «прикупили» немало владений главных врагов Флорентийской коммуны — нобилей Убальдини. Речь идет, конечно, не о них, а о тех нобилях или магнатах, которые во многом отошли от прежних землевладельческих занятий и нередко постоянно проживали в городе, но по преимуществу все же продолжали оставаться землевладельцами.

В социальной группировке, которую, на наш взгляд, можно было бы (хотя и до некоторой степени условно) назвать феодальной знатью, нам представляется целесообразным выделить две подгруппы.

1. «Старые» нобили — феодальные сеньоры, жители дистретто или исконно проживавшие в городе нобильские фамилии, имевшие рыцарское звание и владевшие замками и крепостями с зависимым населением (либелляриями, колонами и даже сервами), домами-башнями в городе, члены консортерий нобилей. Они ожесточенно боролись с городской коммуной в XII—XIII вв., но так и не были побеждены ею до конца, несмотря на потерю многих (но далеко не всех) прав и привилегий и насильственное переселение их в город.

2. Магнаты — богатые и могущественные семьи, проживавшие постоянно в городе и занимавшиеся преимущественно банковско-торговой и ростовщической деятельностью, владевшие в том же городе, как и «старые» нобили, домами-башнями, являвшиеся членами консортерий башен. Они несли конную военную службу, имели значительную военную свиту и вассалов. У них было и рыцарское звание (в «родственном колене» магната на протя-

жении 20 лет должен был наличествовать хотя бы один рыцарь, что требовалось засвидетельствовать показаниями по крайней мере двух человек), нередко заключали с нобилями браки. Близкими к магнатам (а подчас, может быть, промежуточным типом между «старыми» нобилями и магнатами) были «нобили коммуны» — получившие этот титул от городской коммуны. И хотя процесс взаимопроникновения и сближения магнатов и пополанов в XIV—XV вв. сделал новые шаги, разграничительная линия между ними сохранялась, что и обусловило в эти столетия продолжение издания антимагнатских постановлений в городском законодательстве (частично и в статутах крупных сельских коммун). Подобные постановления предусматривали ограничения участия магнатов в политической жизни города, их приниженный юридический статус по сравнению с пополанами, стремление городской коммуны оградить себя не только от возможных выступлений магнатов, но и от совместных мятежных действий магнатов и пополанов.

Так, флорентийские статуты 1322—1325 гг. под угрозой штрафа в 2000 лир строго воспрещали магнатам, проживавшим в городе или дистретто, во время мятежа или каких-либо иных волнений в городе или его предместьях направляться к дому другого магната. Особо оговариваются случаи, когда пополан — житель города или дистретто — с оружием или без оружия во время каких-либо волнений окажется у дома магната [1]. Не случайно в самом начале восстания чомпи во Флоренции в июне 1378 г. был сожжен дом гранда Лапо да Кастильонко, который был вынужден бежать из Флоренции, а одновременно и дома наиболее ненавистных народу «жирных» пополанов, поддерживавших грандов: Карло Строцци, Буондельмонти и др. 24 июня под давлением собравшегося на площади вооруженного народа было принято постановление, согласно которому тот, кто был объявлен грандом, лишался права занимать какую-либо государственную должность. Объявленный сверхграндом становился как бы чужеземцем и врагом города. Тогда же было решено восстановить и «Установления справедливости», которые не применялись уже почти 35 лет из-за противодействия гвельфской партии. Новый правительственный орган («Восемь святых божьего народа»), образованный в августе 1378 г.— высшая власть в республике, потребовала, «чтобы ни один рыцарь не мог получить какой-либо должности». Было объявлено о продаже земель мятежников. Подобные постановления подтверждались и правительством младших цехов в декабре 1378 г. В частности, были проданы земли уже упоминавшегося выше Лапо да Кастильонко. Распродажа имущества мятежных магнатов продолжалась до 1381 г.[2]

---

[1] Statuti della repubblica Fiorentina/Ed. R. Caggese. Firenze, 1910. Vol. 1. L. V. Cap. 55, 56, 57.

[2] *Рутенбург В. И.* Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959. С. 173—178.

Надо отметить, что подорвать основу могущества магнатов, их права на земли и феодально-зависимых держателей городская коммуна пыталась (но в целом без видимого успеха) и раньше: в статутах 1322—1325 гг. запрещалось кому бы то ни было (очевидно, как магнатам, так и «старым» нобилям, но может быть, и жирным пополанам) осуществлять юрисдикцию и сеньориальные права в каком-либо укрепленном поселении или деревне в дистретто Флоренции на основании привилегии, полученной от императора, короля или герцога либо вообще какого-нибудь сеньора, под угрозой штрафа в 1000 лир [3].

Антимагнатские постановления были включены в статут Флоренции, изданный почти 100 лет спустя — в 1415 г., но в нем магнатам сделан ряд уступок. В статуте перечисляются некоторые должности, которые могут занимать магнаты, хотя номенклатура их и ограничена. Совместные действия с магнатами продолжают считаться тяжкой виной для пополана [4].

Согласно статуту Сиены 1309—1310 гг., никто из грандов не мог быть избран в число девяти главных правителей города, которыми становились лишь представители купечества. Гранды не могли быть ни обвинителями, за исключением процессов, в которых затрагивались их интересы, ни поручителями [5].

Еще более суровыми были антимагнатские законы начала XIV в. в Имоле. Магнат, нанесший обиду пополану, наказывался смертной казнью. Согласно статутам контадо Имолы 1347 г., магнат, как и нобиль (в статуте эти категории не разграничиваются), не допускался на городское собрание коммуны и на все городские должности [6].

От магнатов обратимся к «старым нобилям». Правомерно ли считать, что они сохранили в изучаемый период не только ряд старых прав и привилегий, но и старые методы хозяйствования? К сожалению, в нашем распоряжении не оказалось столь же богатых и содержательных источников, которыми мы располагали, анализируя проблемы хозяйствования пополанов и церкви. Из «фамильных собраний» мы частично используем материалы архивов маркизов Маласпина и фонда графов Герардеска, хранящегося в Государственном архиве Флоренции (подавляющее большинство документов фонда относится к XVI—XVII вв.). Мы привлекли также и вассальные договоры (в том числе нобилей с городской коммуной), статуты отдельных сельских коммун, пожалования отдельных феодов синьорами в XIV—XV вв.

И в XIV в. продолжали заключаться разные сделки и соглашения, «окрашенные» феодально вассальными обязательствами.

---

[3] Statuti della repubblica Fiorentina. Firenze, 1921. Vol. 2. L. IV. Cap. 61.
[4] Statuta populi et communis Florentiae. Freiburg und. Berlin, 1778. Vol. 2. L. V. Rubr. 331; Vol. 1. L. III. Rubr. 46, 67, 94.
[5] Il Costituto del comune di Siena Volgarizzato nel 1309—1310/Ed. A. Lisini. Siena, 1903. L. VI, Rubr. 59, 5, 6; L. V. Rubr. 365, 384 ecc.
[6] *Fasoli G.* Ricerche sulla legislazione antimagnatizia nei comuni dell'alta e media Italia. Bologna, 1939. Ap. P. 104.

В 1380 г. сеньор крепости Силлано сиенский нобиль Ричардо да Андреа ди Гульельмо Петрони продал за 854 золотых флорина $^{1}/_{12}$ крепости суконщику из Сиены — Пьетро ди Лана. Одновременно к последнему перешли и феодальные права «высшей и смешанной юрисдикции» (mero e misto impero). Но уже спустя три года права на крепость Силлано постепенно начали переходить к Флорентийской коммуне. В 1383 г. Генеральный совет Флоренции одобрил покупку городом части крепости Силлано у другого представителя семейства Петрони, тоже горожанина Сиены, Гульельмаччо ди Джованни. Наконец, в 1386 г. Флоренция приобрела у того же Гульельмаччо почти всю крепость — $^{2}/_{3}$ ее, причем в число объектов покупки вошли здания, населявшие крепость жители, считавшиеся вассалами Петрони, медные и серебряные рудники в окрестностях, соляные копи и пастбища. За все это коммуна заплатила внушительную сумму — 36 тыс. золотых флоринов [7].

Мы располагаем и многими другими актами о передаче Флорентийской коммуне феодальных прерогатив над крепостями и зависимым населением дистретто. Так, в 1375 г. Джованни ди Бартоло д'Андреа ди Биндо Барди и другие представители фамилии передали городу часть принадлежавших им земель в Муджелло, частично в диоцезе Флоренции, частично во Фьезоле с находившимися там крепостями, домами, мельницами, равно как и юрисдикционные права [8].

В 1335 г. Маинальдо Новелло Убальдини продал одному из представителей рода Медичи, Манно, владения, в том числе, крепость в Монте Джемоли в Пополо делла Пьеве Рикорнаккьяйя далль'Альпе с принадлежавшими крепости землями, а также право на сбор торговых пошлин в долине (где, очевидно, проходили торговые пути) за большую сумму — 1 тыс. золотых флоринов. Об участии Убальдини в торговых операциях свидетельствует и пергамен от 1323 г., в котором идет речь о заинтересованности упомянутого Маинальдо Новелло в ежегодном приобретении шерсти в мае и сентябре в Гарфаньяне. На протяжении XIV в. Убальдини продали Флоренции (вероятно, вынужденно) — своему «постоянному» могущественному противнику — ряд крепостей в разных концах дистретто: Монтаччьянико, Виджано, Монтеколлоредо и др. [9]

От конца XIV — начала XV в. до нас дошли многочисленные вассальные обязательства (accomandigia) Флорентийской коммуне со стороны нобилей из семейств графов Гвиди из Романьи и Казентино, графов Альберти, Убертини и Тарлати из Ареццо, Толомеи, Малавольти, Салимбени из Сиены и многих других.

---

[7] ASF. Riformaggioni. Atti pubblici. 15 sett. 1380, 7 febbr. 1383. 20 magg. 1386. 19 giugno 1398.

[8] Ibid. Acquisti Firenze. 31 dic. 1375, 30 mar 1375. Ср. 17 dic. 1406; 23 ag. 1424 ecc.

[9] Ibid. Riformaggioni. Atti pubblici. 5 sett. 1335. 3 febbr. 1323. 10 giugno 1336, 23. 30 dic. 1360. 6 ag. 1362. 12 dic. 1371 ecc.

Флоренция стремилась распространить на своих вассалов-нобилей всю полноту сеньориальной власти, которая прежде принадлежала императору Священной Римской Империи или папе. Ее подданные, которые объявлялись горожанами Флоренции и гвельфами, брали на себя обязательства вести войну и заключать мир в соответствии с волей Флорентийской республики; снабжать провиантом флорентийское войско по установленным коммуной ценам; выставлять на службу коммуне конное войско, не предоставлять убежище врагам города. Коммуна со своей стороны гарантировала сохранение судебных и иных сеньориальных прав этих вассалов в принадлежавших им крепостях, разрешала им носить оружие «для обороны» в городе и дистретто [10].

Отдельные опубликованные документы содержат немаловажные свидетельства о взаимоотношениях феодальных сеньоров и сельских коммун, борьбе между феодалами и городской коммуной за власть и влияние в сельских коммунах их дистретто.

Примечательна история взаимоотношений сельской коммуны Сарцано (расположенной как бы на полпути между Сиеной и Перуджей), с ее могущественными соседями — нобилями графами Кьянчано, издавна владевшими землями и судебно-политическими правами на территории Сарцано. В начале XIV в. (1302 г.) в генеральном и специальном совете коммуны крепости Сарцано синдик Галичо ди Бартоломео Цаппафонди принял от нобиля Уголино дель Буонконте де Мональдески, жителя Орвието, наследника Боргаруччо дель Римботто, графа Кьянчано, отказ «на вечные времена» от всех прав собственности, владения и юрисдикции, которые тот имел над коммуной как наследник Боргаруччо [11].

Тем не менее, очевидно, этот отказ остался на бумаге, так как не «спустя вечность», а всего через 23 года (более ранних источников среди опубликованных нет) один из графов Кьянчано, Ричардо дель Пуччо, снова именует себя «графом Сарцано» [12].

А еще спустя 24 года как ни в чем не бывало, не вспоминая даже о былом отказе от прав над коммуной, представители одной из ветвей графов — сеньоров коммуны продают права на нее своим родственникам: донна Андреа (Андреина?), дочь графа Маненте, продает графу Раньери, сыну тоже графа Раньери из Сарцано (очевидно, крепость была поделена на доли среди отдельных представителей того же клана), который именуется «естественным сеньором крепости», все права и судебные прерогативы, которыми она располагала по наследству от отца и своей матери донны Жанны, за 400 золотых флоринов [13].

---

[10] *Barbolani di Montauto F.* Sopravvivenza di signorie feudali: Le accomandigie al comune di Firenze // I ceti dirigenti nella Toscana tardocomunale. Atti del convegno: Firenze 5—7 dic. 1980. Firenze, 1983. P. 47—57.
[11] Regesto feudale di Sartiano/A cura di D. Bandini // Bulletino senese di storia patria. A. 72. N 60 (27 sett. 1302), 61 (17 dic. 1302).
[12] Ibid. N 62 (1 febbr. 1325), 63 (12 apr. 1325).
[13] Ibid. N 64 (22 ott. 1349), 65 (27 ag. 1350).

Коммуна Сарцано, однако, не смирилась со своим подчиненным положением и, продолжая упорную борьбу против графов, добилась определенного успеха. В 1355 г. в результате соглашения, подписанного при посредничестве приоров коммуны Перуджи, уже известный нам граф Раньери, сын того же Раньери, от своего собственного имени, от имени своего сына Анджело и других родственников клана обещал коммунам Сарцано, Мойано и жителям аббатства Спинета прекратить все действия, направленные против коммуны, и отказывался от всех прав на движимое и недвижимое имущество в крепости Сарцано. В ответ коммуна обещала заплатить графу и его родственникам 5 тыс. золотых флоринов в качестве выкупа за свободу. Граф и его наследники обязывались «не ступать ногой» в упомянутые земли и — что весьма любопытно — 3 тыс. из 5 тыс. золотых флоринов вложить в недвижимость в г. Перудже. И тем не менее в завещании, составленном тем же графом Раньери в пользу своего сына графа Анджело, спустя год он упорно продолжает именовать себя «графом Сарцано», хотя проживает в Перудже, в «собственном доме» [14].

Посредничество Перуджинской коммуны в этой акции объяснялось тем, что она была заинтересована в подчинении себе Сарцано. Поэтому Перуджа активно выступила против вооруженной попытки нобилей вернуть себе господство над крепостью, которая имела место уже в августе 1358 г.[15]

Однако коммуна Сарцано не смогла просуществовать долго в качестве полностью независимой от феодальных властителей ассоциации даже под покровительством такого влиятельного города, как Перуджа. В 1373 г. германский император Карл IV передал ее в феод нобилю Гульельмо да Бьянфорте, племяннику папы Климента VI, вместе с другими поселениями в контадо г. Кьюзи и крепостью Кьянчано [16]. В 1379 г. Сарцано подписала вассальный договор с республикой Сиена, возобновленный в 1467 г. «на вечные времена» [17].

Сеньоры из старинного знатного рода Убертини сохраняли свои феодальные права и привилегии в течение всего средневековья и до конца XVIII в. над коммуной Китиньяно (округ Ареццо), включавшей в себя крепость того же названия, где проживали и сами сеньоры Убертини, и деревни Розина и Таэна, а также ряд мелких селений, состоявших всего из нескольких домов. С подчинением Ареццо в 1384 г. Флорентийская коммуна стремилась распространить свой суверенитет и на контадо Ареццо. Все феодальные сеньоры этой области во главе с Тарлати и Убертини вместе с подчиненными им жителями укрепленных поселений должны были признать доминиум Флоренции и привести

[14] Ibid. N 66 (23 ag. 1355), 67 (4 ott. 1356), 68 (29 ott. 1356), 75 (31 ott. 1358).
[15] Ibid. N 76.
[16] Ibid. N 77.
[17] Ibid. P. 172.

клятву верности городу. Горожанам и жителям контадо и дистретто Флоренции разрешался транзит по территории сеньории (без уплаты габелл или иных пошлин) пшеницы, иного зерна и др. товаров, за исключением тех, на которые наложен запрет городской коммуной. В знак признательности и подчинения Убертини должны были ежегодно в июне в праздник патрона города Сан Джованни Баттисты, доставлять во Флоренцию к баптистерию кусок шелкового полотна стоимостью не менее 5 золотых флоринов. В случае смерти последних представителей ветви Убертини и отсутствия наследников все их состояние переходило к Флоренции. В ответ на признание ее политического и военного верховенства, а также уступку ей торговых льгот Флорентийская коммуна обещала покровительство и защиту Убертини, а также подчиненным им людям [18]. Но этим и ограничивались «стеснения» (как видим, не такие уж и большие) собственно сеньориальных прав Убертини. Что же они сохранили? На этот вопрос помогает ответить жалованная грамота, которую коммуна Китиньяно получила 16 августа 1413 г. от Никколо Убертини. В грамоте говорится, что на собрании нескольких десятков жителей крепости и вассалов было признано, что все их имущество, движимое и недвижимое, является феодом Никколо и его потомков и что, если кто-либо из жителей коммуны умрет, не оставив наследников, его имущество наследует сеньор. Жители коммуны имели право распоряжаться своей движимостью. Показательно, что они именуются «людьми и верными вассалами» и обещают жить в мире со своим сеньором, оказывать ему помощь и подчиняться его распоряжениям. Статут 1419 г. как бы «ставит на одну доску» двух верховных сеньоров коммуны Китиньяно — Флоренцию и Убертини [19].

Но содержание статута свидетельствует о том, что на практике вся внутренняя политическая, административная и судебная организация коммуны регулировалась теми взаимоотношениями, которые установились между сеньором и его подданными в соответствии с вассальным договором. Статут уточнял и конкретизировал способы осуществления и формы сеньориального господства. Сеньор сохранил право на мельничный бан на территории коммуны [20]; ему следовала половина суммы всех штрафов, которые поступали должностным лицам коммуны за различные правонарушения (если они превышали 10 солидов). Статут составлялся восемью лицами, избранными жителями коммуны, но обязательно в соответствии с «желанием, разрешением и согласием сеньора». Жители коммуны под верховенством, в частности,

---

[18] I Capitoli del comune di Firenze. Inventario e regesto. Firenze, 1866. Vol. 1. N 17—21 (ASF. Riformaggioni. Atti pubblici. 4 ott. 1385).

[19] Archivio di Stato di Arezzo. Diplomatico. Pergamene e carte varie N 91. См.: *Cherubini G.* La Signoria degli Ubertini sui comuni rurali casentini di Chitignano, Rosina e Taena all'inizio del Quattrocento (Note) // ASI. 1968. D. 2. P. 151—169.

[20] ASF. Statuti dei comuni soggetti. N 233, 234. L. III. Rubr. 40.

сеньора сохраняли некоторую автономию: они имели право избирать ежегодно синдиков, собирали поочаговые и поимущественные налоги с разрешения сеньора [21].

Статут XIV в. одной из общин Римской области дает нам возможность довольно детально проследить характер зависимости населения от «настоящего» феодального сеньора.

Статут Дженаццано был составлен в 1379 г. в результате соглашения сыновей Петра Иордана Колонна (из старинного римского рода), Фрабито и Стефано («господ крепости»), с синдиком Грегорио Фраскателло, выступавшим от имени жителей крепости. Статут закреплял за сеньором взимание шедших ему и раньше повинностей [22], которые далеко не сводились лишь к судебно-политическому подчинению. Провозглашалась верховная собственность сеньора на все земли, в том числе и находившиеся в держании общинников от других лиц [23]. Каждый житель крепости был обязан ежегодно доставлять «господам» 1/4 часть урожая всех плодов: с пашни, виноградников, фруктовых деревьев и «всего того, что порождает земля в натуре или в результате переработки», за исключением урожая с собственных или держательских участков, расположенных вне территории Дженаццано [24].

Общинники, помимо натуральных взносов из доли урожая, должны были выполнять в пользу сеньора и настоящую барщину, правда, получая за нее определенное денежное вознаграждение, «как и у других вечером того же дня, после выполнения работы, что должны засвидетельствовать два специально выделенных лица». Любопытно, что в случае отказа явиться на барщину виновный подвергался штрафу в том размере, какова оплата пропущенного им дня работы на барщине [25]. Таким образом, барщина, хотя и оставалась феодальной повинностью, выполнившейся в принудительном порядке, но содержала в себе явные признаки феодального найма. Раз в год жители Дженаццано обязывались также предоставлять постой сеньору или его посланцу, а за невыполнение этого обязательства подвергались денежному штрафу [26].

Статут, наряду с указанием на необходимость участия общинников в военных походах, общих собраниях общины, ремонте дорог, мостов и источников водоснабжения, обязывал их соблюдать и мельничный бан, принадлежащий сеньору: молоть зерно только на его мельницах с уплатой 1/16 зерна, привезенного для помола [27].

Итак, очевидно, что сеньоры Колонна продолжали сохранять права типично феодальных господ на территории подчиненного

---

[21] Ibid. Rubr. 9, 29, 41; L. I. Rubr. 2.
[22] FSI. Roma, 1910. Vol. 48. Statuto di Genazzano. P. 127.
[23] Ibid. Rubr. 1.
[24] Ibid. Rubr. 8.
[25] Ibid. Rubr. 20.
[26] Ibid. Rubr. 24.
[27] Ibid. Rubr. 12.

им укрепленного поселения. Но сквозь эту, несомненно, феодальную оболочку начинают пробиваться и ростки того влияния товарно-денежных отношений, которое в XIV в. не могло оставить полностью в изоляции и Римскую область. Присмотримся к общинникам Дженаццано. Они могут иметь собственные земли, помимо держаний, активно участвуют в общем собрании общины, в решении ряда общинных дел и выборе некоторых должностных лиц (разумеется, с согласия сеньора), призываются для участия в ополчении в случае войны. Конечно, их барщинные обязанности свидетельствуют об их личной несвободе. Но эта барщина — в конце XIV в.— уже оплачивается деньгами, за неявку на нее также можно «откупиться». Плата же за пользование пастбищем, предоставление сеньору постоя все в большей степени носят фискальный характер. Любопытно и еще одно обстоятельство: община выступает как коллектив, ответственный за уплату разного рода повинностей, основные натуральные платежи для всех членов общины устанавливаются в одинаковой пропорции (в зависимости от размеров урожая с участков).

Можно ли утверждать, что сервы и колоны, которых мы встречаем не только на землях знати, но и во владениях пополанов вплоть до конца XIII в., полностью и повсюду исчезли в XIV—XV вв.? Источники свидетельствуют о том, что такой вывод был бы преждевременным.

Приведем несколько примеров. В статуте Сиены начала XIV в. речь идет о запрете серву вступать в какие-либо сделки, особенно касавшиеся поземельных или иных контрактов с лицами, проживавшими вне данной сеньории или без разрешения «своего сеньора». Ребенок, родившийся от серва и свободной женщины, считался несвободным [28].

В статуте Флоренции начала XV в. содержатся специальные предписания, в которых речь идет о сервах, рожденных от родителей сервов и от нехристиан. Горожанам Флоренции и дистретто разрешалось свободно привозить их в город и совершать любые сделки, объектом которых были сервы. Беглый серв должен быть пойман городскими властями и возвращен своему владельцу. Лицо же, «подбившее» серва на побег, наказывалось высоким штрафом — в 200 лир [29]. Казалось бы, ясно: во Флоренции, как и в Сиене (но здесь на 100 лет позже) сохранялось отношение к серву как приниженной социальной категории, прикрепленной к личности своего господина. Но «те ли самые сервы», которых освобождали в XIII в. и которых запрещали продавать вместе с колонами в начале XIV в.[30], здесь имеются в виду? На этот счет возникают немалые сомнения. Дело в том, что в статуте 1415 г. сервы перечислялись наряду с домашними раба-

---

[28] Il Costituto del comune di Siena, volgarizzato nel 1309—1310. Vol. 1. D. 2. Rubr. 332, 301.
[29] Statuta populi et communis Florentiae. Vol. 1. L. 3. Rubr. 186.
[30] Ср.: Statuti della repubblica Fiorentina. Vol. 1. L. I. Cap. 56.

ми, которых в XIV и особенно в XV в. держали во многих пополанских семьях (вспомним, что они перечислены и при описании имущества Медичи и Строцци в кадастре). В том же статуте говорится о сервах, которые были «неверными от рождения», и не имеет значения то обстоятельство, что они стали католиками ко времени их привоза во Флоренцию. Следовательно, в данном случае наличие бесправной социальной прослойки во Флоренции XV в. налицо, но эти сервы — домашние рабы, которых покупали или захватывали на Ближнем Востоке и в славянских областях [31].

Что же касается статуса колонов в XIV—XV вв., то здесь надо отметить следующее: как особая социально-приниженная категория полусвободных людей колоны продолжали сохраняться и в XIV, и даже в XV в., несмотря на их освобождение во многих округах и в довольно широком масштабе в XIII в. Каким же был теперь их статус, претерпел ли он какие-либо изменения? В одном из постановлений флорентийского статута 1325 г., после торжественной декларации о том, что постановления коммуны и принадлежавшие ей прерогативы должны неуклонно соблюдаться и что их не могут нарушать ни магнаты, ни другие богатые люди, следует уточнение, что в данном случае имеется в виду конкретное постановление 1289 г., которое далее и цитируется с некоторыми изменениями. В графстве и дистретто Флоренции запрещается кому бы то ни было, будь то частное лицо или коллектив жителей какого-либо поселения, продавать, дарить, отчуждать любым способом колонов, чиншевиков, аскриптициев, сервов... а также права на их барщины, чинши и либеллярные оброки, равно как и другие права на их личность, прерогативы судебного характера и т. п. [32]. В упомянутом постановлении статута наличествует и добавление, которого не было в постановлении 1289 г., а именно: строго воспрещается обращать в колона свободного человека, причем отмечается, что это запрещение действует (что, очевидно, не всегда, соблюдалось на практике) с 1288 г. Нарушители подвергались огромному штрафу — в 1000 лир, а колоны немедленно объявлялись свободными. Покупать колонов разрешалось светским феодалам, жителям флорентийского дистретто, у церковных лиц лишь с единственной целью — их освобождения. Однако в конце этого постановления содержится разъяснение, которое весьма ограничивает рамки его действия: как и акты 1289—1290 гг., оно касается лиц, не подчиняющихся Флорентийской коммуне и не уплачивающих ей налогов, а также не имеет в виду саму городскую коммуну. О том, что в реальной действительности и после названных знаменитых акций 1289—1290 гг. продолжались продажа и передача в качестве феодального лена колонов, наряду с другими феодальными

[31] Подробнее о домашних рабах во Флоренции XIV—XV вв. см.: *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967. С. 132—133. В этой работе приводится и литература, посвященная данной проблеме.

[32] Statuti della repubblica Fiorentina. Vol. 1. L. I. Cap. 56.

правами (в том числе тем же нобилям из рода Убальдини, Пьетрамала и др.), свидетельствует ряд постановлений Флорентийской коммуны XIV в., хранящихся в дипломатическом фонде Государственного архива Флоренции [33].

И все же в реальном статусе колонов наступили несомненные изменения. В том же статуте Флоренции 1325 г. в другом его разделе рассматривается возможность продажи колоном прав на его держание без разрешения господина — казус, о котором и речи не было в отношении колонатного держания XI—XIII вв. И хотя такая продажа строго воспрещалась, а сделка признавалась незаконной, да к тому же колон обязан был заплатить 50 лир штрафа, но ... подобное предписание касалось не только колона, но и арендатора-аффиктария. Следовательно, главный смысл этого постановления не в сохранении несвободного статуса личности колона (хотя и это было: колона продолжали продавать без земли), но в лишении колона прав распоряжения наделом, впрочем, как и других срочных арендаторов [34].

Явственные перемены в личном статусе колона наступили и в дистретто Сиены. Во второй половине XIII в. колон мог стать городским жителем без согласия своего сеньора — горожанина Сиены, лишь прожив в Сиене 10 лет. Но в течение этого срока он мог быть востребован господином и тогда должен был возвратиться на свой надел. И одна из рубрик статута Сиены начала XIV в. рассматривает ситуацию, когда постоянный житель Сиены обнаружит в городе своего виллана. Теперь виллан не возвращается принудительно на свое держание, а подеста обязывает его уплатить сеньору такой величины оброк, какой следовал с его держания раньше (а уж где виллан «возьмет» соответствующие продукты, это, очевидно, «его дело»). Если же сеньор виллана — не из постоянных жителей Сиены, доказательства принадлежности ему виллана усложняются: требуется представить 10 свидетелей из пополанов, которые подтвердили бы принадлежность ему виллана [35].

Таким образом, мы видим, что и в положении традиционно приниженных группировок сельского населения наступили изменения, хотя присущие им черты несвободного статуса сохранились и в XIV в.

Некоторые сведения о специфике крестьянско-сеньориальных отношений во владениях «традиционно» феодального знатного рода маркизов Маласпина содержатся в архивных документах из Массы Каррары (диоцез Лукки), регесты которых опубликованы. В структуре землевладения и этой области, сравнительно удаленной от наиболее крупных торгово-промышленных центров Тосканы произошли значительные перемены. Здесь в первой

---

[33] ASF. Riformaggioni. Atti pubblici. 14 mar. 1308, 14 febbr. 1321, 21 lugl. 1385.
[34] Statuti della repubblica Fiorentina. Vol. 2. L. II. Cap. 60.
[35] Il Costituto del comune di Siena, volgarizzato nell 1309—1310. Vol. 2. D. 4. Rubr. 66. 50.

половине XIV в. имела место значительная мобилизация земельной собственности. Маркизы Маласпина скупали сотни земельных участков как мелких, так и более крупных — пашни, виноградники, оливковые и фруктовые сады с апельсиновыми и грушевыми деревьями, принадлежавшие мелким, средним, а порой и крупным собственникам. В собственность маркизов перешли также десятки сельских коммун в укрепленных поселениях и деревнях, правами юрисдикции над этими коммунами и «все, что принадлежит благородному феоду»[36]. Затем эти приобретения подтверждались и как бы освящались пожалованием инвеституры со стороны германских императоров.

Это огромное земельное богатство (приобретения были сделаны на сотни тысяч золотых флоринов) не стало доменом Маласпины. Те же грамоты, которые регистрируют акты продажи земель мелкими и средними собственниками (от их имени обычно выступают должностные лица сельских ассоциаций — синдики, прокураторы и др.), одновременно фиксируют и другие сделки: сдачу этих же участков маркизу в аренду-аффикт, но не в срочную, которая получила немалое распространение в передовых областях Тосканы, именно в XIV—XV вв., а в наследственный аффикт на условиях уплаты фиксированного натурального чинша, главным образом пшеницей и ячменем, даже с виноградников и оливковых садов. Размер чинша сильно варьировал в зависимости от стоимости урожая, составляя обычно 16,66% стоимости урожая с участка (мы исходили из известных нам в те десятилетия в Луккской округе средних цен на зерновые). Таким образом уже в начале XIV в. и в наследственном договоре ежегодный чинш находился в определенном соответствии с рыночной конъюнктурой основного его компонента. Любопытно постоянство процентного соотношения, хотя нам неизвестны точные размеры цен на зерновые по годам. Некоторые договоры содержали «дополнительные приношения», которые мы привыкли встречать в аренде исполу, реже в аффикте. Это — доставка двух пшеничных лепешек, свиного окорока, половины барреля вина[37].

О деятельности одного из представителей пизанской семьи Казальберти свидетельствуют составленные в XIV в. «Памятные записи» Мильядуссо Бальдиччоне де Казальберти[38]. Его предки — из знатного рода Кортевеккья (воевавшего на стороне Фридриха Барбароссы во время осады Милана). Мильядуссо занимал должности капитана и подесты в ряде коммун контадо, сборщика налогов (габелотто) в Фивиццано, у епископа Люни и

---

[36] *Lasinio E.* Regesto delle pergamene del R. Archivio di Stato in Massa. Pistoia, 1916. № 23 (a. 1329), 24 (a. 1331), 26 (a. 1339).

[37] Ibid. № 21 (a. 1316).

[38] Ricordi di cose familiari di Meliadus Baldiccione de' Casalberti Pisano dal 1339 al 1382/Per cura di F. Bonaini e annotati dal medesimo e da F. L. Polidori // ASI. Ap. Firenze, 1850. Vol. 8. P. 9—63.

маркиза Маласпины. Он проживал в Пизе в собственном домебашне, около Старого моста, в квартале «Фуори ди Порта», т. е. непосредственно за городскими воротами. Его первой женой была Барромеа деи Сисмонди, из гибеллинской фамилии, второй — Ньера, дочь пополана Коло Гатто. Мильядуссо владел рядом земельных участков в городе и пригороде, которые сдавал в аренду. Так, в 1339 г. он пишет о сдаче в аренду за ежегодный чинш в 23 лиры (при условии уплаты их каждые 3 месяца) солдату коммуны Мартино ди Романо участка земли с домом в одно окно, двориком и фруктовым садом в городе, в приходе св. Георгия по соседству с собственным домом Мильядуссо. В 1345 г. Мильядуссо продал дом за 350 лир коммуне, которая намеревалась его снести, чтобы проложить улицу к рыночной площади, где велась зерновая торговля. Часть полученной суммы за проданный дом и земельные участки Мильядуссо после развода возвратил родственникам жены. «Записи» 50-х годов свидетельствуют о том, что Мильядуссо сдавал в аренду Вануччо ди Гаддо 5 стайора земли с домом за ежегодный чинш 9 лир 5 солидов. В 1368 г. Мильядуссо выдал замуж свою дочь Джованну за Томазо ди Лапо. Приданое оценивалось в 200 золотых флоринов. В состав приданого входили земельный участок с домом в Пизе, на набережной Арно (Лунгарно), парцелла пашни в коммуне Санто Систо аль Пино размером 4 стайора, стоимостью 150 золотых флоринов.

В 1371 г. у своего зятя он купил рабыню-татарку Верднну, 18 лет, за 20 золотых флоринов с обязательством не продавать ее, но тем не менее он все же ее продал в 1378 г. за 38 золотых флоринов, а в 1379 г. купил другую рабыню, тоже татарку, Лючию, 18 лет, за 42 флорина. В качестве слуги у Мильядуссо был также сард Люнардо ди Бартоломео, который получал 2 лиры 15 солидов в месяц. Мильядуссо сдавал в аренду скот. Так, в 1356 г. он сдал в сочиду на три года Джованни Равальяно Бернардини да Бьяша из генуэзской Ривьеры, проживавшего в Масса ди Люни, поросенка, купленного им самим, на условии «дележа пополам» приплода и потерь. Вануччо ди сер Айюто ди Масса, житель предместья, получил от Мильядуссо в сочиду двух поросят.

Мильядуссо активно занимался ростовщичеством. В 1342 г. он одолжил шелковщику Джованни из Фучеккьо (приход Санто Фридиано, предместье Пизы) 7 лир 11 солидов. В 1374 г. он записал долг со стороны пизанской коммуны ему и мужу его дочери Коло Гатто. Долг составил значительную сумму — 100 золотых флоринов. В счет долга коммуна обязалась уплачивать по 5 флоринов в неделю, а в качестве процентов — 1,5 флорина в месяц. В 1342 г. Мильядуссо внес 6 золотых флоринов в капитал рыболовецкой компании. Члены компании намеревались отправиться в Корсику, затем в Рим, а через два месяца вернуться в Пизу. В 1344 г. Мильядуссо внес еще 12 золотых флоринов в это предприятие.

Так что же Герардеска — представители «нового дворянства?» Полагаем, что применительно к изучаемому периоду для такого вывода еще нет оснований. Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что пример этой нобильской семьи показывает, что и владения «чисто феодальных» сеньоров, расположенные сравнительно далеко от крупных городов, не остались полностью в стороне от тех перемен, которые происходили на «магистральном», пополанском направлении. Немалая доля их родовых владений стала объектом срочной аренды — аффикта или полукапиталистической испольщины [43].

В Северной Италии с конца XIV—XV вв., а в Центральных областях с 30-х годов XVI в. и особенно в конце этого и в следующем, XVII в. имел место новый «всплеск» инвеституры феодов. Теперь чаще всего мы встречаемся с пожалованиями феодов со стороны синьоров или принципов — суверенов территориальных княжеств, адресатами же при этом могли быть не только нобильские, но и патрицианские фамилии.

Соответствующие инвеституры, исходившие от тосканских герцогов, получили широкое распространение в конце XVI—XVII вв., т. е. в период, который выходит за хронологические рамки настоящего исследования.

Некоторое представление об особенностях этого нового типа феодально-вассальных отношений в конце XIV—XV вв. мы можем получить, остановившись кратко на инвеститурах феодов в Миланском герцогстве, совершавшихся его правителями Висконти — Сфорца [44].

В XIV в. в Ломбардии (как, впрочем, и в ряде других итальянских областей) обширными судебными правами над населением подчиненных им крепостей и их округ, в том числе и прерогативами высшей и смешанной (т. е. уголовной и гражданской) юрисдикции, обладали многие крупные светские и духовные феодалы: в области, простиравшейся от берегов По до Апеннин, включая части епископатов Пармы, Пьяченцы и Кремоны,— Паллавичини; в округе Пармы — семейства Люпи, Росси, Корреджо, Санвитале, Фьески, Терци; в Пьяченцской округе — Ланди, Ангвиссола, Скотти, Фонтанези и многие другие. От них «не отставали» епископы Пармы, Пьяченцы, Боббио, Павии, Асти, Новары, Милана, наиболее крупные монастыри, такие, как Сант-Амброджо в Миланском диоцезе, Сан Сальваторе и Сан Пьетро — в Павии, Сан Савино в Пьяченце и др. Несмотря на подчинение городу большинства сельских коммун, немало их прежних сеньоров продолжали сохранять над ними часть тех или иных прав (на общинные угодья, баналитеты, судебные привилегии). В пер-

[43] О специфике хозяйственной деятельности фамилии Герардеска в более поздний период (XVI в.) см.: *Котельникова Л. А.* Из истории дворянского землевладения в Центральной Италии XVI в.: (По материалам архива Герардеска) // СВ. 1985. Вып. 48.

[44] *Chittolini G.* Infeudazioni e politica feudale del ducato visconteo — sforzesco // Quaderni storici. 1972. N 19. P. 56—130.

вую очередь это относится к областям с более слабым городским влиянием. Инвеституры феодов конца XIV—XVI в. в немалой степени были «подготовлены» в XIII — начале XIV в. и пожалованиями феодов светским феодалам на условии вассальных обязательств городскими коммунами (ряд подобных пожалований был рассмотрен выше), а также прямыми продажами судебных и фискальных прав тем же нобилям. Инвеституры феодов со стороны миланских герцогов имели своей целью преодоление сепаратизма местных сеньоров и более тесное «привязывание» их к территориальным властителям, которым получатели феодов были обязаны присягать на верность с обещанием военной помощи, как представителям власти императора.

Помимо судебных прав, новые вассалы приобретали (или получали на них подтверждение) обширные фискальные привилегии в подчиненных им местностях — иммунитеты. Порой за территориальными государями сохранялись права на некоторые налоги: поочаговый, налог с коней, на соль и т. п. Обычно горожане сохраняли право апелляции к герцогскому суду на решение суда властителя феода.

В зарубежной немарксистской историографии инвеституры феодов, которым посвящаются многие локальные исследования, отождествляются с так называемой рефеодализацией[45], что нам представляется глубоко ошибочным. Феодальное по своей природе общество продолжало существовать при всех его структурных трансформациях и в передовых областях, а не только в областях, затронутых инвеститурой феодов и до, и в период этих, как и предшествующих им пожалований феодов. Судебно-политические права над зависимым населением продолжали осуществлять и пополаны, и городская коммуна, и те же феодалы (наряду с правами, вытекающими из поземельного господства); изменение в соотношении тех и других мало меняло существо дела.

Подводя итоги, можно констатировать, что феодальная знать в XIV—XV вв. сблизилась с верхушкой пополанства, принимая активное участие и в городских занятиях — торговле и ростовщических операциях. Можно отметить и довольно активное участие некоторых представителей знати в качестве сельских хозяев в издержках производства на сданных в аренду землях (оно порой даже большее, чем у известных пополанских фамилий, например, у Медичи).

Вместе с тем, именно на землях феодальной знати еще и в XIV в. в гораздо большей мере, чем на пополанских или церковных землях, были распространены наследственные феодальные держания (либеллярные, эмфитевтические и пр.), а среди повинностей феодально-зависимых держателей продолжала су-

[45] Подробнее об этом см. в нашей статье: Деревня в Центральной и Северной Италии в канун позднего средневековья (XIV—XVI вв.): Новые работы итальянских историков и проблемы исследования // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984. С. 134—142.

ществовать барщина (правда, в наиболее «феодальной» Римской области и в трансформированном виде); феодальные сеньоры сохранили и лично-наследственные права над сервами и даже колонами.

Представителям феодальной знати были присущи и некоторые другие черты, отличавшие их социальный статус от статуса основной массы пополанства. Это — вассальные обязательства перед сувереном — королем или императором, более крупным феодалом или городской коммуной, обладание высшей уголовной или смешанной юрисдикцией над зависимым населением, правами мельничного и других банов, фискальными привилегиями. Показательно, что наибольшие по своей протяженности массивы владений феодальной знати, включавшие и подчиненные им сельские общины, в том числе и крупные, расположенные в укрепленных поселениях, как правило, находились на периферии передовых областей, отстояли более или менее далеко от крупных городских центров; область к югу от р. По в Ломбардии, Пизанская и Сиенская Маремма, Римская область и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной задачей нашего исследования было изучение процессов взаимодействия и взаимовлияния города и деревни в центральных и северных областях Италии на протяжении широкого хронологического среза — от генезиса до позднего феодализма. Нас интересовала прежде всего проблема, каким образом *специфика феодального развития страны* — структура землевладения и формы собственности, хозяйственная деятельность в городе и деревне, особенности крестьянско-сеньориальных и ленно-вассальных отношений, политическая организация общества — определялись воздействием города либо находились в той или иной связи с ним.

Естественно, что это воздействие города на аграрную периферию не было односторонним. Натуральный характер феодальной экономики в целом предопределил немалое «ответное влияние» деревни на городское развитие, которое было бы упрощением представлять как противодействие прогрессивным устремлениям и методам ведения хозяйства горожанами и городской коммуной в целом.

Взаимодействие и взаимовлияние города и деревни в Италии происходило особенно интенсивно еще и потому, что уже с раннего средневековья там получило широкое распространение землевладение горожан и городской общины в пределах самого города, его предместьях, в округе. Преобладание пополанского землевладения в дистретто крупнейших городов Тосканы в XV в., его значительное место в других областях страны обусловили особенно большие возможности реализации методов хозяйствования, применявшихся на землях пополанов, на новых территориях, перешедших к ним от мелких свободных собственников, сельских коммун, церковных учреждений и клириков, знати.

Направленность феодальной эволюции в центральных и северных областях страны во многом зависела от того, какого рода преобразования произойдут (или не произойдут) на землях, принадлежавших пополанам, привнесут ли пополаны в свои хозяйства тот дух раннекапиталистической предприимчивости и инициативы, которым была проникнута промышленная, торговая и банковская деятельность многих крупных, а частично и средних компаний. К тому же в реальной действительности итальянского города существовали постоянные и тесные связи между хозяйствами пополанов, их кредитно-ростовщической и банковской деятельностью и нобилями, церковными учреждениями и клириками. И дело не только в том, что в любом городе и его контадо земли и виллы пополанов соседствовали с участками и домами

знатных феодальных фамилий, клириков и церковных учреждений. Происходило непрерывное движение и перераспределение земельной собственности среди различных социальных слоев, земли тех же пополанов в результате дарений и завещаний нередко переходили в собственность церкви, а многочисленные брачные узы пополанов и семейств феодальной знати обусловливали постоянное перемещение земельных комплексов, принадлежавших пополанам, в руки нобилей, их перераспределение среди членов тех или иных торгово-банковских домов и нобильских фамилий. Естественно, что при этом новые формы арендных отношений, утвердившиеся во владениях пополанов, не могли не сохраняться при смене собственников земель, хотя бы этими собственниками и становились церковные корпорации или нобили. В то же время и пополаны, приобретая земли у нобилей и церкви, далеко не всегда и не сразу меняли формы хозяйственной организации.

Тем не менее весь ход экономического и социального развития, прежде всего в городской промышленности, торговле, финансовых операциях, в которых не последнюю роль играли и непополанские слои в узком смысле этого слова, должен был служить основой и причинами преобразований и во владениях нобилей и церкви. Но в какой мере и как быстро; в том же направлении, что и у пополанов или с какими-либо специфическими особенностями?

Словом, существует настоятельная необходимость сравнительного изучения типов хозяйства, структуры земельной собственности, характера рентных отношений, социальных связей на землях горожан и городской коммуны, знати и церковных собственников, что мы и попытались проделать в данной монографии. При этом нам представлялось важным выявить различия, наличествовавшие (или проявлявшиеся слабо) на землях разных социальных групп, находившихся в самом городе и его предместьях и во владениях, расположенных на более далеком расстоянии от собственно городской территории, на аграрной периферии.

Избранный ракурс исследования позволил выявить ряд особых черт, присущих генезису и развитию феодальных отношений, на городских землях и на близко расположенной к городу территории. Это — более длительное сохранение в раннее средневековье мелкой свободной собственности позднеримского и аллодиального типа, причем собственниками участков порой были те же люди, которые одновременно являлись феодально-зависимыми держателями, в первую очередь те из них, кто в сравнительно небольшом объеме выполнял рентные обязательства и подвергался наименьшему внеэкономическому принуждению, а именно либелларии и другие наследственные держатели. По своему социальному статусу они весьма часто горожане, принимавшие участие в работе тех или иных органов государственной администрации, суда, финансовых органов, в торгово-ремесленных за-

пятнях. Впрочем, для обработки держаний они могли привлекать других людей из того же города или из предместья.

Победа над феодальными сеньорами округи и продолжение борьбы с грандами и нобилями, переселившимися (а нередко насильственно переселенными в город коммуной) в XII–XIII вв. привели к существенным переменам в распределении земельной собственности, переходу многих нобильских состояний в руки пополанов и городской коммуны в целом. Правда, в начале на землях, сеньорами которых стали пополаны, во многом сохранялись прежние методы хозяйствования, особенно сдача земель в наследственные держания либелляриям. Но можно проследить и новые, весьма важные моменты. Города освобождали немалое число сервов и колонов, проживавших на землях враждебных данной городской коммуне нобилей и грандов, от наиболее суровых видов личного подчинения и прикрепления к земле; они также довольно охотно принимали в число горожан тех же сервов и особенно колонов, сбежавших из округ других городов (с которыми у данного города не было специального соглашения, в соответствии с чем он обязывался бы выдавать беглецов их сеньорам) или же из владений, принадлежавших противникам данной коммуны.

В эти столетия значительно возросла доля судебно-политических видов зависимости наследственных держателей, в том числе и подчиненных непосредственно городу-государству как корпоративному собственнику. Налоговые поступления со свободного населения города и дистретто (поимущественные и подоходные, рыночные и торговые сборы, уплата за совершение юридических сделок и т. п.) составляли существенную часть городских доходов и являлись немаловажным орудием подчинения населения города и дистретто. Не последнюю роль в городской экономической политике играли и система низких цен, устанавливаемых на рынках города, а также целый ряд ограничений и запретных мер, которые должны были охранять интересы городского купечества и ремесленников, в первую очередь богатой верхушки. Подобные мероприятия, которые были призваны обеспечить поступление в город продовольствия и сырья для ремесленного производства, в действительности нередко вызывали обратный результат: сельские жители (особенно наиболее состоятельные) не только стремились, но и осуществляли на деле вывоз всякими правдами и неправдами товаров за пределы городской округи, а на своих земельных участках пытались изменить набор сельскохозяйственных культур, сообразуясь не с потребностями широких кругов горожан, а с возможностью более легкой и выгодной реализации на рынке интенсивных и специализированных культур (которые, заметим, подвергались меньшим ограничениям и в процессе их продажи со стороны города).

Следующий этап (XIV–XV вв.) принес с собой глубокие структурные перемены в отношениях феодальной собственности и землевладения, в рентных отношениях, формах держаний,

в имущественном и социально-юридическом статусе крестьянства. Быстрый рост имущественной дифференциации и поляризации земельной собственности в сельской округе был тесно связан с развитием городской промышленности и торговли, банковско-кредитного дела. Более половины, а порой и 70—80% земельных владений прежних мелких и средних свободных собственников и держателей, жителей сельских коммун, церковных корпораций, феодальной знати оказались в руках пополанов и городской коммуны в целом.

Казалось бы, что возраставшие инвестиции в недвижимость, в том числе и в земельную собственность, со стороны торгово-промышленных и банковских компаний Тосканы должны были содействовать структурным преобразованиям аграрных отношений, росту капиталистических элементов в сельском хозяйстве, перестройке форм земледелия и землепользования, методов агрикультуры и агротехники в соответствии с развивавшимися в городах раннекапиталистическими отношениями. Определенные структурные перемены в формах землепользования и аренды, как мы видели, действительно, имели место; было бы ошибкой не принимать во внимание и некоторых успехов в агрикультуре: распространение интенсивных культур, применение бобовых культур в севооборотах на паровых землях, работы по ирригации и мелиорации и т. п.

Во владениях пополанов, а за ними и церковных собственников и знати распространились отношения срочной аренды, среди которой все более неумолимо (прежде всего в Тоскане, Эмилии-Романье, Ломбардии) распространялась полукапиталистическая-полуфеодальная испольщина. Срочный арендатор, частично уже лишенный средств производства и вынужденный для осуществления воспроизводственного процесса на участке (приобретение семян, скота, орудий труда) нередко обращаться на рынок, причем подчас и не соседнего города, далеко не всегда и проживал постоянно на этом участке. Он существенно отличался от ведущего мелкое самостоятельное хозяйство наследственного держателя, собственника скота и орудий труда.

Среди арендаторов мелких земельных участков-парцелл, занятых часто специализированными культурами, мы нередко встречаем горожан-ремесленников, торговцев, служащих городских учреждений, лиц свободных профессий, а также членов торгово-промышленных компаний. Если для испольщика, арендовавшего подере поликультурного типа, последний должен был в основном служить источником самообеспечения его хозяйства (хотя это далеко не всегда было так на деле), то для арендатора-парцеллярия парцелла не могла принести сколько-нибудь достаточного количества продуктов (по их объему и набору) для существования его самого и его семьи. Сторонние, дополнительные (либо даже основные) ремесленно-торговые занятия, служба в городской администрации, наконец, аренда соседних парцелл или подере, сезонная работа по найму были здесь не только необходи-

мыми, но и неизбежными. Срочная аренда парцелл сочеталась весьма часто и с исполнением тех или иных производственных операций (прядение, реже ткачество) в системе рассеянной мануфактуры цехов Лана, Сэта, Калимала во Флоренции, Сиене, Перудже и их округах.

Тип хозяйствования на землях пополанов, церковных учреждений и феодальной знати имел некоторые отличия, порой довольно существенные. Если средние пополаны, рядовые торговцы и ремесленники, довольствовались нередко владением 2—3 подере как гарантом самообеспечения продовольствием, а в определенной мере и знаком социального престижа, то члены торгово-промышленных и банковских компаний нередко производили часть, бóльшую или меньшую, сельскохозяйственной продукции на продажу. Обычными для последних были и спекулятивные кредитно-ростовщические операции с землей и городской недвижимостью. При этом, что немаловажно, среди недвижимого имущества этих насчитывавших десятки представителей крупных фамильных кланов большое место (вплоть до половины состояний) принадлежало жилым домам, зданиям и производственным сооружениям в городе, в которых помещались ремесленные мастерские, торговые помещения, довольно часто там же сдававшиеся в аренду. Сдачу в аренду городской недвижимости широко практиковали и церковные учреждения. Крупные компании-землевладельцы мало заботились об интенсификации своих хозяйств на земле, устраняясь от непосредственного участия в издержках производства и перекладывая все основные расходы по осуществлению воспроизводственного процесса на плечи срочных арендаторов, прежде всего испольщиков.

Наемный труд в «собственном смысле слова» [1] не получил в сельской округе заметного распространения. Более активно в издержках производства на подере, сданных исполу, участвовали церковные собственники (домениальные хозяйства в этот период обычно не были значительными). Больше внимания, чем крупные пополаны, уделяли своим хозяйствам некоторые знатные фамилии, иные из которых вели и довольно интенсивную торговлю зерновыми и скотом. Тем не менее было бы ошибочным считать, что в Италии в этот период имело место формирование элементов нового дворянства. На землях представителей феодальной знати (весьма часто это были феоды, которые они держали от городских коммун, а позднее — от синьоров и принципов) в большей мере сохранялись держания сервов и колонов — даже в XIV и в XV вв., встречались барщинные повинности. Усиление некоторых видов личного подчинения, «чисто феодальных» обязательств испольщиков, арендовавших подере, можно наблюдать и на землях пополанов и церкви с конца XV в.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 504. Ср.: *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947. С. 378—381.

Барщина увеличивалась в объеме и распространялась на все бо́льшие виды работ (иногда эти работы частично оплачивались), очень возросли дополнительные, «сверх половины», натуральные платежи, которые иногда достигали четверти всех прежних взиманий, стеснялась личная свобода испольщика в его возможности покинуть участок, собственник мог применять и телесные наказания по отношению к арендатору.

Во владениях феодальной знати и на территориях феодов существовали баналитеты, юрисдикция феодального характера, вплоть до высшей уголовной, по отношению к поземельно зависимым держателям и арендаторам. Нобили нередко значительное время года проживали в городе, но не потеряли часть своих земельных богатств, а также судебных и политических прав как в городе, так и округе.

Специфика городского развития Центральной и Северной Италии обусловила и некоторые особенности ленно-вассальных связей. В раннее средневековье это — многоступенчатая либеллярная аренда, когда церковный собственник, часто церковное учреждение, сдавал землю по либеллярной грамоте графу или маркграфу, те же, в свою очередь,— нотарию, скабину, пресвитеру (на том же либеллярном праве), последние — мелким городским собственникам, крестьянам-держателям. У последних могли быть и свои держатели-колоны. Либеллярный договор здесь выступал как своего рода вассальная сделка (нередко при отсутствии вассальных обязательств военной помощи и ограничении чинша небольшими денежными взносами).

В X—XI вв. широко распространились иммунитетные пожалования, привилегии бана епископам и крупным аббатам, а также светским сеньорам-графам со стороны королей и императоров. Объектами пожалований были не только определенные территории земель, но и судебно-административные и рыночно-торговые сборы с городского населения диоцеза, как и с жителей многочисленных крепостей в сельской округе (в том числе и мелких свободных собственников). Непосредственное подчинение королю или императору, которое следовало за этим пожалованием, не намного ограничивало широкие полномочия, полученные иммунистом, особенно в деле дальнейшего подчинения прежних свободных.

В XIII—XIV вв. одним из специфических видов вассальных связей были вассальные договоры нобилей с городской коммуной, которые фиксировали обязательства подчинившегося коммуне феодала оказывать ей военную и иную помощь, привести к присяге и передать под верховенство города-государства феодально-зависимых держателей (а частично и свободное население), проживавших на территории передаваемых городу земель, в том числе многочисленных крепостей.

В XIV—XV вв. феоды нобилей и пополанов от синьоров и принципов были новым типом феодально-вассального договора. Верховный собственник уже теперь иной — это не город-государ-

ство, а синьор. Объектами пожалований в феод были обычно коммуны, расположенные в районах, менее затронутых прогрессивными преобразованиями (например, отдаленная от города часть контадо Пизы, Сиенская Маремма). Отныне жители той или иной коммуны были обязаны подчиняться гражданской и уголовной (вплоть до высшей) юрисдикции, принадлежавшей этим «новым феодалам», уплачивать в их пользу взносы за пастьбу скота, рыбную ловлю, порубку дров, охоту на землях, которые издавна находились в общем владении (или даже собственности) жителей данной коммуны. Коммуны не желали мириться с такими порядками, о чем свидетельствуют их бесчисленные жалобы и тяжбы с новыми властителями. Следствием подобных пожалований феодов были отставание в развитии и крайняя бедность именно этих территорий вплоть до нового времени. Тем не менее пожалования феодов не означали «восстановление феодализма» или «рефеодализации».

Итак, феодализм в Италии «вобрал в себя» городские черты, он сильно видоизменился, по сравнению с классическим французским или английским, именно в силу неразрывных связей деревни с городом на протяжении всего средневековья, причем городом, не только достигшим высокого уровня развития простого товарного производства, но и породившим «зачатки капиталистического производства» [2]. Однако в своем изменившемся качестве (не потеряв свою формационную сущность) итальянский феодализм оказал большее сопротивление тем элементам, которые вели к разложению феодальных отношений, чем это имело место в других, западноевропейских странах.

Примерами могут служить и испольщина, и характер применения наемного труда в сельском хозяйстве, и самый тип хозяйства на земле тех же пополанов—членов крупных торгово-промышленных компаний, использовавших в промышленной деятельности новые методы, широко применявших наемный труд в «собственном смысле слова».

Будучи проявлением силы города и распространившись повсеместно во многом благодаря как экономическому, так и политическому господству города над деревней, пополанское землевладение, тем не менее, не стало тем каналом, по которому элементы раннекапиталистических отношений внедрились бы более или менее широко в сельское хозяйство и обусловили бы его последующее прогрессивное развитие. Испольщина не способствовала глубоким преобразованиям на подере, так как те прогрессивные перемены, которые происходили в агрикультуре, достигались большей частью нерациональными методами, они истощали почву, приводили к безудержной эксплуатации массы испольщиков, стоявших на пороге крайней бедности. Бóльшие возможности прогрессивного развития содержали другие виды срочной аренды, прежде всего аффикт на парцеллах, и частично аренда тех же

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.

парцелл исполу. Указанные типы аренды способствовали распространению интенсивных культур, обеспечивали для собственника более высокую среднюю ренту при минимальных затратах на издержки производства.

Однако господство пополанского землевладения и преобладание в нем испольщины на подере явились значительным препятствием для того, чтобы подобная прогрессивная потенция могла осуществиться, хотя мы и видели частичную замену медзадрии аффиктом (прежде всего на землях церкви и отдельных нобильских фамилий) к концу XV в.

Возникшая в самом конце XV в. в Ломбардии крупная предпринимательского типа аренда скота и орошаемых лугов не получила быстрого распространения, ее внедрение в сельское хозяйство области растянулось на столетия, причем следует заметить, что собственниками оросительных сооружений и лугов, а также сдаваемого в аренду скота нередко были не пополаны, а крупная знать, еще во многом придерживавшаяся традиционно феодальных методов эксплуатации сельского населения.

Маркс весьма точно определил состояние итальянского общества в тот период, когда в его передовых городах возникли раннекапиталистические отношения, отметив, что «в некоторых местах *мануфактура* может спорадически развиваться в окружении, целиком относящемся еще к другому периоду, как она развивалась, например, в итальянских городах, *наряду* с цехами. Но условия для капитала, в качестве всеобъемлющей формы целой эпохи, должны быть развиты не всего лишь в местных рамках, а в широком масштабе... Развитие мануфактуры предполагает начинающееся разложение старых экономических отношений земельной собственности. С другой стороны, из этого совершающегося в отдельных точках разложения новая форма земельной собственности возникает во всей своей полноте и широте лишь тогда, когда современная промышленность достигает высокой степени развития, а это развитие в свою очередь всегда идет вперед тем быстрее, чем более развилось современное земледелие, соответствующая ему форма собственности, соответствующие ей экономические отношения. В этом отношении Англия является образцом для других, континентальных, стран» [3].

В Италии же этого не произошло.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВ — Средние века

Aist.— Aistulfi Leges // Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.

AM — Gli atti del comune di Milano fino all'anno 1216/Ed. C. Manaresi. Milano, 1919.

ARAL — Atti della Reale Accademia Lucchese di scienze, lettere ed arti. Lucca, 1886. Vol. 24.

Arch. Siena — Archivio di Stato. Siena. Inventario delle pergamene conservate in diplomatico dall'anno 736 all'anno 1250. Siena, 1908.

ASF — Archivio di Stato di Firenze. Medici avanti il Principato (MAP), Conventi soppressi (CS), Santa Maria Nuova (SMN).

ASI — Archivio storico italiano.

CDL — Codice diplomatico longobardo/A cura di L. Schiaparelli // Fonti dell'Istituto Storico Italiano. Roma, 1929; 1933. Vol. 1—2.

DA — Documenti per la storia della città di Arezzo nel medio evo. Vol. 1/A cura P. Ubaldi // Documenti di storia italiana. Firenze, 1899. Vol. 11.

DAC — Documenti per l'antica costituzione del comune di Firenze/ A cura di P. Santini // Documenti di storia italiana. Firenze, 1895. Vol. 10.

DAC. APP.— Documenti dell'antica costituzione del comune di Firenze. Appendice/A cura di P. Santini // Documenti di storia italiana. Firenze, 1952. Vol. 15.

DBI — I diplomi di Berengario I/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell' Istituto Storico Italiano. Roma, 1903. Vol. 35.

DBII — I diplomi di Berengario II/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell'Istituto Storico Italiano. Roma, 1924. Vol. 38.

DG — I diplomi di Guido // Fonti dell'Istituto Storico Italiano. Roma. 1906. Vol. 36.

DI — Documenti di storia italiana.

DL — Memorie e documenti per servire all'istoria del principato lucchese. Lucca. 1813—1847. Vol. 1—5.

DR II — I diplomi di Rodolfo II di Borgogna/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell'Istituto Storico Italiano. Roma, 1910. Vol. 37.

DU — I diplomi di Ugo/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell'Istituto Storico Italiano. Roma, 1924. Vol. 38.

FSI — Fonti per la storia d'Italia.

HPM — Historiae Patriae Monumenta. Augustae Taurinorum. 1873. Vol. 13.

Li — Liutprandi Leges // Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.

Muratori L. A. Antiquitates — Muratori L. A. Antiquitates Italicae medii aevi. Mediolani, 1742. Vol. 5.

I placiti — I placiti del «Regnum Italiae»/A cura di C. Manaresi // Istituto Storico Italiano per il medio evo. Fonti per la storia d'Italia. Roma, 1955. Vol. 92.

RA — Ratchis Leges // Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.

RCI I, 9 — Regesta chartarum Italiae. Roma, 1907. Vol. 1; 1914. Vol. 9.

RCP — Regesta chartarum Pistoriensium. Alto Medioevo, 493—1000. Pistoia, 1973.

RO — Edictus Rothari // Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.

RSA — Rivista di storia dell'agricoltura.

SM — Studi medievali.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24.
Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I—II.
Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. I—II.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 461—508.
Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Часть I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 3—48.
Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400—421.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327—345.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 406—416.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 23—178.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве // Полн. собр. соч. Т. 4.
Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве // Полн. собр. соч. Т. 1.

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Archivio Datini. Prato. N 356. Libro di Francesco di Marco da Prato sul quale si scriveranno tutti coloro che stanno a pigione nelle case e i lavoratori che tengono le terre a mezzo e a fitto. A. 1408—1410.

Archivio di Stato di Firenze.

Carte strozziane. I serie. Filza X. C. 291—296 (A. 1433).

Carte strozziane. III ser. Filza 121. C. 44—46, 63—74. (A. 1427, 1493); Carte strozziane. III serie. Filza 122. (XV s.); Carte strozziane. IV ser. Quaderno di possessioni di ms. Palla di Nofri di Palla Strozzi del 1423 e 1424. Entrate de poderi 1423—1425; Conventi soppressi. Filza 76. N 88. Libro «Ficti». Segn. A. 1385—1407. C. 2—61; Conventi soppressi. Filza 168. N 113 «Fitti Vecchi». Segn. B; Conventi soppressi. Filza 191. N 113; Diplomatico. Santa Maria Nuova; Gherardesca famiglia. Armadio A. Filza 30; Gherardesca famiglia. Armadio B. Filza 24. Atti giurisdizionali; Gherardesca famiglia. Armadio L. Filza 2. Alogagione delle pasture (1491—1687); Medici avanti il Principato. Filza 82. N 182. C. 559—597: Portata al Catasto di Cosimo di Medici e di Pierfrancesco di Lorenzo suo nipote; Medici avanti il Principato. Filza 83. N 48: Nota della entrata del Cieppo di Francesco di Marco del comune di Prato e prima per quest'anno 1493; Medici avanti il Principato. Filza 83. N 87. C. 471—472: Prospetto dei redditi di vari poderi dei Medici; Registri delle Provvisioni; Riformaggioni. Atti pubblici; Riformaggioni. Atti pubblici. Acquisti Firenze; Santa Maria Nuova. Ricordanze. N 40; Santa Maria Nuova. N 5797: Questo libro è dello spedale di Santa Maria Nuova di Firenze e che messe tutte le possessioni. Segn. A (1485—1488); Statuti dei comuni soggetti.

Archivio di stato di Siena. Inventario delle pergamene conservate in diplomatico dall'anno 736 all'anno 1250/A cura di A. Lisini. Siena, 1908.
Gli atti del comune di Milano fino all'anno 1216/Ed. C. Manaresi. Milano, 1919.
I capitoli del comune di Firenze. Inventrario e regesto Firenze, 1866. Vol. 1.
Le carte più antiche di S. Antonio di Piacenza/A cura di E. Falconi. Parma, 1959.
Codice diplomatico longobardo/A cura di L. Schiaparelli // Fonti dell Istituto storico italiano. Roma, 1929, 1933. Vol. 1—2.
Consigli della Repubblica fiorentina/Per cura di B. Barbadoro. Bologna, 1921; 1930. Vol. 1, pt 1—2.
Consulte della Repubblica fiorentina dall'anno 1280 al 1298 per la prima volta pubblicata da A. Gherardi. Firenze, 1896; 1898. Vol. 1—2.
Il costituto del comune di Siena dell'anno 1262/A cura di L. Zdekauer. Milano, 1897.
Il costituto del comune di Siena. Volgarizzato nel 1309—1310. Siena, 1903. Vol. 1—2.
Da Certaldo Paolo. Libro di buoni costumi/A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945.
I diplomi di Berengario I/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell'Istituto storico italiano. Roma, 1903. Vol. 35.
I diplomi di Berengario II/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell' Istituto storico italiano. Roma, 1924. Vol. 38.
I diplomi di Guido // Fonti dell'Istituto storico italiano. Roma, 1906. Vol. 36.
I diplomi di Rodolfo di Borgogna/Ed. L. Schiaparelli // Fonti dell'Istituto storico italiano. Roma, 1910. Vol. 37.
I diplomi di Ugo // Fonti dell'Istituto storico italiano. Roma, 1924. Vol. 38.
Documenti dell'antica costituzione del comune di Firenze/A cura di P. Santini. Firenze, 1895. (Documenti di storia italiana. Vol. 10).
Documenti dell'antica costituzione del comune di Firenze/A cura di P. Santini. Firenze, 1952. App. (Documenti di storia italiana. Vol. 15).
Documenti per la storia della città di Arezzo nel medio evo/A cura di P. Ubaldi. Firenze, 1899, 1916. Vol. 1—2. (Documenti di storia italiana. Vol. 11, 14).
Die Gesetze der Langobarden/Von Fr. Beyerle. Weimar, 1947.
Gloria A. Codice diplomatico padovano dal secolo sesto a tutto l'undecimo. Venezia, 1877.
Historiae Patriae Monumenta. Augustae Taurinorum, 1873. Vol. 13.
Lasinio E. Regesto delle pergamene del R. Archivio di Stato in Massa. Pistoia, 1916.
Leicht P. S. Storia del diritto italiano. Le fonti. 3 ed. Milano, 1947.
Liber Paradisus con le riformagioni e con gli atti connessi/A cura di F. S. Gatta, G. Plessi. Bologna, 1956.
Il libro di Montaperti (1260)/Pubbl. per cura di C. Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. Vol. 9).
Macchiavelli B. Il libro di ricordi. Firenze, 1953.
Macinghi Strozzi Alessandra. Lettere di una gentildonna fiorentina del secolo XV agli figliuoli esuli/Pubbl. da C. Guasti. Firenze, 1877.
Mazzei Lapo ser. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV con altre lettere e documenti/Per cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol. 1—2.
Memorie e documenti per servire all'istoria del principato lucchese. Lucca, 1813—1847. Vol. 1, 4, pt 1—2; Vol. 5, pt 1—3; Vol. 7, 9.
Memorie storiche della città di Pistoia. Lucca, 1758.
Muratori L. A. Antiquitates Italiae medii aevi. Mediolani, 1742. Vol. 5.
Pini A. I. La popolazione di Imola e del suo distretto nel XIII e XIV secolo. Bologna, 1976. App. IV. L'estimo di Imola del 1312.
I placiti del «Regnum Italiae»/A cura di C. Manaresi. Roma, 1955. Vol. 1.
Regesta chartarum Italiae. Roma, 1907. Vol. 1.
Regesta cartarum Pistoriensium. Alto Medioevo. 493—1000. Pistoia, 1973.
Regesta chartarum Pistoriensium. Enti ecclesiastici e spedali. Secoli XI e XII/ A cura di N. Rauty, P. Turi, V. Vignali. Pistoia, 1979.

Regesta chartarum Pistoriensium. Vescovado. Secoli XI e XII/A cura di N. Rauty. Pistoia, 1974.
Regesto feudale di Sartiano/A cura di D. Bandini // Bulletino senese di storia Patria. 1965. A. 72.
Statuta populi et communis Florentiae. 1415. Freiburg; Berlin, 1778. Vol. 1—2.
Statuti della repubblica Fiorentina/A cura di R. Caggese. Firenze, 1910. Vol. 1: Statuto del capitano del Popolo degli anni 1322—1325; Firenze, 1921. Vol. 2: Statuto del Podestà dell'anno 1325.
Statuto di Arezzo (1327)/A cura di G. Marri Camerani. Firenze, 1946. (Fonti di storia aretina. Vol. 1).
Statuto di Genazzano dell'anno 1379. Roma, 1910. (Fonti per la storia d'Italia. Vol. 48).
Statuto di Saccomuro dell'anno 1311. Roma, 1914. (Fonti per la storia d'Italia. Vol. 69).
Statutum bladi reipublicae Florentinae (1348) // A cura di G. Masi. Firenze, 1934.
Statutum potestatis communis Pistorii dell'anno 1296/A cura di L. Zdekauer. Milano, 1888.
Tiraboschi G. Memorie storiche modenesi. Modena, 1793. Vol. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамсон М. Л. Влияние торговли на формирование феодальных отношений в Южной Италии (IX—XIII вв.) // СВ. 1968. Вып. 31.
Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979.
Абрамсон М. Л. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI—XI вв.) // СВ. 1976. Вып. 40.
Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западноевропейской медиевистики. М., 1973.
Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.
Бернадская Е. В. Из истории сельских коммун Моденской провинции // СВ. 1959. Вып. 14.
Бернадская Е. В. К истории аграрных отношений Северной и Средней Италии XIV—XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.
Бессмертный Ю. Л. Некоторые дискуссионные вопросы генезиса феодализма на территории Франции // СВ. 1984. Вып. 47.
Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков (по северофранцузским и западнонемецким материалам). М., 1969.
Брагина Л. М. Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв. // СВ. 1958. Вып. 12.
Брагина Л. М. Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.
Брагина Л. М. Итальянский гуманизм: Этические учения XIV—XV веков. М., 1977.
Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе // Отв. ред. Е. В. Гутнова. М., 1983.
Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1947—1961. Т. 1—2.
Гусарова Т. П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.
Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984.
Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализ-

Brezzi P. Politica, economia, vita sociale nell'alto Medioevo. Napoli, 1970.
Brezzi P. Società feudale e vita cittadina dal IX al XII sec. Roma, 1972.
Brucker Gene A. Firenze nel Rinascimento. Firenze, 1980.
Caggese R. L'alto Medio Evo. Torino, 1937.
Caggesse R. Firenze dalla decadena di Roma al Risorgimento d'Italia. Firenze, 1912. Vol. 1.
Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medio evo italiano. Firenze, 1907—1909. Vol. 1—2.
Le Campagne italiane prima e dopo il Mille. Una società in trasformazione // A cura di B. Andreolli, V. Fumagalli, M. Montanari. Bologna, 1985.
Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958.
Carli F. Il mercato nell'alto Medioevo. Padova, 1934.
Casini B. Aspetti della vita economica e sociale di Pisa dal Catasto del 1428—1429. Pisa, 1965.
Cecchi E. Federigo Melis e l'Archivio Datini in Prato // Quaderni di storia postalo. 1983. N 2.
La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959.
Cherubini G. Le campagne italiane dall'XI al XV secolo // Storia d'Italia/A cura di G. Galasso. Torino, 1981. Vol. 5.
Cherubini G. Signori. Contadini. Borghesi. Ricerche sulla società italiana del basso Medioevo. Firenze, 1974.
Cherubini G. Una comunità dell'Appennino dal XIII al XV secolo. Montecoronaro. Dalla signoria dell'abbazia del Trivio al dominio di Firenze. Firenze, 1972.
Chiappelli L. Formazione storica del comune cittadino in Italia // Archivio Storico italiano. 1926, 1927, 1928. Vol. 6—10.
Chiappelli L. Storia di Pistoia nell'alto Medioevo. Pistoia, 1932.
Chittolini G. Alle origini delle «grandi aziende» della bassa Lombardia // Quaderni storici. 1978. N 39.
Chittolini G. La formazione dello stato regionale e le istituzioni del contado. Sec. XIV e XV. Torino, 1979.
Civiltà ed economia agricola in Toscana nei sec. XIII—XV: problemi della vita delle campagne nel tardo Medioevo. Pistoia, 1981.
Ciano C. La «pratica di mercatura» datiniana (sec. XIV). Milano, 1964.
Comba R. La popolazione in Piemonte sul finire del Medioevo. Ricerche di demografia storica. Torino, 1977.
Contadini e proprietari nella Toscana moderna, Atti del convegno di studi in onore di G. Giorgetti. Firenze, 1979. Vol. 1.
Conti E. La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino. Roma, 1965. Vol. 1: Le campagne nell'età precomunale; Vol. 3, pt 1: I catasti agrari: Vol. 3, pt 2: Monografie e tavole statistiche.
Cracco G. Società e stato nel Medioevo Veneziano. Firenze, 1967.
La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento/ A cura di G. Chittolini. Bologna, 1979.
Cristiani E. Nobiltà e popolo nel comune di Pisa. Napoli, 1962.
D'Amia A. Schiavitù romana e servitù medioevale. Milano, 1931.
Da Bisticci V. Vite di uomini illustri del sec. XV/Rived. sui miss. da L. Frati. Bologna, 1892—1893. Vol. 1—3.
Dal Pane L. Il problema dello sviluppo capitalistico. Bologna, 1974.
Dilcher G. Die Entstehung der lombardischen Stadtkommune. Aachen, 1967.
Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1972; 1975.
Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953.
Famille et parenté dans l'Occident médieval. Paris; Torino. 1977.
Fasoli G. Dalla «civitas» al comune nell'Italia settentrionale. Bologna, 1961.
Fasoli G. I longobardi in Italia. Bologna, 1965.
Fasoli G. Ricerche sulla legislazione antimagnatizia nei comuni dell'alta e media Italia. Bologna, 1939.
Fasoli G. Scritti di storia medievale. Bologna, 1974.
Fiumi E. L'attività usuraria dei mercanti sangimignanesi nell'età comunale // ASI. 1961. A. 119. D. 2.
Fiumi E. Demografia, movimento urbanistico e classi sociali in Prato dall'età comunale ai tempi moderni. Firenze, 1968.

Fiumi E. Fioritura e decadena dell'economia fiorentina // ASI. 1959. Vol. 17.
Fiumi E. Volterra e San Gimignano nel medioevo/A cura di G. Pinto. Siena. 1983.
Fiumi E. Sui rapporti fra città e contado nell'età comunale // ASI. 1956. D. 1.
Forme di potere e struttura sociale in Italia nel Medioevo/A cura di G. Rossetti. Bologna, 1977.
Franchetti V., Casali G. I Medici nel contado fiorentino. Firenze, 1978.
Frangioni L. Milano e le sue strade: (Costi di trasporto e vie di commercio dei prodotti milanesi alla fine del Trecento). Bologna, 1983.
Fumagalli V. Terra e società nell'Italia Padana. I secoli IX e X. Bologna, 1974; 1976.
Giorgetti G. Capitalismo e agricoltura in Italia. Roma, 1977.
Giorgetti G. Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Torino, 1974.
Goldthwaite R. A. Private Wealth in Renaissance Florence. A Study of Four Families. Princeton, 1968.
Hannestad Kn. L'évolution des ressources agricoles de l'Italie de 4-ème au 6-ème siècle de notre ère. København, 1962.
Hartmann L. M. Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Gotha, 1904.
Heers J. Le clan familial au moyen âge. Etudes sur les structures politiques et sociales des milieux urbaines. P., 1974.
Herlihy D. Pisa nel Duecento. Vita economica e sociale d'una città italiana nel Medioevo. Pisa, 1973.
Herlihy D. Pistoia nel Medioevo e nel Rinascimento, 1200—1430. Firenze, 1972.
Herlihy D. The social history of Italy and Western Europe, 700—1500.. L., 1978.
Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Les Toscanes et leurs familles. Une étude du catasto florentin de 1427. P., 1978.
Hidetoschi Hoshino. Francesco di Iacopo del Bene cittadino fiorentino del Trecento // Annuario. Ist. giap. di cult. 1966/67. Vol. 4.
I ceti dirigenti in Toscana nell'età precomunale. Pisa, 1981.
I ceti dirigenti in Toscana nell'età comunale nei secoli XII—XIII. Pisa, 1982.
I ceti dirigenti nella Toscana tardocomunale. Pisa; Firenze, 1983.
I problemi dell'Occidente nel sec. VIII. Spoleto, 1973.
Il passagio dall'antichità al medioevo in Occidente. Spoleto, 1962.
Imberciadori I. Come per omaggio a Niccolò Machiavelli // RSA. 1968. N 4.
Imberciadori I. Mezzadria classica toscana con documentazione inedita dal IX al XIV sec. Firenze, 1951.
Imberciadori I. Proprietà terriera di F. Datini e parziaria mezzadrile nell'400 // Economia e storia. 1958. Fasc. 3.
Imberciadori I. Per la storia della società rurale. Amiata e Maremma tra il IX e il XX secolo. Parma, 1971.
Jones A. H. M. Il tramonto del mondo antico. Bari, 1972.
Jones Ph. J. L'Italia // Storia economica Cambridge. Torino, 1976. Vol. 1: L'agricolutra e la società rurale nel Medioevo. trad. it.
Keller H. Adelherrschaft und Stadtgesellschaft in Oberitalien 9 bis 12 Jahr. Tübingen, 1979.
Kotelnikova L. A. I contadini italiani nei secoli X—XII (alcuni aspetti generali) // RSA. 1975. N 3.
Kotelnikova L. A. Città e campagna nel Medio evo italiano: Mondo contadino e ceti urbani dal V al XV secolo. Roma. 1986.
Kotelnikova L. A. Il patrimonio fondiario dei Medici alla metà del Quattrocento // Omaggio a I. Imberciadori. Studi di storia dell'agricoltura (sec. XIII—XIX). Bologna, 1981.
Kotelnikova L. A. Mondo contadino e città in Italia dall'XI al XIV secolo. Dalle fonti dell'Italia centrale e settentrionale. Bologna, 1975; 1982.
La Roncière Ch. de. Florence centre economique regional au XIV siècle. Aix du Provence, 1977.
La Roncière Ch. de. Un changeur florentin du trecento. (1285—1363). P., 1973.
Larner J. Signorie di Romagna. Bologna, 1972.
Leicht P. S. Corporazioni romane ed arti medioevali. Torino, 1937.

Leicht P. S. Livellario nomine. Osservazioni ad alcune carte amiatine del sec. nono. Torino, 1905.
Leicht P. S. Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal sec. VI al XVI. Milano, 1946.
Leicht P. S. Studi sulla proprietà fondiaria nel medioevo. Verona; Padova, 1903. Vol. 1.
Leverotti F. Massa di Lunigiana alla fine del Trecento. Ambiente, insediamenti, paesaggio. Pisa, 1982.
Luzzatti M. Una guerra di popolo. Lettere private del tempo dell' assedio di Pisa (1494—1509). Pisa, 1973.
Luzzatto G. Dai servi della gleba agli albori del capitalismo. Bari, 1966.
Malanima P. I Riccardi di Firenze, Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1977.
Martines L. The Social World of the Florentine Humanists, 1390—1460. Princeton, 1963.
Medioevo rurale. Sulle tracce della civiltà contadina // A cura di V. Fumagalli, G. Rossetti. Bologna, 1980.
Melis F. Aspetti della vita economica medievale. Siena, 1962.
Mengozzi G. La città italiana nell'alto Miedioevo. Firenze, 1931.
Mengozzi G. Il comune rurale nel territorio lombardo tosco. Firenze, 1931.
Merlini D. Saggio di ricerche sulla satira contro il villano. Firenze, 1881.
Moneta e scambi nell'alto Medioevo. Spoleto, 1961.
Montanari M. L'alimentazione nell'alto medio evo. Napoli, 1979.
Mor C. G. Il diritto romano nel sistema giuridico longobardo del sec. VIII // Atti dell' Accadi naz. dei Lincei. Ser. 8. Roma, 1973. Vol. 27. Fasc. 1—2.
Nobiltà e ceti dirigenti in Toscana nei secoli XI—XIII: struttura e concetti. Firenze, 1982.
Occhipini E. Il contado milanese nel sec. XIII. L'amministrazione della proprietà fondiaria del monastero Maggiore. Bologna, 1982.
Ottokar N. Il comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1962.
Pampaloni G. Firenze al tempo di Dante, Documenti sull'urbanistica Fiorentina. Roma, 1973.
Palmieri A. La montagna bolognese del Medio Evo. Bologna, 1972.
Pansini G. Per una storia del feudalesimo nel granducato di Toscana durante il periodo mediceo // Quaderni storici. 1972. N 19.
Piccinni G. «Seminare, fruttare, raccogliere». Mezzadri e salariati sulle terre di Monte Oliveto Maggiore (1374—1430). Milano, 1982.
Pinto G. Il libro del Biadaiolo, Carestie e annona a Firenze dalla metà del' 200 al 1348. Firenze, 1978.
Pinto G. La Toscana nel tardo Medio evo. Ambiente, economia rurale, società. Firenze, 1981.
Pivano S. I contratti agrari in Italia nell'alto medio evo. Torino, 1904.
Plesner I. L'emigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIII siècle. København, 1934.
Poggi E. Cenni storici delle leggi sull'agricoltura dai tempi romani fino ai nostri. Firenze, 1845—1848. Vol. 1—2.
Problemi comuni dell'Europa postcarolingia. Spoleto, 1955.
Proposte e ricerche della sezione dell'agricoltura e della società rurale del centro di ricerca e studio dei beni culturali marchigiani. Urbino, 1977—1986. N 1—17.
Produzione, commercio e consumo dei panni di lana (nei sec. XIII—XVIII) // Atti della sec. settimana di studio (10—16 apr. 1970). Firenze, 1976.
Rauty N. L'antico palazzo dei Vescovi a Pistoia. Storia e restauro. Firenze. 1981.
Raveggi S., Tarassi M., Medici D., Parenti P. Ghibellini, guelfi e popolo grasso. I detentori del potere politico a Firenze nella seconda metà del Dugento. Firenze, 1978.
Redon O. Uomini e comunità del contado senese nel duecento. Siena, 1982.
Rodolico N. Il popolo minuto. Note di storia fiorentina (1343—1378). Firenze, 1968.
Romano R. Tra due crisi, l'Italia del Rinascimento. Torino, 1973.
Romeo R. Il comune rurale di Origgio nel sec. XIII. Assisi, 1970.

Rossetti G. Società e istituzioni nel contado lombardo durante il Medioevo. Cologno Monzese, Sec. VIII—X. Milano, 1968. T. 1.
Rossetti G., Pratesi M. C., Garzella G., Guzzardi M. B., Lugliè G., Sturmann C. Pisa nei secoli XI et XIII: Formazione e caratteri di una classe di governo. Pisa, 1979.
Rotelli C. L'economia agraria di Chieri attraverso i catasti dei secoli XIV—XVI. Milano, 1967.
Rotelli C. Una campagna medievale. Storia agraria del Piemonte fra il 1250 e il 1450. Torino, 1973.
Ruggini L. Economia e società nell' «Italia annonaria» Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo. Milano, 1961.
Russell J. C. Medieval Regions and their Cities. Newton Abbot, 1972.
Rutenburg V. Popolo e movimenti popolari nell'Italia del 300' e 400'. Bologna, 1971.
Salvemini G. Magnati e popolani di Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1960.
Salvioli G. Città e campagne prima e dopo il mille. Palermo, 1901.
Santini P. I comuni di valle del Medio evo. La costituzione federale del Frignano. Milano, 1960.
Serena Mazzi M., Raveggi S. Gli uomini e le cose nelle campagne fiorentine del Quattrocento. Firenze, 1983.
Settia A. A. Incastellamento e decastellamento nell'Italia padana fra X e XI sec. // Bolletino storico bilbiografico Subalpino. Torino, 1976.
Sereni E. Agricoltura e mondo rurale // Storia d'Italia. Caratteri originali. Torino, 1972. Vol. 1.
Sestan E. L'Italia Medievale. Firenze, 1967.
Slicher van Bath. Storia agraria dell'Europa occidentale (500—1850). Torino, 1972.
Sommario storico delle famiglie celebre toscane/Compil. da D. Tiribilli. Firenze, 1855. 1862. Vol. 1—2.
Sorbelli A. Il comune rurale dell' Appennino emiliano nel sec. XIV e XV. Bologna, 1910.
Stahl B. Adel und Volk im Florentiner Dugento. Köln, Graz, 1965.
Storia d'Italia. Torino: Einaudi, 1972—1974. Vol. 1—5.
Structures féodales ex féodalisme dans l'Occident méditerranéen. (X—XIIe s.). Bilan e perspectives de recherches. Roma, 1980.
Studi in memoria di Federigo Melis. Firenze, 1978. Vol. 1—5.
Studi in memoria di Luigi Dal Pane. Bologna, 1982.
Tabacco G. Dai possessori dell'età carolingia agli esercitali dell'età longobarda // A G. Ermini. Firenze, 1970. Vol. 1.
Tagliaferri A. I longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo Medioevo. Milano, 1965.
Tangeroni M. Per lo studio dei villagi abbandonati a Pisa e in Sardegna nel Trecento // Bolletino storico pisano. 1972. Vol. 60/61.
Töpfer B., Engel E. Vom staufischen Imperium zum Hausmachtkönigtum (1122—1314). Weimar, 1976.
Toubert P. Les statuts communaux et l'histoire des campagnes lombardes au XIV siècle // Mélanges d'archeologie et l'histoire. 1960. T. 72.
Toubert P. Les structures du Latium médieval: Le Latium meridional e la Sabine du IX à la fin du XII siècle. Roma, 1973.
Vaccari P. L'affrancazione dei servi della gleba nell'Emilia e nella Toscana. Bologna, 1926.
Vasina A. Società, politica ed istituzioni nell'Italia Padana. Bologna, 1974.
Verlinden Ch. L'Esclavage dans le centre et le nord de l'Italie continentale au Bas Moyen âge. Gent, 1970.
Ville et campagne dans le litterature italienne de la Renaissance. P., 1976.
Violante C. La società milanese nell'età precomunale. Bari, 1974.
Violante C. Economia e Società. Istituzioni a Pisa nel Medioevo. Pisa, 1980.
Volpe G. Medio evo italiano. Firenze, 1961.
Volpe G. Studi sulle istituzioni comunali di Pisa. Secoli XII—XIII. Firenze, 1970.
Volpe G. Toscana medievale. Massa marittima. Volterra; Sarzana; Firenze, 1964.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА КОТЕЛЬНИКОВА

ФЕОДАЛИЗМ И ГОРОД В ИТАЛИИ
В VIII—XV ВЕКАХ

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства Е. А. Мишакова. Художник Н. А. Седельников
Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор Н. Н. Кокина
Корректоры Г. Н. Джиоева, Л. А. Розыбакиева

ИБ № 35912

Сдано в набор 12.12.86. Подписано к печати 02.02.87. А-04035. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бума
книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 1
Усл. кр. отт. 16. Уч.-изд. л. 19,3 Тираж 2100 экз. Тип. зак. 3229. Цена 4 р. 20

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6